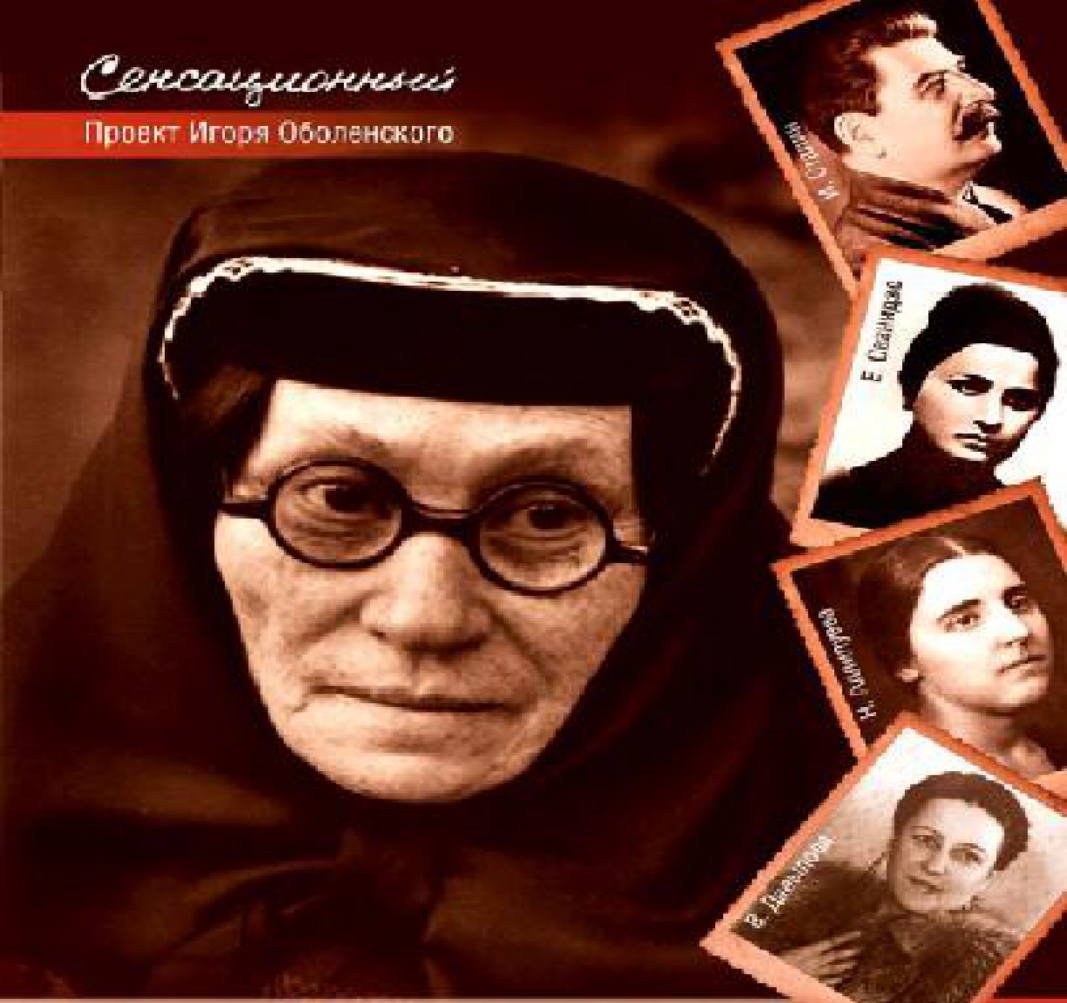
Сенсационный

Проект Игоря Оболенского



Мемуары матери Сталина

13 ЖЕНЩИН ДЖУГАШВИЛИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Перед вами сенсационное издание, меняющее представление о поистине самой популярной личности России - Иосифе Сталине. Впервые на русском языке публикуются воспоминания матери Сталина, которые больше семи десятков лет пролежали в закрытых архивах. Среди откровений книги - признание внучки Максима Горького о сватовстве Сталина и неизвестные дневники примадонны Большого театра Веры Давыдовой, которая считалась последней любовью вождя.

Вряд ли эту книгу можно назвать "донжуанским" списком вождя. Это история о том, как романтичный Сосо Джугашвили превратился в мстительного Кобу Сталина. Настоящее детство вождя, неизвестные подробности двух браков, история неудавшейся женитьбы на невестке Максима Горького, странные "походы" за кулисы Большого театра, тайные страсти и увлечения, о которых шепотом говорила вся страна, - все это собрано на основе исторических документов и дневников участников событий, большинство из которых публикуются впервые.…

- Игорь Оболенский
  -
  - От автора
  - Глава 1. Мать. Легенда об Иосифе
  - Глава 2. Первая любовь
  - Глава 3. Выстрел в потешном дворце
  - Глава 4. Вторая надежда
  - Глава 5. Хозяйка
  - Глава 6. Земляки
  - Глава 7. Большой треугольник
  - Глава 8. Странные женщины
  - Приложение № 1
  - Благодарность
  - Фотоматериалы

Игорь Оболенский
Мемуары матери Сталина. 13 женщин Джугашвили

«Дорогая бабушка, миленькая бабушка! Опять я не умер! Ты у меня осталась одна на свете, и я у тебя один. Если я не умру, когда вырасту большой, а ты станешь совсем старенькая, я буду работать и тебя кормить. Твой Гарик».

«Дорогая бабушка, опять я не умер. Это не в тот раз, про который я тебе уже писал. Я умираю много раз. Твой внук ».

(из писем сына наркома НКВД Генриха Ягоды своей бабушке в тюрьму)

От автора

Были собраны все материалы, расшифрованы интервью, переведены дневники и записки.

Но для того, чтобы начать писать эту книгу, все равно чего-то не хватало.

И тогда я поехал в Гори, небольшой городок в полусотне километров от Тбилиси. Именно здесь появился на свет главный герой моего будущего рассказа.

В дни его детства это было совсем небольшое поселение, где жило несколько сотен человек.

Сегодня Гори известен как город, принявший на себя главный удар во время войны 08.08.08 и место, где до относительно недавнего времени на главной площади стоял памятник его самому великому уроженцу.

Статую демонтировали почти сразу же после той войны.

Но я успел увидеть ее, аккурат за два дня до начала бомбардировок.

Она стояла, освещенная лунным светом, почему-то грозная, пугающая, и, как потом оказалось, последний раз бросала взгляд на свою землю.

Очутившись на улицах Гори весной 2013 года, я понял, что теперь все сложилось.

Конечно, это уже не тот город, в котором появился на свет Сталин. Он застроен современными домами и по его улицам ходит молодежь, для которой имя, наводившее в былые годы ужас, превратилось всего лишь в приманку для туристов.

Но я попытался ощутить прежний дух.

Да и не так это оказалось сложно: надГори все также возвышается старинная крепость; выстоял старый дом, где все началось, и все также стоит под мраморным колпаком музей.

Именно в Гори я понял, что готов начать эту книгу. О женщинах Сталина и, конечно же, о нем.

На этих страницах будут рассказы людей, которые стали очевидцами главного.

Соучастниками века, который им довелось прожить...

Игорь Оболенский

Глава 1. Мать. Легенда об Иосифе

Я не собирался писать биографию Сталина. Таких книг предостаточно.

Мне были интересны истории женщин, которые волею судьбы оказались в ближнем круге сына грузинской прачки, вошедшего в историю под именем Иосифа Сталина.

Мать, жены, дочь, любимые актрисы и последняя любовь.

Через их судьбы я попытаюсь рассказать о человеке, которого мы до сих пор не знали...

Екатерина Геладзе

Удивительно, но в биографии Сталина, где, казалось бы, все известно «от и до», самой загадочной фигурой является его мать.

Что мы знаем о Екатерине Геладзе, кроме того, что ее звали Кеке и что она как-то призналась сыну: «А лучше бы ты стал священником»?

В 2005 году я первый раз приехал в Тбилиси и, как и большинство туристов, отправился на Мтацминду (в переводе с грузинского «святую гору»), где похоронен Александр Грибоедов.

Могилы автора «Горе от ума» и его жены Нино Чавчавадзе находятся в гроте. А над ним располагается пантеон, где преданы земле великие грузины.

Вместе со мной был мой коллега, журналист из Тбилиси. Он читал по-грузински надписи на памятниках и переводил мне имена легендарных писателей, актеров, общественных деятелей, обретших последний приют на старом тбилисском кладбище.

Указав на черную стеллу, увенчанную белым мраморным вазоном и такой же белой лентой, он произнес: «А это -могила матери Сталина. Здесь похоронена Кеке».

Так я впервые услышал это имя.

Спустя три года я снова оказался в Тбилиси. Свет увидела моя книга «Судьба красоты. Истории грузинских жен». После того, как ее перевели на несколько языков, а вскоре последовало и второе издание, меня стали считать чуть ли не главным знатоком историй грузинских красавиц. И я был готов согласиться с этим лестным титулом.

Пока одна из тбилисских старушек, с которой мы на удивление быстро нашли общий язык, не сказала, что историю грузинской женщины, изменившей ход всей мировой истории, я так и не написал.

- Кого вы имеете в виду? - спросил я.

- Как? - удивилась старушка. - Разве есть варианты? Конечно же, мать Сталина.

Поначалу эти слова привели меня в замешательство. Но потом я понял, что моя знакомая права. Не появись у Кеке третьего ребенка, как знать, каким оказался бы век двадцатый.

Первым делом, конечно же, я заглянул в энциклопедию. Но там о моей будущей героине сказано не так много:

«Родилась в Гамбареули в семье садовника Георгия Геладзе и Мелании Хомезурашвили в 1859 году, умерла в Тбилиси 13 мая 1937 года».

Самая полная официальная версия биографии матери Сталина впервые была изложена.. в некрологе по случаю ее смерти. Где, кстати, у Екатерины Геладзе указан другой год рождения.

Не с матери ли впоследствии брал пример ее знаменитый сын, запутывая своих будущих биографов?

Тбилисская газета «Заря Востока» (№ 129 от 8 июня 1937 г.) писала: «Екатерина Георгиевна Джугашвили (урожденная Геладзе) родилась в 1856 году в селении Гамбареули, близ города Гори, в семье крепостного крестьянина. До 9 лет Екатерина Георгиевна росла в деревне и вместе со всей семьей испытывала крайнюю нужду и тяжкий гнет помещика.

В 1864 году, после отмены крепостного права, семья Геладзе переселилась из деревни в город Гори. Отец Екатерины Георгиевны умер рано, и семья осталась на попечении матери. Благодаря заботам матери и братьев Екатерина Георгиевна обучилась грамоте. В 1874 году 18-летняя Екатерина Георгиевна вышла замуж за Виссариона Ивановича Джугашвили, рабочего фабрики Адельханова в Тбилиси».

Но энциклопедию и газетную статью прочтет любой, ничего нового здесь не откроешь. Где же взять информацию о матери одного из самых загадочных и противоречивых правителей минувшего столетия?

И тут, словно по заказу, мне стали встречаться люди, которые либо лично знали Кеке (да-да, такие еще оставались в Тбилиси), либо могли рассказать о ней со слов своих родителей.

А под конец мне в руки и вовсе попал документ, способный изменить устоявшееся представление о многом и многих.

Но - обо всем по порядку.

Главный вопрос, который по-прежнему любят обсудить в Грузии (и не только), заключается в том, кто же был истинным отцом Сталина - сапожник Виссарион Джугашвили, богатый предприниматель Эгнаташвили или вовсе путешественник

Пржевальский, чье изображение на фото действительно имеет много общего с внешностью Сталина.

Причем ясности по этому поводу нет даже в семье самого Сталина.

Его внучка Галина, дочь сына Якова, вспоминала:

«Портниха Альбина (существо мистическое и супер светское: серебряные черепа на пальцах, независимая прическа), провожая меня до дверей старой коммуналки с необъятными потолками, вдруг перешла на шепот и, как-то даже по-плебейски озираясь, сообщила (до того мы говорили о детях), что по самым проверенным сведениям, подтвержденным «совершенно подлинными» документами, мой дед вовсе не сын Пржевальского и Катерины-матрасницы (о чем знает весь свет), а Пржевальского и некой грузинской княжны «очень, очень» знатного происхождения...

Называли другие имена - двух или трех местных князей, богатого домовладельца-соседа. По счастью, эти версии хоть не лишали Катерину права материнства.

... В пестром хороводе этих «баллад» самая незавидная роль доставалась все-таки не Катерине (этакой горской Кармен), а злополучному прадеду моему, сапожнику Виссариону Ивановичу. Трубадуры уверяли, что даже и фотография его не фотография вовсе, а то ли муляж, то ли подретушированный снимок самого Деда. Единственный их аргумент удивлял незатейливостью: «А почему она (фотография) только одна? Тогда их было бы много!»

... Как они жили? Думаю, вначале Катерина была сильно увлечена шутником, балагуром и заводилой Виссарионом Ивановичем (возможно, он верховодил в мужских компаниях - и это льстило ей, а дома был с ней разговорчив и ласков). Позднее же началась обычная и скучная семейная история.»

Что ж, вот эту самую «обычную и скучную» историю мне и предстоит рассказать.

Основываясь на воспоминаниях тех самых грузин, которым есть что поведать.

И читая документы из собрания Тбилисского филиала Института Маркса-Энгельса-Ленина. (Сегодня в бывшем здании этого заведения, роскошном, спроектированном самим архитектором Щусевым, собираются устроить пятизвездочную гостиницу).

Кроме сухой информации там хранились документы, которых вполне хватило бы на целый роман. Их авторы -ровесники и друзья маленького Иосифа, для которых он навсегда остался просто Сосо.

Записка Михаила Цихитатришвили о предках Сталина по

отцовской линии:

«Одно из крупных крестьянских восстаний произошло в Анануре. Там царские офицеры арестовали 10 повстанцев, среди которых был крестьянин Заза Джугашвили - прадед И. В. Сталина (по линии отца).

Зазе удалось сбежать из-под стражи и скрыться в Горийский уезд, где его взяли в крепостные князья Эристави.

Здесь Заза Джугашвили снова поднял среди крестьян восстание. По подавлении восстания Джугашвили бежал в Геристави и некоторое время был там пастухом. Однако местопребывание его было обнаружено, и Зазе пришлось и отсюда скрыться, после чего мы видим его в Диди-Лило.

У Вано Джугашвили (дед И. В. Сталина) родились два сына - Бесо (Виссарион) иГеоргий. Вано развел в Диди-Лило виноградники и установил деловые связи с городом, куда нередко водил и своего сына.

После смерти Вано одного из сыновей его - Георгия - убили в Кахетии разбойники, а Бесо (отец И. В. Сталина) поселился в Тифлисе и стал работать на кожевенном заводе Адельханова. Здесь он выдвинулся как прекрасный работник и получил звание мастера.

... Когда Барамов открыл в Гори сапожную мастерскую, он выписал из Тифлиса лучших мастеров, в том числе и Бесо Джугашвили.

Бесо скоро стал известным мастером. Большое количество заказов дало ему смелость открыть собственную мастерскую. Друзья решили женить его. Они сосватали ему невесту - Кеке Геладзе».

Конечно же, все эти воспоминания были записаны сотрудниками Института, а потому не стоит удивляться «святости и сиянию», которые от них исходят. Над образом коммунистического божества трудились и на совесть, и за страх.

Георгий Элисабедашвили - о матери Сталина:

«Мать Сосо - Кеке - была прачкой. Она зарабатывала мало и с трудом воспитывала своего единственного сына Сосо. После того как Виссарион Джугашвили уехал из Гори, Сосо остался на попечении своей матери. Мать очень любила Сосо и решила отдать его в школу. Судьба улыбнулась Кеке: Сосо приняли в духовное училище. Ввиду тяжелого положения матери и выдающихся способностей ребенка Сосо назначили стипендию: он получал в месяц три рубля. Мать его обслуживала учителей и школу, зарабатывала до десяти рублей в месяц, и этим они жили».

Светлый образ матери «отца народов» описывает и Симон

Гогличидзе:

«Кто в Гори не знал эту живую и трудолюбивую женщину, которая всю свою жизнь проводила в работе? У этой одаренной от природы женщины все спорилось в руках - кройка и шитье, стирка, выпечка хлеба, расчесывание шерсти, уборка и т. п. Некоторые работы она брала сдельно. Она работала также поденно и брала шитье на дом».

Но кем же на самом деле была мать Иосифа, или Сосо, как его тогда называли?

Сегодня, когда при рассказе о родителях Сталина уже нет необходимости выставлять их «святым семейством», разобраться в этом особенно интересно.

Великий противник Сталина Лев Троцкий писал:

«Как большинство грузинок, Екатерина Джугашвили стала матерью в совсем еще юном возрасте. Первые трое детей умерли во младенчестве. 21-го декабря 1879 года родился четвертый ребенок, матери едва исполнилось двадцать лет". (здесь Троцкий ошибается - Иосиф был третьим ребенком Кеке и Бесо, - прим. И. О.)

В своей книге «Сталин» бывший соратник вождя уделил немало внимания отношениям в семье Джугашвили -между Виссарионом и его молодой женой. Щедро цитируя воспоминания все тех же ровесников и друзей Иосифа, что хранились в Институте.

«Прежде всего бросается в глаза тот факт, что официально собранные воспоминания обходят почти полным молчанием фигуру Виссариона, сочувственно останавливаясь в то же время на трудовой и тяжелой жизни Екатерины.

«Мать Иосифа имела скудный заработок, - рассказывает Гогохия, - занимаясь стиркой белья и выпечкой хлеба в домах богатых жителей Гори. За комнату надо было платить полтора рубля». Мы узнаем таким образом, что забота об уплате за квартиру лежала на матери, а не на отце. И дальше: «Тяжелая трудовая жизнь матери, бедность сказывались на характере Иосифа», - как если бы отец не принадлежал к семье. Только позже автор вставляет мимоходом фразу: «Отец Иосифа - Виссарион - проводил весь день в работе, шил и чинил обувь». Однако работа отца не приводится ни в какую связь с жизнью семьи и ее материальным уровнем. Создается впечатление, будто об отце упомянуто лишь для заполнения пробела. Глурджидзе, другой товарищ по духовному училищу, уже полностью игнорирует отца, когда пишет, что заботливая мать Иосифа «зарабатывала на жизнь кройкой, шитьем и стиркой белья».

Иремашвили (однокурсник Сталина по Горийскому

духовному училищу и Тифлисской семинарии, в 1922 году покинувший СССР и ставший автором первой биографической книги о Сталине, увидевшей свет в 1932 году в Берлине. - прим. И. О.) с теплой симпатией характеризует Екатерину, которая с большой любовью относилась к единственному сыну и с приветливостью - к его товарищам по играм в школе. Урожденная грузинка, Кеке, как ее обычно называли, была глубоко религиозна. Ее трудовая жизнь была непрерывным служением: богу, мужу, сыну. Зрение ее ослабело из-за постоянного шитья в полутемном помещении, и она рано начала носить очки. Впрочем, кавказская женщина за тридцать лет считалась уже почти старухой. Соседи относились к ней с тем большей симпатией, что жизнь ее сложилась крайне тяжко. Глава семьи, Бесо (Виссарион), был, по словам Иремашвили, сурового нрава и притом жестокий пьяница. Большую часть своего скудного заработка он пропивал. Вот почему заботы о квартирной плате и вообще о содержании семьи ложились двойной ношей на мать. С бессильной скорбью наблюдала Кеке, как Бесо своим отношением к ребенку «изгонял из его сердца любовь к богу и людям и сеял отвращение к собственному отцу». «Незаслуженные, страшные побои сделали мальчика столь же суровым и бессердечным, как был его отец». Иосиф стал с ожесточением размышлять над проклятыми загадками жизни.

Ранняя смерть отца не причинила ему горя; он только почувствовал себя свободнее. Иремашвили делает тот вывод, что свою затаенную вражду к отцу и жажду мести мальчик с ранних лет начал переносить на всех тех, кто имел или мог иметь какую-либо власть над ним».

Внешне все выглядело благостно. Во время интервью - почти невероятно, что Сталин давал интервью (!) иностранным (!) журналистам, немецкий писатель Эмиль Людвиг спросил у хозяина Кремля:

- Что сделало вас мятежником? Может быть, это произошло потому, что ваши родители плохо обращались с вами?

В ответ прозвучало:

- Нет! Мои родители были простые люди, но они совсем не плохо обращались со мной.

Сотрудник Государственного Национального музея Грузии Владимир Асатиани рассказывал мне весной 2010 года, как, с его точки зрения, все обстояло на самом деле:

- Семья Джугашвили жила в Гори почти нищенски. Глава семейства, Бесо, дни и ночи пил. Ни гроша не приносил домой, а жену избивал.

Кеке была смазливая, веселая девушка. В доме Якова

Эгнаташвили, владевшего лавками, работала прачкой. И в один из дней согрешила с Яковом.

Об этом все знали. Сам Бесо называл Иосифа «Набичвари» (ублюдок), постоянно избивал его. Поэтому левая рука у Сталина была почти парализована.

В одной из драк Бесо и умер.

Он хотел, чтобы Иосиф, как и он, стал сапожником. Но деньги на обучение в духовной семинарии дал именно Яков Эгнаташвили.

Если у вас есть время, могу рассказать об этом подробнее.

Моя мать, Александра Васильевна Шульгина, работала секретарем комиссии по борьбе с беспризорными в Грузии (в Москве такой комиссией руководил Дзержинский). Специально для детей работников ЦИК Грузии в бывшем Дворце царского наместника на Кавказе был устроен детский сад, в который я ходил.

А в это же время в этом Дворце жила мать Сталина Кеке. Потом уже, когда я ходил в школу, я снова оказался в этом Дворце и видел мать Сталина. Она была очень простой женщиной, носила чихти-копи (грузинский женский головной убор, состоящий из картонного ободка и тканевого верха, - прим. И. О.)У нее были клетушки, в которых жили куры. И она выходила их кормить.

Что я думаю о том, что настоящим отцом Сталина был Эгнаташвили? Я не думаю, я знаю.

Женой моего дяди была очень красивая женщина, которая работала в редакции газеты - то ли «Заря Востока», то ли «Коммунист». А редактором этой газеты был Василий Эгнаташвили, сын Якова Эгнаташвили, состоятельного жителя Гори. У Василия и тетки завязался роман, и они поженились. У моей мамы сохранились хорошие отношения с теткой, и я продолжал бывать у нее дома.

У тетки были сын и дочь, которых фактически усыновил Василий Яковлевич. Дочь окончила медицинский институт и стала актрисой кино, Лиана Асатиани ее зовут. А сын был бедовым мальчиком, постоянно хулиганил. И чтобы приучить его к порядку и заставить взяться за ум, его решили отдать в Суворовское училище. После войны в Тбилиси находилось Нахимовское училище, а в Кутаиси - Суворовское училище войск КГБ. Туда его и определили. Через какое-то время училище перевели в Ленинград, и парень тоже переехал туда.

Резо его звали.

Но вскоре в дверь тбилисской квартиры его родителей раздался стук - на пороге стоял Резо, которого за хулиганство

отчислили из училища и привезли обратно в Грузию. Снова дома был скандал.

А в это время в Москве началась очередная сессия Верховного Совета СССР, депутатом которого был Василий Эгнаташвили, занимавший уже пост секретаря Верховного Совета Грузии. В сталинское окружение он тогда был не вхож, но секретаря Сталина Поскребышева знал хорошо. В один из дней он зашел с ним поздороваться.

- Что ты в таком плохом настроении? - спросил его Поскребышев.

- А чему радоваться? Сына из Суворовского училища отчислили.

- Как? За что?

- Да хулиганил.

Тогда Поскребышев взял трубку правительственной «вертушки» и позвонил командующему училищем генералу Львову:

- Ты что, Николай Васильевич, о... уел совсем? Внука Сталина отчислил?

На следующий же день в Тбилиси за Резо приехал полковник и забрал его обратно в Ленинград. Там на плацу построили все училище и объявили, что курсант Эгнаташвили назначается старшиной курса.

Самое удивительное, что подобное отношение и доверие заставило Резо действительно взяться за ум и стать почти отличником. После училища он поступил в институт иностранных языков и потом долгие годы работал советским резидентом за границей.

Когда Эдуард Шеварнадзе стал первым человеком в Грузии, он пригласил Резо в Тбилиси и назначил его председателем местного КГБ. Но так получилось, что сын родной сестры Резо Лианы стал пианистом и во время гастролей в Испании пошел в американское посольство и попросил политическое убежище. Лексо Торадзе переправили в США, а целый месяц о нем не было вообще никаких известий. Лиана с ума сходила. Когда стало известно, что он бежал в Америку, Резо выгнали из КГБ. А отец Лексо не выдержал разлуки с сыном и очень быстро умер.

Сам Сталин детей Якова Эгнаташвили не признавал за братьев. Но неожиданно в 30-х годах взял Александра (довольно разбитного, надо заметить, парня) в Москву и сделал его начальником 9-го управления Кремля, отвечавшего за охрану Кремля. Он имел чин генерал-полковника. Попутно выдвигали и другого сына Якова Эгнаташвили - Василия. Он был, как я говорил, секретарем Верховного Совета Грузии.

Александр умер в 1948 году. Похоронили его в Гори. Я был на тех похоронах, они были очень пышные.

После смерти Александра Сталин приблизил к себе Василия. Тот подолгу жил у Сталина, а когда вождь приезжал в Цхалтубо, они все время проводили вместе.

После смерти Сталина, буквально на следующий день, Василий был арестован. Берия обвинил его в доносах на него самого и его окружение, так называемую менгрельскую группу. Василия Эгнаташвили освободили на второй день после ареста Берии.

Едва закончив свое повествование, Владимир, или Вилли, как его называли в Тбилиси, Асатиани предложил познакомить меня с Тамарой Геладзе.

- Почему у нее такая фамилия? Не родственница ли она матери Сталина? - спросил я.

- Не просто родственница, а внучка ее родного брата. Она вам сама обо всем расскажет.

И вот через несколько минут я уже разговариваю с Тамарой Геладзе. Ей немного за 70 и внешне она очень похожа на Светлану Аллилуеву, дочь Сталина и свою троюродную сестру.

Любопытно, но сама Светлана признавалась, что во время пребывания в Грузии ей не удалось познакомиться со своими родственниками со стороны Кеке.

«В Грузии было много незаметных скромных дальних родственников с ее стороны, все они никогда ничего себе не требовали и старались жить незаметно. Инженер, винодел, дирижер оркестра, учитель - они были грузинами и никогда не стремились к Москве. Я знала лишь троюродную сестру отца - старуху Евфимию, как-то перед войной приехавшую в Москву повидать отца, и он узнал ее после нескольких десятилетий.

Сейчас я никого не могла разыскать, чтобы расспросить их о бабушке. Партия и правительство дали мне шофера, но не захотели помочь найти родственников-грузин. Может быть, могли бы рассказать мне что-либо о преследовании их после хрущевской речи? Я не знаю ничего о них, кроме того факта, что они существовали, так как они были детьми этой Евфимии».

Что ж это за время такое было, когда даже о родной бабушке Светлана узнавала не от знавших старуху родных, а из официальных слов работников музея.

«Музей в Гори хранил фотографии бабушки, ее старые очки, больше ничего... Все остальное мне надо было добывать в глубинах памяти „коллективного подсознательного”, в фантазиях, в той церкви, куда она всегда ходила, и в очень немногих рассказах очевидцев. Хотя ее и поместили во „дворец”,

последние годы ее жизни обозначены отрезанностью от родичей и друзей: к ней никого не пускали. Кто знает, была ли мирной ее кончина? Отец приехал повидать ее незадолго до ее смерти, и тут она ему и выдала свое последнее материнское слово. Кто узнает, чем прогневили старуху партийные и чекистские стражи? По какой причине она приготовила сыну столь полное презрение к его земной славе? Но ничто не могло изменить ее, она была - как эти горы, как эта сухая земля и скалы».

Выходит, мне повезло больше. Я сумел познакомиться с ближайшей родственницей Кеке. Тамара Геладзе немного смущалаь интереса к ее семье:

- В Грузию часто приезжали историки, которые интересовались Сталиным. Но никто из них ни разу не выразил желания повстречаться со мной. Я тоже никогда не стремилась к публичности. Зачем мне это нужно? Хотя, наверное, есть что рассказать.

Мой дед Сандала (Андрей было его полное имя) являлся родным братом Кеке. Он был гончаром, работал в мастерской в селении Гамбареули.

Жили поначалу в деревне Свенети, потом перебрались в Гамбареули. Их отца звали Георгий, он был крестьянин. Старшего брата тоже звали Георгий, Гио его назвали. Он был женат, но детей у них не было. Затем шла Кеке, Екатерина. И младший брат, Сандала, мой дед.

Кеке была мудрая женщина. Не образованная, а именно мудрая. Очень деловая, не сплетница, как многие женщины. О ней самой много что говорили. Что и легкомысленная, и погулять любит. Но на самом деле она была не такой. Да и в Гори ничего про нее дурного не говорили.

Потом уже много небылиц появлялось. Где-то даже написано, что Сталин чуть ли не сын Александра Третьего.

Это же чушь. Кто-то писал, что он сын Пржевальского, который был проездом в Грузии. Называют его отцом и Давришева, он был начальником полиции. Но это тоже сплетня.

Что касается Эгнаташвили, то однозначно ответить на вопрос, был ли он отцом Сталина, нельзя. Но! Кеке была женщиной верующей, соблюдала все обряды и правила. И мечтала, чтобы ее сын стал епископом. Она как-то увидела торжественное шествие, связанное с епископом, и ей этого же захотелось и для сына.

Верующая женщина никогда бы не допустила, чтобы настоящий отец ребенка стал его крестным отцом. А ведь именно Эгнаташвили был крестным Сталина.

Я в свое время спросила бабушку - правда ли то, что говорят

об отношениях Кеке и Эгнаташвили. И она ответила, что этим слухам во многом способствуют сами братья Эгнаташвили.

Сталин был хорошо знаком с детьми своего крестного отца. У одного, Саши Эгнаташвили, в Баку были трактир и гостиница, в которых прятался Сосо.

Другой брат, Василий, был человеком другого склада. Очень простым.

Вот простой пример. В Цхнети, поселке неподалеку от Тбилиси, было две дачи - одна, строго охраняемая, принадлежала главному коммунисту Грузии Филиппу Махарадзе, а другая - открытая, незащищенная, Василию.

У Кеке со стороны мужа родственников фактически не было, а с теми, кто был, отношений она не поддерживала.

С женой старшего брата, Гио, тоже.

А вот с моей бабушкой, женой Сандалы, Кеке дружила. Бабушку звали Лиза Нариашвили. У нее было трое детей. После смерти Сандалы ее взяли к себе сестры, которые жили в Тифлисе.

Одна сестра бабушки, Софья Петровна, была замужем за офицером Гиго Кавкасидзе. Полковником он был, дворянином. Другая сестра была замужем за Иосифом Кибилашвили. Я его называла папа Иосеби. Он служил в русской церкви Александра Невского.

И еще была Като, белошвейка. У нее была машинка «Зингер» первого выпуска. Она шила женское шелковое белье с кружевами. Ее муж был столяром, они жили на Мтацминда.

Сестры очень дружили. Носили грузинские национальные костюмы. Только Соня, которая долго жила в России, носила русское платье.

А братья бабушки были ремесленниками, жили в Гори. Один из них, Матвей Нариашвили, был очень умный. Он очень заботился о Кеке. Правда, был с тяжелым характером, его все боялись. Но с Кеке у него сложились хорошие отношения, и он очень помогал в воспитании маленького Иосифа.

Если бы Кеке была легкомысленная, как говорят, то исключено, что о ней бы хорошо отзывались. А Матвей даже дал ей с мужем Бесо место для постройки дома в Гори.

И для меня лично это аргумент, что она не была такой уж влюбчивой (на этом месте сегодня и располагается тот маленький дом, где родился Сталин, - прим. И. О.).

Кеке была очень приятной, всегда аккуратно одетой. И всем нравилась. Она была очень трудолюбивая, никогда не сплетничала. Не позволяла себе выйти из дома без головного убора, хотя многие просто повязывали себе платок на голову и в принципе этого было достаточно. А она всегда надевала чихти-

копи, грузинский национальный головной убор.

«Ах, какая она изящная! - говорили про Кеке. - Какая чистоплотная!»

Главная черта ее характера - быть хорошей матерью. И еще она была своему сыну другом, он с ней всем делился.

Кеке была очень своенравная. Когда ей говорили, что вот, мол, ваш сын такой бедовый, такие вещи творит, она отвечала: «Мой сын собирается стать царем».

Кеке очень помогла моя двоюродная бабушка Като, та самая белошвейка. Хозяином их дома на Мтацминда был некий Чагунава, бухгалтер в семинарии. Он и помог Сосо сдать экзамены. Конечно же, о помощи его попросила Като.

Кеке так и пишет о ней: «Мне помогла моя родственница определить сына в училище».

А зачем было помогать Кеке, если бы она не была примерной женой?

Другие сестры бабушки к Кеке относились свысока. Но никогда о кавалерах Кеке не говорили. А время было такое, что стоило появиться хотя бы поклоннику, сразу пошли бы разговоры.

Так что я лично не думаю, что отцом Сталина был не Бесо.

Кто-то пишет, что Кеке била сына. Не могло этого быть, она его обожала (об этом своей дочери Светлане говорил сам Сталин, - прим. И. О.).

Она была трудовая женщина, много работала. Отец хотел, чтобы Сосо стал сапожником. Сам Бесо работал на фабрике Адельханова.

Когда он появился в Гори, все девушки мечтали выйти за него замуж. Но он выбрал Кеке. Она говорила потом, что муж спился из-за того, что дети умирали. Когда родился Сосо, она не хотела для него профессии отца. Тогда-то с мужем и случился разлад. Кеке видела сына только слушателем духовной семинарии.

Это, пожалуй, главная роль, которую мать сыграла в жизни (кроме дарования оной) Иосифа - сделала все, чтобы сын поступил в семинарию.

Из воспоминаний Льва Троцкого:

«С похвальным листом горийского училища в своей сумке, пятнадцатилетний Иосиф впервые очутился осенью 1894 года в большом городе, который не мог не поразить его воображение: это был Тифлис, бывшая столица грузинских царей.

Не будет преувеличением сказать, что полуазиатский, полуевропейский город наложил свою печать на молодого Иосифа на всю жизнь. В течение своей почти 1500-летней истории Тифлис многократно попадал во власть врагов,

15 раз разрушался, иногда до основания. Вторгавшиеся сюда

арабы, турки и персы оказали на архитектуру и нравы города глубокое влияние, следы которого сохранились и по сей день. Европейские кварталы выросли после присоединения Грузии к России, когда бывшая столица стала губернским городом и административным центром Кавказского края. Ко времени вступления Иосифа в семинарию Тифлис насчитывал свыше 150000 жителей.

Русские, составлявшие четверть этого числа, состояли, с одной стороны, из ссыльных сектантов, довольно многочисленных в Закавказье, с другой - из чиновников и военных. Армяне представляли с давних времен наиболее многочисленное (38 %) и зажиточное ядро населения, сосредоточивая в своих руках торговлю и промышленность. Связанные с деревней грузины заполняли низший слой ремесленников и торговцев, мелких чиновников и офицеров, составляя, как и русские, примерно четвертую часть населения.

«Рядом с улицами, имеющими современный европейский характер. - гласит описание 1901 года, - ютится лабиринт узких, кривых и грязных, чисто азиатских закоулков, площадок и базаров, окаймленных открытыми восточного типа лавочками, мастерскими, кофейнями, цирюльнями и переполненных шумной толпой носильщиков, водовозов, разносчиков, всадников, вереницами вьючных мулов и ослов, караванами верблюдов и т. д.»

Отсутствие канализации, недостаток воды при жарком лете, страшная въедчивая уличная пыль, керосиновое освещение в центре, отсутствие освещения на окраинах - так выглядел административный и культурный центр Кавказа на рубеже двух столетий.

«Нас ввели в четырехэтажный дом, - рассказывает Гогохия, прибывший сюда вместе с Иосифом, - в огромные комнаты общежития, в которых размещалось по двадцать-тридцать человек. Это здание и было тифлисской духовной семинарией».

Благодаря успешному окончанию духовного училища в Гори, Иосиф Джугашвили был принят в семинарию на всем готовом, включая одежду, обувь и учебники, что было бы совершенно невозможно, повторим, если бы он успел проявить себя как бунтовщик. Кто знает, может быть, власти надеялись, что он станет еще украшением грузинской церкви? Как и в подготовительной школе, преподавание велось на русском языке. Большинство преподавателей состояло из русских по национальности и русификаторов по должности. Грузины допускались в учителя только в том случае, если проявляли двойное усердие. Ректором состоял русский, монах Гермоген,

инспектором - грузин, монах Абашидзе, самая грозная и ненавистная фигура в семинарии.

«Жизнь в школе была печальна и монотонна, - рассказывает Иремашвили, который и о семинарии дал сведения раньше и полнее других, - запертые день и ночь в казарменных стенах, мы чувствовали себя как арестанты, которые должны без вины провести здесь годы. Настроение было подавленное и замкнутое. Молодая веселость, заглушенная отрезавшими нас от мира помещениями и коридорами, почти не проявлялась. Если, время от времени, юношеский темперамент прорывался наружу, то он тут же подавлялся монахами и наблюдателями. Царский надзор над школами воспрещал нам чтение грузинской литературы и газет. Они боялись нашего воодушевления идеями свободы и независимости нашей родины и заражения наших молодых душ новыми учениями социализма. А то, что светская власть еще разрешала по части литературных произведений, запрещала нам, как будущим священникам, церковная власть. Произведения Толстого, Достоевского, Тургенева и многих других оставались нам недоступны».

Дни в семинарии проходили, как в тюрьме или в казарме. Школьная жизнь начиналась с семи часов утра.

Молитва, чаепитие, классы. Снова молитва. Занятия с перерывами до двух часов дня. Молитва. Обед. Плохая и необильная пища. Покидать стены семинарской тюрьмы разрешалось только между тремя и пятью часами. Затем ворота запирались. Перекличка. В восемь часов чай. Подготовка уроков. В десять часов - после новой молитвы - все расходились по койкам. «Мы чувствовали себя как бы в каменном мешке», - подтверждает Гогохия.

Согласно официальной версии, Иосиф Джугашвили был исключен из духовной семинарии. Мать утверждала обратное: «Он не был исключен, я его сама взяла».

А одногруппник Сосо по семинарии, Гогехия, вспоминал:

«Иосиф перестал уделять внимание урокам - учился на тройки - лишь бы сдать экзамены. Свирепый монах Абашидзе догадывался, почему талантливый, развитой, обладавший невероятно богатой памятью Джугашвили учится «на тройки». и добился постановления об исключении его из семинарии».

Что касается «свирепого монаха Абашидзе», то он впоследствии стал ректором Духовной семинарии Тифлиса.

Иосиф учился на пятом курсе семинарии, когда ректор застал его за чтением запрещенной книги. Отец Димитрий попытался забрать ее у Джугашвили, но тот вновь вырвал книгу из рук священника.

«Ты разве не видишь, с кем имеешь дело?» - воскликнул ректор семинарии. И услышал ответ семинариста: «Вижу перед собой черное пятно и больше ничего».

В мае 1899 года Иосиф Джугашвили покинул стены семинарии. Как писал «Духовный вестник Грузинского экзархата», он был исключен из-за неявки «по неизвестной причине» на экзамен. Сам Иосиф в 1931 году объяснит свое исключение более красочно: «за пропаганду марксизма». А его пути с бывшим ректором семинарии еще пересекутся.

О судьбе отца Димитрия Абашидзе мне рассказал владыка Димитрий, митрополит Батумский и Лазский Грузинской Православной церкви.

В годы Советской власти бывший ректор семинарии и облеченный неограниченной властью бывший семинарист поддерживали отношения. Абашидзе не раз писал в Москву с просьбами освободить из заключения служителей церкви. Сталин выполнял просьбы священника и помогал ему, как говорили, в том числе и материально. А один раз даже спас жизнь.

Накануне Великой Отечественной отец Димитрий оказался в Киеве, где был снова арестован. В НКВД поступил донос на человека, который посмел «исключить из семинарии великого Сталина». Но и в этот раз никаких санкций не последовало.

Когда Киев был оккупирован фашистами, монах Антоний (это имя взял себе отец Димитрий, приняв монашеский постриг) проводил службы в Киево-Печерской лавре. Там он и встретил мученическую смерть. В 1942 году его расстреляли немцы.

Сегодня схиархиепископ Антоний (Абашидзе) причислен к лику святых Украинской православной церкви.

Кеке воспитала в сыне чувствительность к женским просьбам. Особенно к просьбам матери. Пусть и чужой.

Я почувствовал это после изучения записки, созданной примерно в 1898 году, когда Иосиф Джугашвили был еще семнаристом.

Читаешь и начинаешь думать - а ведь он и правда мог стать хорошим священником.

Орфография сохранена.

«О. Инспектор!

Я не осмелился бы писать Вам письмо, но долг - избавить Вас от недоразумений на щет неисполнения мною данного Вам слова-возвратиться в семинарию в понедельник-обязывает меня решиться на это.

Вот моя история. Я прибыл в Гори в воскресение. Оказывается умерший завещал похоронить его вместе с отцом в ближайшей деревне - Свенеты. В понедельник перевезли туда умершаго, а во

вторник похоронили. Я решился было возвратиться во вторник ночью, но вот обстоятельства, связывающий руки самому сильному в каком бы отношении ни было человеку: так много потерпевшая от холодной судьбы мать умершаго со слезами умоляет меня «быть ея сыном хоть на неделью».

Никак не могу устоять при виде плачущей матери и, надеюсь простоте, решился тут остаться, тем более, что в среду отпускаете желающих. Воспитан. И. Джугашвили.»

(Записка хранится в Государственном архиве Саратовской области (ГаСо), где есть отдельный фонд, в котором собрана коллекция личных бумаг саратовских епископов. Большую ее часть составляют бумаги Преосвященного Гермогена, бывшего в 1901-1903 гг. Вольским Викарием, а позднее (1903-1912 гг.) епископом Саратовским и Царицынским. Среди этих документов сохранилась часть, относящаяся к периоду служения Владыки Гермогена в городе Тифлисе ректором Тифлисской Духовной Семинарии (1893-1901 гг.)

Не менее любопытно и письмо преподавателя Тифлисской семинарии отца Василия (Карбелашвили), с которым меня познакомила правнучка автора. Отец Василий в свое время преподавал у Иосифа. И в мае 1923 года не побоялся написать своему бывшему ученику:

«Глубокоуважаемый батоно Сосо!

Вы удивитесь воспоминаниям старого учителя и такому длинному письму, которое вам должно напомнить, что было, и заставить задуматься о том, что есть и том, что будет.

Вспомним, как мы в последний раз встретились. Ты ушел из семинарии и, по-моему, удостоверился в том, что я был прав. И думаю, что буду прав в будущем.

Я сказал тебе и скажу еще раз. Бедные те люди, которые не уважают историю. Которые избегают образования и не почитают учения Христа. Самый лучший переворот и с самыми хорошими последствиями произошел в Англии в 1850 году и был осуществлен христиан-социалистами. Потому что они учли религиозные требования и этим остановили возвышение подонков. А в 1848 году Франция проиграла революцию, потому что именно этот элемент не был учтен. Это моя глубокая вера и непреклонное, основанное на жизненном опыте, убеждение.

Сейчас начнем про нашу беду. Мы находимся в такой ситуации, что даже варварство Чингизхана и Осмал шаха кажется мечтой. В Мегрелии не слышны звуки колоколов, закрыли церкви, преследуют и арестовывают священников и очень много несправедливых сплетен распространяют среди народа. Неужели это полезно для правительства?

Светицховели (древний собор во Мцхете - прим. И. О.) и остальные большие храмы хотят переделать в театры. В ночь Пасхи насильно закрыли церкви и запретили службы. Насилие над церковью происходит. Что среди народа тайно вызывает недовольство. В некоторых местах верующие взялись за оружие. Как, например, в деревне Мухрани.

Много я могу тебе написать. Но мое возмущение не дает мне силу. Да и не хочу тебя, и так утружденного многими делами, переутомить.

Сосо! Какой веры бы ты ни был, ты грузин. Тебя вырастила грузинская земля. И любовь к родине и к своему народу из твоего сердца ничто не вырежет.

Еще раз прошу, чтобы прекратилось гонение на церковь и религию.

Что вы даете нации, когда вы унижаете ее веру и святыни, и уничтожаете великую культуру.

Может ты обижаешься, мой Сосо.

Но, может, послушаешь много повидавшего, натерпевшегося и проплакавшего? И что-нибудь приятное напишешь твоему старому учителю, который беспокоится о твоем сердце и о тебе.

Жду ответа».

Никаких последствий для автора послание не имело. Епископ Бодбе и Алаверди Василий (Карбелашвили) умер своей смертью в 1936 году.

Может быть, для Сталина первые годы действительно вера имела какое-то значение?

По воспоминаниям приемного сына вождя Артема Сергеева, уважение к вере оставалось в бывшем семинаристе всегда:

«Выражения с упоминанием Бога дома употреблялись. «Слава Богу», «Не дай Бог», «Прости, Господи», например, и Сталин сам нередко говорил.

Я вообще не слышал от Сталина ни одного плохого слова в адрес церкви и веры. Помню такой случай году в 1931-м или 32-ом. Напротив школы, где учился Василий (младший сын Сталина, - прим. И. О.), во втором Обыденском переулке, был храм. Как-то, когда там шла служба, мальчишки возле пробовали стрелять из пугача. Василий в этом участия не принимал, а рассказывал отцу об этом.

Отец спрашивает: «Зачем они это делали? Они же, молящиеся, вам учиться не мешают. Почему же вы им мешаете молиться?» Далее спросил Василия: «Ты бабушку любишь, уважаешь?» Тот отвечает, мол, да, очень. Сталин говорит: «Она тоже молится». Василий: «Почему?» Отец отвечает ему: «Потому что она, может, знает то, чего ты не знаешь».

Рассказывает Тамара Геладзе:

- В начале тридцатых годов Кеке ездила в Москву. Но жить в Кремле ей не понравилось и она вернулась в Тбилиси.

«Не захотела в Кремле, будет в сырой земле», - сказал Берия.

Тут ей дали комнату в бывшем Дворце царского наместника, она сама захотела только одну комнату. В театре имени Руставели у нее была своя ложа. Каждый день она читала газеты. И даже успела написать несколько страниц мемуаров.

Моя сестра Тина была у нее в гостях. Кеке сама попросила ее прийти: «Хочу посмотреть на дочь Шалико». Она рассказывала, что Кеке угощала ее пирогом назуки, который едят при диабете. «Как ты похожа на Сосо», - сказала ей Кеке. Потом сестра была на ее келехи (так называют в Грузии поминки - прим. И. О.).

О Кеке много пишут неправды. Некоторые, например, описывают ее: «Высокая, строгая брюнетка». А она на самом деле была невысокой, рыжей и с веснушчатым лицом.

Она работала белошвейкой - делала батистовое белье для женщин. С кружевами. Вообще она занималась всем -готовила, стирала. Но ее специализацией было мбасмава.

Она стирала тюль для чихти-копи и лечаки (нечто вроде тончайшего покрывала, головного платка, который ниспадал вдоль головы и плечь, а крепился на чихти - картонной основе самого убора, - прим. И. О.), натягивала его на решетке и потом расписывала - наносила белой краской штрихи, которые во время стирки стирались.

Богатые женщины носили кружева, женщины попроще - тюль.

Кстати, мой дед расписывал керамическую посуду. Носил серебряный пояс, который могли носить далеко не все ремесленники.

Мой папа Шалва был самым младшим в семье и не знал Сталина.

Кеке спрашивала, виделся ли он с Иосифом, когда тот приезжал в Тбилиси. Но папа ответил: «Нет, к чему нам было видеться? Мы ведь не знакомы».

Папа работал агрономом в Гаграх. Он собирался поехать в Калифорнию, учиться разведению цитрусов. Но его не отпустили, времена уже изменились.

Он был идеалистом, для него квартира и прочие вещи ничего не значили, он уехал в Гагры и занимался цитрусами.

У него уже была вторая жена, моя мама.

Когда в 1937 году умерла Кеке, приходившаяся моему отцу теткой, Берия послал папе телеграмму, чтобы тот приехал на похороны. Но папа отказался: «Не поеду, меня на тех похоронах и

арестуют». Но его все равно вскоре арестовали. На допросе следователь сказал ему: «Вместо Кремля мы тебя в Хабаровск отправим».

В камере он оказался вместе с крестьянином Ивановым, который приехал на Кавказ на заработки. «А тебя за что арестовали?» - спросил отец Иванова. А тот ответил: «А меня не арестовали, а посадили слушать, что ты говоришь, и потом докладывать об этом».

К счастью, вскоре отца освободили. Может быть, родство со Сталиным - они же были двоюродными братьями -сыграло роль. Или, как я думаю, Кеке заступилась.

Он поехал в Москву и пошел к Эгнаташвили. Саша Эгнаташвили был ровесником папы. Он и жил у него. Саша встречу со Сталиным организовать не смог. «Зря ты приехал. Единственное, чем ты себя сможешь оправдать - если на кого-нибудь донесешь».

В юности меня эти слова так возмутили, думала, какой ужасный человек этот Саша. Такое посоветовал папе.

Но потом мне объяснили, что он просто дал папе понять, что ему все равно никто не поверит.

И папа приехал в Тбилиси и жил у своего брата, который работал в системе железных дорог. А потом его вызвал Берия. И спросил, есть ли у него квартира. «Нет». - «Однокомнатная устроит?» - «Да, у меня жена и девочка».

Ему предложили на выбор несколько роскошных квартир. Но во всех жили люди, которые на тот момент уже подверглись репрессиям и должны были выезжать. В одной квартире молодой человек сказал, что завтра освобождает ее и съзжает в подвал. Папа отказался занимать эту квартиру.

Мы в итоге переехали в квартиру на улице Пиросмани. Хороший дом был, между прочим. 4,5 метра потолки были, три комнаты, одна - сорок метров. Для тех времен это считалось барской квартирой.

Потом мне сказали, что наш дом называли «русский двор». Хотя там жили поляки, немцы. Гегель даже жил во дворе, Картье. Эта Картье была модисткой. Лота, Грета и Шарлота были ее дочери. Жил Домбровский, гидролог, он служил в обсерватории, где одно время работал Сталин. У него была сестра Варвара Леопольдовна, модистка. Внешне он был похож на Тургенева. Мы в шутку говорили, что лично знаем самого Тургенева.

Наш двор был необыкновенным. Красивые ворота, большой подвал, деревья высажены во дворе, чтобы влажности не было. Кстати, в соседнем дворе умер Пиросмани, в подвале. Сейчас он в таком плачевном состоянии...

Папа должен был заниматься наукой. Но посвятил жизнь сельскому хозяйству, работал в наркомате. Мы одно время жили в Ликани, во дворце Наместника. Тогда еще все сохранилось с царских времен. У нас даже был сервиз с вензелями. Когда уезжали, все сдали. Дом утопал в зелени, диком винограде.

После войны это уже была дача Сталина, он иногда туда приезжал.

(Ликани - одно из красивейших мест Грузии. Недаром там находился летний Дворец царского наместника. В советские годы в нем был устроен санаторий для видных большевиков.

Вдова Николая Бухарина и дочь ленинского соратника Анна Ларина не раз там бывала: «... известный в то время в Грузии большевик-литератор Тодрия, сидя однажды на скамейке в ликанском парке рядом с отцом, сказал ему при мне: «Вы, русские, Сталина не знаете так, как мы, грузины. Он всем нам покажет такое, чего вы себе и вообразить не можете!» - И. О.)

Потом папа работал в Тбилиси, в министерстве финансов в отделе сельского хозяйства. Он был порядочным человеком. Но у него все время были конфликты и он уходил. Принципиальным был. Он умер в 1964 году.

А вот папиного брата - Семена - арестовали и расстреляли.

Его дочь, Кето, поехала в Москву узнать про отца. Хотела попасть на прием к Сталину, говорила, что она его племянница. В итоге ее принял Берия. Когда он вошла к нему в кабинет, Берия погладил ее по щеке. Спросил: «Ты из-за мамы приехала?» Он прекрасно знал, что Семена уже нет в живых.

И освободил Веру Кобадзе, мать Кето. Она вернулась в Тбилиси еще раньше Кето.

Моя мама, Елена, занималась домом. У нее было трое детей, она ушла из университета и посвятила жизнь нам.

Она умерла в 1981 году.

Вообще, наша семья сильно пострадала от репрессий. Брата мамы, Маргишвили его фамилия, он был главным инженером в Ставрополе, арестовали. И так как мест в тюрьме не было, его посадили в холодильник. Где он очень быстро заболел скоротечным туберкулезом. Поскольку повод для ареста был абсурден, его вскоре освободили. Но он уже был серьезно болен и буквально в считанные дни умер. Ему хотели дать пенсию - то есть маме за него - но она отказалась: «Он погиб! И ничего нам от вас не надо!» Поначалу позволили похоронить в Тбилиси, но потом спохватились и не разрешили. В итоге в Ставрополе его и похоронили.

Мне моя фамилия никогда не помогала. В школе никто не знал, что я нахожусь в таком близком родстве со Сталиным. Папе

всегда предлагали хорошие места, но он ими не пользовался. Мы всегда жили очень скромно.

Со Светланой, когда она в восьмидесятых годах приезжала в Грузию, мы не встречались. Многие говорили, какая она необщительная. Но я ее очень хорошо понимаю. Она была человеком издерганным. Может, и генетически непростой характер был, что вы хотите - дочь Аллилуевой и Сталина.

Потом в Тбилиси приезжала дочь Яши. Она была у моей сестры, приходила к ней на прием, как к врачу. Моя знакомая захотела нас представить. Но я отказалась. Зачем? Сказала, что это будет что-то искусственное. Если они нуждаются во мне, помощь нужна или что-то, с радостью помогу. А так к чему? Так мы в итоге и не увиделись.

Папа об истории нашей семьи не рассказывал. Да я бы и не отнеслась к его рассказам серьезно.

И все же версия, согласно которой отцом Сталина является Яков Эгнаташвили, по-прежнему весьма популярна. О ней мне поведал и легендарный грузинский писатель Чабуа Амиреджиби.

Самый, пожалуй, знаменитый из современных грузинских литераторов, автор романа «Дата Туташхия», Чабуа Амиреджиби за год до своего 90-летия, в 2010-м, принял монашеский постриг. Кельей стала для него тбилисская квартира, где и проходили наши встречи.

Познакомились мы после выхода моей книги «Судьба красоты. Истории грузинских жен», одна из глав которой посвящена родной сестре Чабуа - Родам Амиреджиби, жене поэта Михаила Светлова, ставшей в свое время моделью для статуи Грузии в фонтане «Дружба народов», установленном на бывшей ВДНХ.

Конечно же, писал яио самом Чабуа, поистине выдающейся личности. В 1942 году он был осужден за участие в организации, ставившей своей целью свержение советской власти. Из лагеря Амиреджиби совершил побег. По поддельным документам смог устроиться на большой завод в Белоруссии и даже стать его директором.

Когда его отправили в командировку за границу, он поехал и. вернулся обратно в СССР. При том, что во Франции жила его родная тетка. Вскоре после возвращения Чабуа был представлен к награде. Во время подготовки документов на орден и выяснилось, что директор завода - беглый каторжник. Его вновь отправили в лагерь, еще и добавив срок за побег.

Чабуа Амиреджиби - удивительная личность. Несколько лет назад он сумел победить рак. Но лишился голоса. И сегодня один из самых ярких ораторов Грузии общается с миром посредством

переписки.

Наш с ним диалог тоже проходил необычно - я писал вопросы и получал от Амиреджиби ответы.

Первым делом мне хотелось понять, в чем причина такого интереса, который фигура Сталина вызывает по сей день. В ответ Амиреджиби писал мне:

«Рискну, отвечу. Думаю, в его будущем лежала основа - талантливость, определенные достоинства, характерные семье Эгнаташвили, где прошло его детство, сиротство, а еще дворянское происхождение Эгнаташвили, благодаря чему он и оказался слушателем семинарии. Главное, что он был талантливым молодым человеком, писавшим довольно хорошие стихи. Но отказался быть поэтом благодаря социалистическим увлечениям, характерным для эпохи, в которой ему пришлось жить. Но главным в формировании его характера и будущей жизни я считаю аресты, ссылки, а самым главным - коммунистическое влияние на формирование его взглядов.

Что касается того, что он никак «не сходит со сцены» - судьба, везение, удача! Надо же было попасть в политическую среду, где он смог одержать верх над конкурентами.

И еще - он нашел правильный путь к образованию русского государства - жестокость, восходящая до свойств палача, без которого никто не смог создать сильную Россию. Лично для меня Сталин и его государство - пример того, каким не должны быть государство и его главарь.

Что было бы, если бы Сталин стал священником? По-моему, он и был священником, проповедовавшим свое «божественное начало».

Что я думаю об отношениях Сталина с матерью? Насколько известно мне, Сталин не очень жаловал маму. Ведь она родила его от Эгнаташвили, а не от Виссариона. Однако мать Сталина до самой смерти жила в бывшем Дворце наместника Его Величества на Кавказе и погребена в Пантеоне Мтацминда с почестями. Бесо - отчим Сталина -умер алкоголиком и лично мне неизвестно, где он похоронен».

Чем больше я пытался пролить свет на биографию родителей Сталина, тем яснее понимал, что загадок больше, чем ответов.

Да что там версия о реальном отцовстве, когда даже даты рождения самого Сталина разнятся. Кто называет 18 декабря 1878 года, кто - 21 декабря 1879 года. Шутка ли - разница в целый год!

Многочисленные несовпадения и противоречия в биографиях своих предков внук Сталина театральный режиссер Александр Бурдонский объясняет довольно неожиданно:

«Сталин увлекался учением Гурджиева (один из самых

известных философов-мистиков XX века, - прим. И. О.), а оно предполагает, что человек должен скрывать свое реальное происхождение и окутывать свою дату рождения неким флером».

Когда я уже собирался уходить из Музея Грузии, где проходили мои встречи с Владимиром Асатиани и Тамарой Геладзе, последняя спросила, как долго я пробуду в Грузии. И, узнав, что еще несколько дней, попросила перед отъездом снова зайти в музей.

В этот раз она принесла мне ксерокопию газетной статьи - в нескольких номерах популярной тбилисской газеты «Квирис палитра» были опубликованы отрывки из мемуаров матери Сталина, которые случайно были обнаружены в Архиве МВД Грузии. Работники Архива проводили оцифровку хранящихся документов и нашли рукопись, которой оказались воспоминания Кеке Джугашвили. Полная версия воспоминаний увидела свет в 2005 году в грузинском издательстве «Универсал».

После того, как я перевел этот уникальный документ на русский язык, лично у меня сомнения в том, что Иосиф был сыном именно Виссариона, развеялись.

А вот воспросы о том, какие же в действительности отношения сложились между матерью и сыном, остались.

На первый взгляд, Иосиф любил мать, писал ей трогательные записки. Сегодня они тоже хранятся в Архиве.

Год 1922-й, еще жив Ленин.

«Мама моя! Здравствуй: будь здорова, не допускай к сердцу печаль. Ведь сказано: «Пока жив - радовать буду свою фиалку, умру - порадуются черви могильные. Живи десять тысяч лет, дорогая мама».

Проходят годы. Спустя 12 лет письмо сына матери значительно суше, но еще довольно развернуто.

«24 марта 1934 года. Здравствуй, мама - моя! Письмо твое получил. Получил также варенье, чурчхели, инжир. Дети очень обрадовались и шлют тебе благодарность и привет. Приятно, что чувствуешь себя хорошо, бодро. Я здоров, не беспокойся обо мне. Я свою долю выдержу. Не знаю, нужны ли тебе деньги или нет. На всякий случай присылаю тебе пятьсот рублей. Присылаю также фотокарточки - свою и детей. Будь здорова, мама - моя! Не теряй бодрости духа! Целую. Твой сын Сосо».

Он уже остался один, жена покончила с собой. Упоминание об этом есть в его письмах тех лет:

«Дети кланяются тебе. После кончины Нади, конечно, тяжела моя личная жизнь. Но ничего, мужественный человек должен остаться всегда мужественным».

Послание от 6 октября 1934 года:

«Маме - моей привет! Как твое житье-бытье, мама - моя? Письмо твое получил. Хорошо, не забываешь меня. Здоровье мое хорошее. Если что нужно тебе - сообщи. Живи тысячу лет. Целую. Твой сын Сосо».

За окном - февраль 1935 года. Сталин пребывает на вершине власти, но его еще заботит, не сердится ли на него Кеке.

«Как жизнь, как здоровье твое, мама - моя? Нездоровится тебе или чувствуешь лучше? Давно от тебя нет писем. Не сердишься ли на меня, мама - моя? Я пока чувствую себя хорошо. Обо мне не беспокойся. Живи много лет. Целую! Твой сын Сосо».

11 июня 1935 года он пишет в Тифлис:

«Здравствуй, мама - моя! Знаю, что тебе нездоровится. Не следует бояться болезни, крепись, все проходит. Направляю к тебе своих детей: Приветствуй их и расцелуй. Хорошие ребята. Если сумею, и я как-нибудь заеду к тебе повидаться. Я чувствую себя хорошо. Будь здорова. Целую. Твой Сосо».

Внуки провели у бабушки не так много времени. Но та встреча навсегда запомнилась Светлане. Несмотря на то, что ей было всего-то 8 лет и она была напугана «строгой и бедной внешностью» бабушки.

«Я не понимала по-грузински - это, наверное, было обидно для нее. Но она гладила меня по лицу своей костлявой бледной рукой и протягивала конфеты на тарелочке, а потом утирала той же рукой слезы со своих щек».

Кеке на сына, конечно, не сердилась. Она, как никто, понимала своего Сосо. И, уже в 1930 году, когда в Тифлис приехал иностранный журналист, начинала создавать легенду об Иосифе:

«Сосо всегда был хорошим мальчиком. Мне никогда не приходилось наказывать его. Он усердно учился, всегда читал или беседовал, пытаясь понять всякую вещь. Сосо был моим единственным сыном. Конечно, я дорожила им. Его отец Виссарион хотел сделать из Сосо хорошего сапожника. Но его отец умер, когда Сосо было одиннадцать лет. Я не хотела, чтоб он был сапожником. Я хотела одного, чтоб он стал священником».

Общим местом в литературе о Сталине стали рассказы о нежелании Сосо идти по стопам отца. Согласно официальной версии биографии новоявленного советского бога, мальчик мечтал только об учебе, а о сапожном мастерстве не хотел и слышать.

Между тем, партийный руководитель Грузии Акакий Мгеладзе, в последние годы жизни Сталина, когда тот приезжал на родину, оказавшийся в его ближайшем окружении, вспоминал об обратном:

«Около кровати Сталина, на стуле, всегда лежало два десятка книг: философских, экономических, художественных. Однажды я увидел среди них книгу по выделыванию кожи. Иосиф Виссарионович заметил мое удивление и спросил:

- Что вас удивляет?

Я ответил:

- Я мог предположить, что Вы читаете древних и современных философов, выдающихся экономистов, но книга о технологии кожи.

И. В. Сталин погладил свои усы и, улыбнувшись, сказал:

- А хорошую обувь Вы носить хотите?»

Сама Кеке, конечно же, говорила корреспондентам то, что хотел услышать сын. По крайней мере, так думала сама женщина. В реальности, как оказалось, Сталина бесили слова матери, даже ее обращение к нему.

Об этом свидетельствует Анна Бухарина:

«Сталин изредка позванивал Николаю Ивановичу, давал какие-либо указания редакции «Известий», например: Бухарину и Радеку обязательно написать «разгромные» статьи («разгромные» - так он выразился) об историке, революционере-большевике Михаиле Николаевиче Покровском. Он позвонил и пробрал Бухарина за то, что в потоке славословий автор одной статьи написал, что мать Сталина называла его Сосо.

- Это еще что такое за Сосо? - вопрошал разгневанный Сталин.

Непонятно, что его разозлило. Упоминание ли о матери, которой он никогда не оказывал внимания (как я слышала), или он считал, что и мать тоже должна была называть сына «отцом всех народов» и «корифеем науки».

Встреча Кеке с корреспондентом газеты «Правда» Борисом Дорофеевым состоялась в октябре 1935 года. В выпуске от 23 числа миллионы советских граждан со страниц главной газеты страны узнали о том, как живет и что думает о сыне мать правителя:

«Мы пришли в гости к матери Иосифа Виссарионовича Сталина. Три дня назад - 17 октября - здесь был Сталин. Сын.

75-летняя мать Кеке приветлива, бодра. Она рассказывает нам о незабываемых минутах.

- Радость? - говорит она. - Какую радость испытала я, вы спрашиваете? Весь мир радуется, глядя на моего сына и нашу страну. Что же должна испытать я - мать?

Мы садимся в просторной светлой комнате, посредине которой - круглый стол, покрытый белой скатертью. Букет цветов. Диван, кровать, стулья. Над кроватью - портреты сына. Вот он с

Лениным, вот молодой, в кабинете.

- Пришел неожиданно, не предупредив. Открылась дверь - вот эта - и вошел, я вижу - он.

Он долго целовал меня.

- Как нравится тебе наш новый Тифлис? - спросила я.

Он сказал, что хорошо. Вспомнил о прошлом, как жили тогда.

- Я работала поденно и воспитывала сына. Трудно было. В маленьком темном домике через крышу протекал дождь и было сыро. Питались плохо. Но никогда, никогда я не помню, чтобы сын плохо относился ко мне. Всегда забота и любовь. Примерный сын!

Весь день провели весело. Иосиф Виссарионович много шутил и смеялся, и встреча прошла радостно.

Мы прощаемся. Новый Тифлис бурлит, сверкает и цветет. А в памяти еще звучат слова матери:

- Всем желаю такого сына!»

Безобидная, казалось бы, статья. Однако у любящего сына было другое мнение. Уже через шесть дней после публикации из-под пера Сталина появилось распоряжение:

«Прошу воспретить мещанской швали, проникшей в нашу центральную и местную печать, помещать в газетах “интервью” с моей матерью и всякую другую рекламную дребедень вплоть до портретов. Прошу избавить меня от назойливой рекламной шумихи этих мерзавцев».

Но внешне все обстояло идеально. Мать дает интервью, озвучивая то, что хочетуслышать сын. А Сталин пишет ей письма, зная, что именно по ним будут судить о его взаимоотношениях с матерью.

Его последние записки:

«Маме - моей привет! Как живет, как чувствует себя мама - моя? Передают, что ты здорова и бодра. Правда это? Если это правда, то я бесконечно рад этому. Наш род, видимо, крепкий род.

Я здоров. Мои дети тоже чувствуют себя хорошо. Желаю здоровья, живи долгие годы, мама - моя. Твой Сосо.

10. III.37 г.»

«Маме - моей - привет! Присылаю тебе шаль, жакетку и лекарства. Лекарства сперва покажи врачу, а потом прими их, потому что дозировку лекарства должен определять врач. Живи тысячу лет, мама - моя! Я здоров. Твой сын Сосо. Дети кланяются тебе».

Кеке Джугашвили умерла летом 1937 года. Сын на ее похороны так и не приехал, хотя его ждали. Вместо Иосифа в Тифлисе появился нарком обороны Климент Ворошилов.

Впрочем, может, в этом и была сталинская логика по отношению к матери. Вместо дома - комната во Дворце, вместо сына на прощании - нарком обороны, вместо семейных похорон - пышная церемония на государственном уровне.

Великий грузинский актер Рамаз Чхиквадзе рассказывал:

- Мне тогда лет девять было. После того, как Сталин стал первым человеком в СССР, его мать из Гори, где он родился, перевезли в Тбилиси и поселили в бывшем Дворце царского наместника на Кавказе. У нее была маленькая квартирка в этом Дворце.

Кстати, женщина очень переживала, что сын так далеко от нее и даже выговаривала предводителю грузинских коммунистов Махарадзе: «Вот как ты хорошо устроился, а неужели моему Сосо не нашлось бы места в Тбилиси?»

Когда Кеке умерла, то местное начальство ожидало, что на похороны приедет Сталин. Но ему в 37-м году было уже не до похорон матери. В результате хоронили Кеке офицеры НКВД.

Я был совсем маленьким, но до сих пор слышу ровный топот офицерских сапог, поднимающихся на Мтацминду. Топ-топ-топ-топ.

Тема похорон матери неожиданно всплыла в жизни нашей семьи через несколько месяцев, когда мы всей семьей поехали во Мцхету. Для меня это была первая поездка за пределы Тбилиси.

У моего отца, он исполнял обязанности директора тбилисской консерватории, был служебный «Мерседес» - огромный черный лимузин. На подъезде ко Мцхете нам повстречалась арба, которую неожиданно обогнала военная машина с молодым офицером за рулем. Крестьянин, правивший арбой, не смог удержать лошадь, она резко сошла с дороги и в результате вся повозка перевернулась.

На место происшествия тут же прибыл военный патруль. В качестве свидетеля происшествия в военную комендатуру забрали и нашего водителя. Он потом рассказывал, что молодого офицера, ставшего виновником происшествия, начали прорабатывать: «Ты еще во время похорон матери Сталина бедокурил. Сейчас, значит, опять?»

Офицер не выдержал, выхватил пистолет и со словами: «Тогда мать Сталина хоронили, а сейчас меня хотите?!», выпустил себе пулю в висок.

Отцовский водитель потом признавался, что никак не может прийти в себя - у него перед глазами постоянно был покончивший с собой офицер и лужа крови на полу.

Запомнила похороны матери Сталина и другая жительница Тбилиси Тамара Масхарашвили, чьи воспоминания мне удалось

записать:

- Когда Кеке Джугашвили умерла, мне было уже 12 лет. Похоронная процессия шла мимо нашего дома. Я вышла на балкон и увидела массу венков. Но в первую очередь почему-то вспоминается грохот десятков сапог, марширующих по мостовым Тифлиса. Ведь Кеке хоронил весь НКВД Грузии.

Ее могила находится в Пантеоне на горе Мтацминда. Люди потом возмущались, почему рядом с великими Важей Пшавела, Ильей Чачвавадзе и Акакием Церетели положили мать Сталина.

Он сам на похороны не приехал, ему было не до этого.

Кеке Джугашвили предали земле под звуки Интернационала.

Невероятная судьба! Бедная прачка, доживавшая свой век во Дворце царского наместника, истово верящая в Бога и похороненная под звуки коммунистического гимна.

//-- Воспоминания матери Сталина --//

Работа над воспоминаниями Екатерины Геладзе-Джугашвили была завершена в августе 1935 года. Возможно, книгу матери Сталина планировали опубликовать к шестидесятилетию вождя. Как раз оставалось время на редактуру (за Кеке, скорее всего, записывал кто-нибудь из грузинских журналистов) и визирование у главного героя повествования.

Но публикация так и не состоялась - ни при жизни Кеке, ни при жизни ее сына.

Да и кто бы на нее решился, если даже невинная статья в «Правде», в которой цитировались слова матери Сталина, вызвала гнев вождя. Корреспондента Дорофеева, взявшего интервью у Кеке, Сталин назвал «мещанской швалью», проникшей в советскую печать, и категорически запретил «помещать в газетах «интервью» и другие подобные материалы, авторы которых - «мерзавцы» по определению.

Монолог Екатерины Джугашвили «идеально» попадал в раздел «подобных» материалов. Добровольно становиться «мерзавцем» и «швалью» желающих не нашлось.

В итоге уникальный документ пролежал в Архиве МВД Грузии семь десятилетий.

Впервые текст увидел свет в 2005 году в издательстве «Универсал». В 2012 году воспоминания Екатерины Джугашвили были переведены на английский язык.

Их настоящий перевод на русский - своего рода премьера. Манера повествования и особенности речи автора сохранены.

Я себя помню с Гамбареули - это окраина Гори. Оторванный от города край на берегу Мтквари. Из-за огромного количества болот там были болезни, малярия, и никто не хотел там жить.

Но нищета заставляет терпеть все. Гамбареули не была родиной моих родителей. Мой отец - крестьянин из Сванетии, его звали Георгий. А маму звали Мелания, она была из Пшави. Они оба были крепостными князей Амилахвари. И служили им, пока не обвенчались.

Мой отец из глины делал кувшины, он очень хотел понравиться Амилахвари, но не смог выдержать плохого к себе отношения. И в результате сбежал с женой и детьми и поселился на болоте. Несмотря на то, что Гамбареули для здоровья было абсолютно невозможным местом, для отца оно оказалось подходящим. Там было много глины. И еще было легко дойти до Г ори.

У меня было двое братьев - Георгий (Гио) и Андрей (Сандала).

Сандала тоже занялся керамикой. С отцом они стали усердно работать и поставили семью на ноги.

Но отец вскоре заболел малярией и почти два года не вставал с кровати. Через два года он в мучениях умер. Мы остались сиротами.

Я тоже заболела малярией. Наверное, тоже повторила судьбу отца. Я была любимицей братьев. Спасло одно обстоятельство - отменили крепостное право. Был большой праздник. Народ стал распрямлять спину.

Мои братья по совету матери решили поменять место жительства. Взяли повозку, сложили все вещи, посадили меня, маму, и мы поехали в Гори. Пришли к родственникам, они нас хорошо встретили. Были очень добрыми, так как знали моего отца. Помянули его и дали нам маленькое место на своем дворе.

Братья построили хижину. Матери соседи помогали. Так что скоро мы стали жителями Гори. Жили в русском районе - русисубани. На том месте, где находилась духовная семинария.

Там все дома были землянками, только по дыму, поднимавшемуся над травой, можно было понять, что в них живут люди. По сравнению с соседскими наш дом был красивым - у него даже были окна.

Воздух Гори меня вылечил. Я словно пришла в себя и стала красивой девушкой.

Сколько раз я мечтала, чтобы мой Сосо стал священником.

Идет наш Лаврентий (Берия - прим. И. О.) и говорит: «Сосо пришел, он уже здесь и сейчас войдет». Открылась дверь, и заходит он, мой дорогой.

Не верю своим глазам. Он тоже рад. Подходит ко мне и целует. Выглядит хорошо, веселым и бодрым. С нежностью спрашивает про мое здоровье, спросил про близких, друзей.

Внезапно я обнаружила, что у моего сына волосы седые. И даже спросила: «Это что такое, сын?». Он отвечает:

«Не имеет значения, мама. Себя очень хорошо чувствую, даже не думай об этом».

После Сосо со своими друзьями пошел осматривать город, я осталась одна. И нахлынули воспоминания.

В молодости к моим братьям начал сватом ходить Михака, который называл какого-то Бесо Джугашвили, которого Осе Барамов пригласил работником в свою обувную мастерскую.

Как оказалось, этот Бесо хотел на мне жениться. Вскоре он и сам объявился, нас представили друг другу. А на второй день мне открыли, что он - кандидат в зятья и поинтересовались, насколько он мне нравится.

Я покраснела, даже слезы в глазах появились. Они его очень хвалили: «Бесо такой хороший человек».

Я не смогла отказаться, а в душе даже радовалась, так как мои сверстницы давно обсуждали этого Бесо и им он нравился.

У горийских девушек, правда, теперь появилась причина для злости. Злословие в мой адрес не прекратилось и после нашей свадьбы.

В то время Бесо считался смелым мужчиной с очень красивыми усами, и был прекрасно одет.

Он был из города и поэтому на нем чувствовался городской отпечаток. Одним словом, он был выше на одну голову всех женихов.

У нас была большая свадьба. Нашими свидетелями были Яков Эгнаташвили и Миха Цихитатришвили. Они была карачогели (в дословном переводе с грузинского - «одетые в черную чоху», городские торговцы и мелкие ремесленники, отличающиеся рыцарством и благородством, в отличии от кино - городских бездельников и мошенников, - прим. И. О.). И внесли своей вклад в свадьбу - пели, говорили тосты.

Нас обвенчали в церкви. Потом мы сели в фаэтон, который был украшен. Присутствовали певцы.

Нам очень помогал Яков Эгнаташвили, на свадьбе он был старшим свидетелем. Не забывал нас и после свадьбы. Бесо оказался хорошим мужем - ходил в церковь, много работал, приносил деньги. Я была счастлива.

После церкви мы отправлялись на рынок, покупали все, что было нужно, и возвращались домой. Многие завидовали моему счастью.

Бесо никак не рассказывал, откуда он. Он так объяснял: «Мои предки были пастухами, так что нас называли «джоганы». А то мы раньше носили другую фамилию. Предки моих предков были генералами».

Через год корона нашего счастья пополнилась - родился сын. Бесо чуть не сошел с ума от радости. Крестным отцом стал Яков Эгнаташвили, были большие крестины.

Но радость сменила грусть, так как ребенку было 2 месяца, когда он умер. Бесо начал пить от горя.

Через два года родился второй сын. Его тоже крестил Яков. Но и тому ребенку не суждено было жить. Бесо от горя чуть не потерял рассудок. Моя мать стала ходить по гадалкам, хотела узнать, почему нам посылаются такие несчастья.

Наконец, я снова забеременела и родился третий ребенок. Мы поспешили его окрестить, чтобы он не умер некрещеным. Крестным уже сделали другого свидетеля, так как рука Якова оказалась несчастливой. Эгнаташвили не обиделся.

Мама повесила на сына иконку Святого Георгия и сказала: «Пойдем на заклание».

Ребенок остался жить. Правда, был очень слабого здоровья. Он был весьма нежным и никак не прибавлял в весе. Если кто-то заболевал поблизости, то он заболевал следом. Больше всего любил кушать лобио.

Однажды Сосо простыл и потерял голос. Мы рыдали так громко, что слышали все соседи. Они нам сочувствовали. Все думали, что сын тоже умрет. Но он выжил.

Мы отправились молиться в Гери. На заклание отдали овцу и заказали в церкви благодарственный молебен. Сосо в церкви испугался. И потом даже дома иногда вздрагивал, бредил во сне и прижимался ко мне.

Сосо очень рано начал разговаривать, он все называл какими-то своими именами, мы много смеялись и веселились.

Он любил вещи, которые блестели. И просил дать их ему. Все блестящие вещи он назвал «дундала». Очень любил цветы, особенно ромашки. Когда он их видел, не мог успокоиться. Ромашку называл «зизи».

И также очень любил музыку. Когда мои братья Сандала иГио начинали играть на дудуки, то радости Сосо не было границ. Любил слушать соловьев, моя мама водила его в сады. Тогда же он полюбил петь сам.

Сын доставлял мне огромную радость, но Бесо все больше и

больше пил. Друг семьи Яков Эгнаташвили все просил его бросить, но он не поддавался. Со временем у него стали дрожать руки и он уже не был таким хорошим мастером, как раньше.

Сосо был очень чувствительным ребенком. Как только он слышал голос пьяного отца, сразу же меня обнимал, мое счастье! И говорил: «Давай пойдем к соседям, пока папа не заснет, а то опять тебя сможет разозлить».

Сосо очень переживал из-за поступков отца и стал замкнутым, грустным. Не хотел играть со сверстниками, все просил дать книгу.

От нашего ученика он один раз услышал стихотворение про Арсена и все просил меня: «Быстро научи меня читать, чтобы я сам мог читать книгу!»

Я очень хотела отдать его в школу, но Бесо думал по-другому: «Я должен научить сына своему ремеслу, чтобы он мне помогал. Когда мне было столько же лет, сколько ему, меня уже называли правой рукой отца».

Он научил его. Но сын заболел корью, в том году было много кори, почти во всех семьях стоял плач. У нашего крестного Якова три ребенка умерло.

Сосо очень тяжело болел, и мне казалось, что его потеряю. По меньшей мере, я думала, что он ослепнет. Но я оказалась очень счастливой матерью.

Маленькая история из его болезни. На третий день у Сосо была высокая температура и он начал бредить. «Покажите мне Кучатнели». (Георгий Кучатнели - убийца Арсена Одзелашвили, героя «Песни об Арсене», - прим. И. О.) Моя мама завернула мутаку (маленькую подушку, - прим. И. О.) в одеяло и показала это Сосо как Кучатнели. А Сосо начал его бить.

В это время Бесо от нас ушел. Сказал, чтобы я следила за сыном, хорошо кормила и поила его, но никакой помощи не оказывал. Сколько я плакала! Днем старалась сдерживать себя, чтобы не расстраивать Сосо. Но он все чувствовал, говорил, что если я буду плакать, то и он заплачет.

Моей мечтой было, чтобы сын пошел в духовное училище, так как мы были очень верующей семьей. И мне нравилось, когда из Тбилиси приезжал какой-нибудь епископ в своем одеянии.

Но Бесо был против учебы сына. Хотел, чтобы тот стал сапожником, так как от него самого уже не было никакого толку. Но я об этом не хотела и слышать. Предложила, что стану прачкой и смогу заработать на учебу Сосо. Опять начались ссоры.

Мне помогла семья Чаркивани. Их сын Котэ за неделю научил Сосо читать. Но в училище принимали только детей священников. На помощь пришел Христофор Чарквиани, на нашей свадьбе он

пел в церковном хоре. За это наш Яков дал ему красную десятку.

А еще Христофор любил выпить, не раз выпивал с Бесо. Он придумал написать письмо в училище и попросил принять Сосо, как способного мальчика и сына дьякона. Бесо он представил как своего дякона.

Ребенка допустили на экзамены. На все вопросы он отвечал быстро. Он такумело читал, считал и знал молитвы, что его сразу же посадили в средний класс. И он стал первым учеником.

Но Бесо это не радовало. Он считал, что мы губим сына, стал еще больше пить и вообще перестал работать. Семья не погибла благодаря Якову Эгнаташвили.

Бесо не переставал пить и причиной этого называл меня. Один раз пришел пьяный и начал меня бить. Насильно заставил Сосо пойти с ним в мастерскую и дал ему шить обувь.

Я просила всех помочь, кричала, плакала, что он хочет украсть у меня сына. А Бесо упрямо говорил: «Я никому не отдам своего ребенка. В школе он может погибнуть, а здесь он талантлив и может шить хорошую обувь».

Вмешались учителя - Закария Давидов и директор училища Беляев, у которого была грузинская жена. Они пытались пристыдить Бесо: «У тебя такой талантливый сын, ты должен им гордиться, а ты мешаешь ему в учебе».

Это помогло. Он вернул Сосо в училище. Но сам навсегда покинул семью и уехал в город. Это уже был не мой Бесо. Тот стал жертвой выпивки.

После ухода Бесо мне было очень тяжело. Окружающие мне помогали, Яков Эгнаташвили и его жена присылали нам продукты. Но до каких пор я могла жить за чужой счет? Начала работать. Не стыдилась ни одной черной работы, даже стирала, потом начала шить.

У меня нашелся талант к шитью и я даже стала известна в Г ори, как лучшая портниха одеял. Потом начала шить белье и платья. Вобщем, шитье стало нашим основным доходом.

Когда сестры Кулиджановы открыли в Гори ателье, то пригласили меня в нем работать.

Я оставалась там семнадцать лет. Не расставалась с иглой. Поначалу получала сорок копеек, потом пятьдесят, а если бывали срочные заказы, то и рубль двадцать.

Своим трудом я не давала погибнуть сердцу ребенка, старалась, чтобы он не чувствовал отсутствия отца.

Вспоминаю, как мой Сосо делал первые шаги. Эти мысли радуют меня, они, как свеча, горят передо мной и сегодня.

Сосо очень хорошо ладил с моей мамой. Однажды она сказала мне, что наш мальчик пытается делать первые шаги.

«Давай поможем ему и мои руки отдохнут», - сказала она.

Я уже говорила, что мой Сосо любил цветы. И тогда мама взяла в руки ромашку, отошла от меня и стала звать Сосо к себе. Он стоял возле меня, но, увидев цветок, протянул руки к бабушке. В итоге он сделал несколько шагов и дошел до бабушки.

Тогда я захотела, чтобы он подошел уже ко мне. Показала ему яблоко, но бабушкина ромашка была ему больше интересна. Тогда я расстегнула кофту и показала свою грудь. Сосо улыбнулся и пошел ко мне. От счастья я чуть не сошла с ума.

В детстве мой Сосо никак не поправлялся. А несколько раз чуть не погиб.

Ему было года четыре, когда Бесо привез на праздник Преображения два больших арбуза. Мы хотели освятить их в церкви. Бесо разрезал их, перед тем как нести в храм. Пока мы собирались, Сосо съел один кусок арбуза. Бесо разозлился - почему, мол, не дождался благословения.

Сын так обиделся, что даже не пошел с нами в церковь. Когда мы вернулись с освященными фруктами, то Сосо все равно отказался сесть с нами за стол. Мы сидели за обедом, когда открылась дверь и Сосо сказал с порога: «Плохие!»

Крестный Яков, который пришел к нам в гости, рассмеялся, встал и посадил Сосо к себе на колени. Но тот, видно, из-за того, что долго простоял на сквозняке, вдруг упал в обморок. Мы все стали кричать, но наша соседка Фефа привела его в чувство.

Один раз нас пригласили на свадьбу. Я взяла с собой своего сына. Привезли жениха и невесту, все их поздравляли. А мой сын взял и сорвал фату. Невеста чуть не умерла от страха. А жених посчитал это плохим знаком.

Я начала злиться на сына и требовала, чтобы он отпустил фату. А он не отпускал. Яков начал защищать: «Что ты кричишь, он же не понимает».

Когда Сосо увидел, что у него есть защитник, то стал еще сильнее трясти фату. Яков поцеловал Сосо и сказал: «Мальчик уже сейчас невесту похищает. Что будет, когда у тебя усы отрастут?»

И жених начал смеяться. Поправили фату невесте, а Сосо отрезали от нее кусочек.

Дата Гаситашвили был нашим учеником. Он очень любил Сосо. Когда он один раз вел его домой, на дороге они встретили русского, который сказал: «Какой хорошой саранчик». Ему понравился Сосо. Дата обиделся - решил, что «саранчик» плохое слово. И избил русского.

Дело передали в суд. Когда Дата начал объяснять, что ребенка назвали саранчиком и его это обидело, судьи начали

смеяться. И дело закрыли.

Но крестному Якову это обошлось дорого. Ради этого русского ему пришлось устроить пир.

Совместная жизнь с Бесо стала невозможной, он тоже понимал это и переехал в Тбилиси. Но он любил Сосо и даже несколько раз прислал какие-то гроши. Даже просил с ним помириться, клялся, что больше не будет пить и станет заботиться о сыне и не заберет его из училища.

Когда об этом узнали мои братья, они пытались ему помочь и нас помирить. Во всем обвиняли меня: «Если Бесо не хочет, пусть сын не учится. Кому пригодится его учеба? Мы вот безграмотные, но ничего не случилось. Пусть ребенок учится отцовскому ремеслу. Чем он сможет тебе помочь, когда в рясе будет?»

Но я твердо стояла на своем. «Буду милостыню просить, но сына из духовного училища не заберу». Братья потом неделю со мной не разговаривали.

Но я им сказала, что ребенок хорошо учится, все училище его хвалит. И это глупость забирать такого способного ученика.

«Пока я жива, он не будет зарабатывать на жизнь в сапожной мастерской».

А как учителя хвалили его голос? Симон Гогличидзе говорил, что у моего сына такой голос, который удивит весь мир. Я не раз ходила в церковь и слушала, как он поет.

Мой Сосо ходил на учебу. Один раз я отпустила его в училище, а его обратно принесли. Когда он возвращался домой с уроков, из какого-то духана его позвал Копинов с другой стороны улицы: «Иди сюда, хочу тебе что-то показать». Он начал переходить улицу и в него врезался фаэтон и его чуть не убили лошади.

Ребенок потерял сознание. Я чуть с ума не сошла. Целых две недели ребенок не мог говорить.

Очень мне помог в это время фельдшер Ткаченко, который привел врача Любомудрого и Саакова. Он был очень добрым человеком. Как только узнал, что ребенок умирает, тут же появился.

Никто не взял у меня денег, все помогали от чистого сердца и вернули жизнь Сосо.

На третью неделю Сосо уже ходил в школу. Сааков ему даже рублевую монету подарил.

Так как Сосо был очень талантливым ребенком, я себе во всем отказывала, лишь бы у него все было. Он был очень красиво и чисто одет. Так как он был слабым ребенком, я его всегда очень тепло укутывала.

Он меня тоже очень любил. Когда видел пьяного отца, то со

слезами на глазах просил меня прятаться у соседей.

Потом от Бесо совсем перестали поступать известия. Я даже не знала, жив ли он. Но и не спрашивала о нем, радовалась, что сама смогла своей работой обеспечить семью.

Сколько раз я встречала возле кровати Сосо рассвет, сидя за работой. Мечтала успеть поставить его на ноги. И так оно и случилось. Сын был первым учеником в духовном училище, его любили друзья и учителя.

Когда он закончил учебу, меня все поздравляли. Только Симон Гогличидзе вздыхал: «Кто же теперь будет петь в хоре?»

Я стала думать, как устроить сына в семинарию.

Он не отходил от меня ни на шаг. Даже летом, когда были каникулы, сидел возле меня и читал книгу. Единственным развлечением для него были прогулки.

Однажды мой Сосо вошел в дверь в плохом настроении. У меня чуть сердце не лопнуло от страха. «Что с тобой, сынок?» - спросила я. Со слезами на глазах он сказал, что может потерять год, потому что в семинарии приема не будет из-за того, что там был бунт.

Многих отчислили. Для новоприбывших осложнили прием. Если поступающий не был сыном церковнослужителя, о нем и слышать не хотели.

Я обнадежила сына, сказала, что в этом деле могу помочь ему. И вправду, нарядилась и обошла всех учителей -Гогличидзе, Захара Давидова, Илуридзе. Все единогласно обещали, что моему сыну, как первому ученику, окажут всяческую помощь.

Я всегда гордилась, что мой сын был зеницей ока для училища - это правда. И когда пришло время, ему дали такую справку, что могла и камень расшибить. Я набралась мужества, чисто одела сына, и с надеждой двинулись мы в город.

Для Сосо было главным покинуть Г ори. Когда он впервые сел в поезд, так радовался, все время смотрел из окна. На каждый остановке спрашивал: «Ну что, приехали?» Он очень спешил, очень хотел попасть в город.

Когда мы подъехали к Овчале, вдруг начал плакать. У меня чуть сердце не разорвалось - не заболел ли он. Оказалось, у него была другая грусть: «Мама, когда мы приедем в город, папа найдет меня, похитит и заставит делать сапоги. А я хочу учиться. Если он так поступит, я покончу с собой».

Я вытерла ему слезы и сказала: «Почему ты должен убить себя, сын? Пока я жива, тебе никто не помешает в учебе. Никому тебя не отдам».

Так я успокоила своего сына.

В Тбилиси мы приехали в хорошее время, было 11 утра. У

моего мальчика пестрели глаза от движения города. Но сейчас уже я начала бояться. Везде мерещился Бесо, всё боялась, что откуда-нибудь он появится и начнет драться.

Сердце колотилось, но что я могла сказать и такуже испуганному сыну? Говорила, что если он появится, начну кричать и позову городового. Но мои страхи были напрасны.

В городе у меня жили родственники. Но я была гордой и хотела сама пробить дорогу для сына. Стала искать квартиру. Но найти жилье было не так легко, как я думала. До утра искали. Везде были такие квартиры, что я не могла платить за них. В конце концов, в районе Анчисхати (старинная церковь Тбилиси, - прим. И. О.) в одном дворе армянка открыла мне дверь. Оказывается, все ее родственники уехали на дачу, и она осталась одна. Она даже обрадовалась нашему приходу - теперь было с кем поговорить.

Мы пришли на две недели, но оставались 22 дня на этой квартире. Мы с хорошей ногой пришли к ней - она в этом месяце вышла замуж. Потом хозяйка говорила, что такой счастливой женщины, как она, на земле нет.

Когда пришло время платить за жилье, она отказалась брать у нас деньги. Даже еще и мне купила подарок -платок. «Ты наш добрый ангел», - сказала она.

Я должна была найти какого-нибудь влиятельного человека, который помог бы сыну поступить в семинарию.

У меня была дальняя родственница Катонария, которая была замужем за бедным столяром Вано Касрадзе. Като оказалась очень доброй и обещала: «Не бойся, это дело я легко улажу».

Оставила меня в своей комнате, сама пошла на верхний этаж к мужчине, который, по ее мнению, мог помочь мне осчастливить Сосо.

В тот день я выяснила, с кем имела дело и почему Като так была уверена. Оказывается, наша Като жила в доме священника Чагонава. Он был экономом в семинарии и пользовался большим влиянием.

Като обратилась напрямую не к нему, а к его жене Маке. Сказала, что я еле вырастила сына: «Бери его. Если поможете, считайте, что построили церковь».

Мака сказала прийти к ней. Ей очень понравился мой сын. «Не бойся, я сделаю все, чтобы его взяли», - пообещала она мне. И стала разговаривать со своим мужем. Он с нами встретился и тоже обещал. В благодарность я сшила Маке одеяла и ни копейки с нее не взяла.

На другой день Чагонава отправился к Тедо Жордания, который преподавал в семинарии. В общем, все занялись тем,

чтобы Сосо допустили к экзаменам. Наконец, это произошло.

Чагонава все время наблюдал за моим сыном, чтобы он не подвел. На третий день через Като он дал мне знать, что экзамены были очень тяжелые. Но Сосо так хорошо все сдал, что его взяли на казенный счет.

Слова Чагонава сделали меня такой счастливой, что я думала, что весь мир - мой. Через месяц я увидела Сосо в форме семинариста и от радости заплакала.

Вернулась в Гори. Первое время было очень тоскливо одной дома. Только часы на стене как-то оживляли опустевший дом. Мне было все равно, правильно ли они идут. Главное, что нарушалась тишина.

Сосо понимал, как мне тяжело в одиночестве. И поэтому присылал в неделю два письма. Я перечитывала их каждый день - начинала с последнего и заканчивала первым. Каждую ночь эти письма я клала на грудь и так засыпала. А просыпаясь, перечитывала.

Он очень хорошо учился в семинарии. Я ждала Рождества, Нового года и Пасхи, потому что в эти дни моему мальчику давали две недели выходных.

Но я замечала, что Сосо уже не тот Сосо. Он уже был мужчиной, с усами и бородой. Но он все также обнимал меня, словно ему было 5 лет.

Чем старше он становился, тем был более замкнутым. Помню как он впервые пришел на Рождество. Оказывается, он собрал сахар, завернул в платок и принес мне. И так все время приносил гостинцы.

А я его ела очень медленно, чтобы запах платка перешел на сахар, и я чувствовала запах сына.

Он не отпускал меня ни на шаг, целовал и обещал, что скоро все мои горести закончатся. Я отвечала, что мне ничего не нужно, лишь бы он жил и хорошо делал свои дела.

Потом он все больше отдалялся от меня и уже не обещал лучшую жизнь. Иногда даже избегал меня. Мне становилось все труднее разговаривать с ним.

Постепенно пошли разговоры, что Сосо начал бунтовать.

У меня чуть сердце не остановилось. Бунтовщик? Я видела в сыне епископа, а не бунтовщика.

Сразу же поехала в город. Он обиделся: «Чего ты прибежала? И тебя кто спрашивает, что я сделаю, а что нет?»

Меня очень обидела такая грубость, это было впервые. Я начала плакать: «Не погуби меня, ты один у меня. Как ты можешь погубить Николая? Прекрати бунт! Это не твое дело».

Он пересилил себя, попытался успокоить меня и поцеловал:

«Кто-то тебя обманул, мама. Ты же видишь, я в семинарии и не бунтую. Иначе бы сидел в Метехской тюрьме».

Это была его первая ложь. В результате он вытер мне слезы и отправил в Г ори.

Но шепот моих соседей оказался верен. Сосо и правда выбрал другой путь.

Толкнул ногой семинарию, больше со мной не виделся, стал диким и все время проводил с рабочими. А потом его из-за бунта арестовали.

Это известие меня чуть огнем не сожрало. Опять побежала в город. Я думала, что если приду в метехскую тюрьму, сразу откроют камеру и моего сына отпустят ко мне. Но там было очень много неприятностей.

Как только я приехала в город, откуда-то появился пьяный Бесо и преградил мне путь: «Куда ты? Остановись!» Бежит и ругается. «А то кровь польется».

Я подумала: «Куда я одна? А вдруг нож достанет?» И остановилась.

Он сжал кулаки и готовился к бою: «Что ты сделала с моим сыном? Зачем ты забрала его у меня, если не могла за ним уследить? Зачем нужна его учеба? Он весь мир хочет перевернуть! Его не простят, ты виновата во всем! Если бы не твоя учеба, он бы сейчас мастером был. А из-за тебя он сейчас сидит в тюрьме. Зачем мне нужен сын, который в тюрьме сидел. Я его сам убью».

Вокруг собрался народ. Я попросила его успокоиться. Сын из тюрьмы опять моим будет, меня позорит, пусть он не вмешивается. И так мы расстались.

В Метехи мне сына не показали. Но он через какого-то человека смог передать мне весточку: «Не бойся, со мной все хорошо и скоро увидимся». Он потом всегда так умел - чтобы с ним не случалось, он всегда передавал для меня новость.

Сейчас я уже не горюю. Моего «каторжного» сына все знают. Он здоров, и это меня радует.

Откуда в нем это - что он стал покровителем всех униженных? Если бы Бесо это увидел!

Сосо очень занят, но меня не забывает. Когда находит время, всегда ободряет. Вот получила фотографию Светланы. Моя радость, отправила ей ореховое варенье.

Фотографию маленького Сосо я всегда ношу возле сердца. Он будет тем, кто станет плакать на моей могиле. Он посылает мне сладкие сны.

1935 год 27 августа.

(Архивный департамент МВД)

Глава 2. Первая любовь

На дворе стояло лето 1906 года. Иосифу, а тогда просто Сосо, исполнилось 26 лет.

Юноша стал мужчиной и совершил самый, наверное, неожиданный поступок в своей жизни. Он венчался.

Это случилось в ночь на 16 июля в монастыре Святого Давида, расположенном в Тифлисе на горе Мтацминда.

Законной женой сына сапожника стала 19-летняя Като Сванидзе, дочь тифлисского крестьянина.

Екатерина Сванидзе

Это был короткий, но, судя по всему, счастливый брак. Потому что был по любви.

С будущим мужем Екатерину познакомил ее брат Александр, который, как и Иосиф, был увлечен политикой и. религией - оба учились в духовной семинарии.

При этом официальным женихом красавицы Като считался другой приятель Иосифа по Горийскому духовному училищу - Давид Сулиашвили.

Они вместе пели «Покаянную молитву» в церковном хоре.

Годы спустя Давид вспоминал о том времени: «Певцы подбирались с лучшими голосами, и одним из них всегда был Сосо. Вечернее богослужение, три мальчика, облаченные в стихари, стоя на коленях, распевают молитву. Ангельские голоса трех детей, открыты золотые царские врата, воздел руки священник - и мы, исполненные неземного восторга и павшие ниц.»

Юноши вместе проводили время. И вместе оказались в доме Сванидзе.

Шансов на победу в любовном поединке у романтичного Сулиашвили перед уверенным в себе Джугашвили не было. Равно как и на то, что будущий диктатор забудет о сопернике.

В 30-х годах Сулиашвили был арестован. Видимо, страх перед бывшим другом останется у него до конца. Даже после освобождения (ему повезло, он уцелел) ни одного дурного слова о Сталине из уст писателя Сулиашвили никто не услышит.

Но все это произойдет потом. А пока.

Первым делом влюбленный Иосиф счел необходимым

познакомить свою избранницу с матерью. Кеке невеста сына понравилась, и благословение на брак было получено. Тогда еще подобные вещи были для будущего диктатора важны.

Удивительное дело - о Сталине и его личной жизни написаны десятки книг. Но при этом о его первой женщине неизвестно почти ничего.

Мне довелось повстречаться с потомками тех, кто лично знал Като. Из их рассказов и воспоминаний я и попытаюсь воссоздать историю жизни и смерти Екатерины Сванидзе.

Она была необычной женщиной. Уже потому, что ради нее бывший семинарист Джугашвили отправился под венец.

Иосиф тогда только-только вступил в партию большевиков и радости семейной жизни были ему вовсе не чужды.

Като была простой, мягкой девушкой. И эти черты ее характера сыграли решающую роль. Иосиф был пленен, и сам, в свою очередь, изо всех сил пытался очаровать девушку. Довольно необычным способом - оскорблял ее и всячески подавлял.

«Что ему доставляло сторонников, - писал в Берлине Иремашвили, друг юности Иосифа и его тезка, - это страх перед его грубым гневом и его злобным издевательством. Его сторонники отдавались его руководству, потому что чувствовали себя надежно под его властью. Только такие человеческие типы, которые были достаточно бедны духовно и склонны к драке, могли стать его друзьями.»

На тот момент Сосо уже находился на нелегальном положении. А посему венчание проходило тайно и ночью. Единственным священником, который согласился исполнить обряд, стал однокурсник Сосо по духовной семинарии Христисий Тхинвалели.

После того, как свет увидело первое издание моей книги «Судьба красоты. Истории грузинских жен», - одной из героинь которой стала Сванидзе - меня разыскали потомки этого священника и подтвердили факт тайного венчания.

Существует версия, что таинство в полном смысле слова оправдало свое название и по другой причине -молодому большевику было. стыдно принимать участие в религиозном обряде. Перед товарищами по партии. И судя по реакции некоторых из них - не зря. Например, Лев Троцкий подобный поступок осуждал.

Венчаться Иосифу пришлось под чужой фамилией. По паспорту он значился как Галиашвили. Весьма красноречивый, стоит заметить, псевдоним - «галиа» в переводе с грузинского означает «клетка», саму фамилию можно перевести как «сын клетки».

Пройдет всего четыре месяца и Екатерина Сванидзе в полной мере сумеет ощутить, что значит быть женой революционера.

13 ноября 1906 года в ее квартиру на Фрейлинской улице в Тифлисе явится полиция, которая разыскивала Иосифа. Тот находился в это время в Баку.

В итоге жандармы арестовали Като. Формальным поводом для задержания стало то, что Сванидзе предъявила свой девичий паспорт, хотя ее замужество уже ни для кого не было секретом.

Накануне нового, ставшего последним в ее жизни, года Сванидзе освободили. Ходатайство об этом написали ее родственники.

Женщина находилась на пятом месяце беременности и тифлисская полиция, возможно, просто пожалела несчастную жену Иосифа Джугашвили. Который, надо отдать ему должное, тоже подписал ходатайство. Правда, фигурировал в нем как двоюродный брат арестованной.

18 марта 1907 года у Екатерины и Иосифа родился сын Яков. А уже через три месяца родителям пришлось бежать из Тифлиса. Причиной побега стал налет на почтовую карету, который молодой отец организовал на Эриванской площади Тифлиса. В результате нападения было похищено 250 тысяч рублей - громадная по тем временам сумма.

Впрочем, потом окажется, что истинным организатором знаменитого ограбления являлась царская полиция. Все похищенные денежные купюры были помечены и при попытке их обмена за границей удалось арестовать многих разыскиваемых революционеров.

Задержания избежал лишь Сосо, который в тот момент снова скрывался в Баку. Впоследствии подобное везение даст повод для разговоров о том, что он являлся тайным сотрудником полиции.

Но такие разговоры возникнут потом. А пока у супругов протекала обычная, если не брать в расчет необходимость скрываться, жизнь.

Екатерина обижалась на свекровь, которую называла «старухой». Кеке отказалась присмотреть за внуком Яковом, пока невестка и сын находились в Баку. Для Грузии это из ряда вон выходящий случай.

Пришлось Като обратиться за помощью к своим родственникам, чей дом впоследствии станет для Якова родным.

Единственное, чем могла Екатерина помочь сыну - это деньгами, которые передавала своим родным. Женщина была популярной в Тифлисе портнихой, у которой одевалась жена самого начальника полиции.

Во время пребывания в Баку Екатерина Сванидзе заболела

скоротечной чахоткой. Муж привез ее обратно в Тифлис и снова уехал.

Работать больная Като уже не могла, а потому денег не хватало. У мужа на семью их не было. При том, что он никогда не отказывал в финансовой помощи соратникам по партии. Так, в июле 1907 года к нему пришел за деньгами большевик Сергей Аллилуев. Ему надо было ехать в Петербург и, как он слышал, помочь мог только Иосиф. Тот действительно помог своему, как оказалось, будущему тестю.

Като в это время умирала - в буквальном смысле слова - из-за безденежья. Пригласить врача и купить лекарство было не на что.

Впрочем, справедливости ради надо отметить, что и на себя Иосиф деньги не тратил. Бытовая сторона жизни никогда не имела для него большого значения.

Оправдывает ли только подобное «бессеребреничество» отношения к смертельно больной жене?

В Грузию Иосиф приехал лишь за день до смерти жены, 21 ноября 1907 года. На следующий день Екатерины Сванидзе не стало. По воспоминаниям друзей, она умерла на руках у мужа.

Который, наконец, вышел из тени. В сообщении о смерти Екатерины, опубликованном в тифлисской газете «Цкаро», имя Иосифа Джугашвили фигурировало в качестве мужа усопшей.

Брак Сосо и Като, как молодых называли друзья, продолжался чуть больше года. По свидетельствам современников, Иосиф по-настоящему любил Екатерину. Возможно за то, что она с первого дня выбрала правильную линию поведения - смотрела на мужа снизу вверх, не подвергая его слова ни малейшему сомнению и даже не смея подумать, что ее Сосо, вынужденный то и дело скрываться от полиции и оставлять молодую жену в одиночестве, может быть в чем-то не прав.

Хотя, конечно же, находились люди, которые говорили об обратном. Так, некий Петр Можнов, знавший хозяина бакинского пристанища Сосо и Като, вспоминал, что «Иосиф, возвращаясь домой пьяным, ругал жену последними словами и избивал ногами»...

На похоронах Екатерины Сванидзе, состоявшихся на Кукийском кладбище Тифлиса, Иосиф Джугашвили сказал другу: «Это существо смягчало мое каменное сердце; она умерла и вместе с ней умерли мои последние теплые чувства к людям».

Похороны Сванидзе стали единственным случаем в биографии Иосифа, когда он лично прощался с близким ему человеком.

Больше он не провожал до могилы никого - ни мать, ни

вторую жену.

Бывал только на протокольных процессиях, когда земле предавали его соратников. Обретших последний приют порою не без старания самого Иосифа.

Когда гроб с телом Екатерины опустили в землю, Иосиф не сдержался и тоже бросился в могилу. Присутствовавшему на похоронах одному из друзей Джугашвили, Геронтию Кикодзе, пришлось спуститься туда следом за ним и почти силой вытащить безутешного товарища.

Иосиф не забудет этого. Спустя годы, этот поступок спасет Геронтия Кикодзе от ареста и сохранит ему жизнь.

Это случится в 1936 году, когда в Грузию приедет знаменитый французский писатель Андре Жид, и именно Геронтия, свободно владеющего французским, назначат сопровождать классика мировой литературы. Жиду, конечно же, показывали в Грузии лишь то, что было дозволено. Но на то писатель и был великим, что сумел разглядеть и то, что от него всячески пытались скрыть.

Вернувшись во Францию, Жид написал сенсационную книгу «Возвращение в СССР», на страницах которой поведал миру о том, что же на самом деле происходит в Советском Союзе.

Не надо быть большим специалистом, чтобы понять, какие эмоции могли вызвать у Сталина, например, такие строки из произведения Андре Жида:

«По дороге из Тифлиса в Батум мы проезжали через Гори, небольшой город, где родился Сталин. Я подумал, что это самый подходящий случай послать ему телеграмму в знак благодарности за прием в СССР, где нас повсюду тепло встречали, относились к нам с вниманием и заботой. Лучшего случая более не представится. Прошу остановить машину у почты и протягиваю текст телеграммы. Содержание примерно такое: «Совершая наше удивительное путешествие по СССР и находясь в Гори, испытываю сердечную потребность выразить Вам.» Но в этом месте переводчик запинается: такая формулировка не годится. Просто «вы» недостаточно, когда это «вы» относится к Сталину. Это даже невозможно. Надо что-то добавить. И, поскольку я недоумеваю, присутствующие начинают совещаться. Мне предлагают: «Вам, руководителю трудящихся», или - «вождю народов», или. я уж не знаю, что еще. Мне это кажется абсурдом, я протестую и заявляю, что Сталин выше всей этой лести. Я бьюсь напрасно. Делать нечего. Телеграмму не примут, если я не соглашусь на дополнения. И, поскольку речь идёт о переводе, который я даже не могу проверить, соглашаюсь после упорного сопротивления и с грустной мыслью о том, что все это создает

ужасающую, непреодолимую пропасть между Сталиным и народом. И, поскольку я уже обращал внимание на подобные добавления и уточнения в переводах моих речей, произнесенных там, я тогда же заявил, что отказываюсь от всего опубликованного под моим именем во время пребывания в СССР и что я ещё об этом скажу. Вот я это и сделал теперь».

Удивительно, но никаких последствий для Кикодзе эта история не имела.

О судьбе известного грузинского переводчика и литератора, мне поведала его дочь, Манана Кикодзе (в Грузии женщины, как правило, и после замужества носят фамилию отца). В юности легендарная грузинская красавица, женщина встретила меня, будучи уже серьезно больным человеком. Ей было далеко за восемьдесят, по квартире она передвигалась в инвалидном кресле. Но стоило ее спросить об отце, как она оживала и, казалось, сбрасывала со своих плеч по меньшей мере полвека.

Манана Кикодзе рассказывала, что в их семье потом в шутку ругали Геронтия - зачем он вызволил Сталина из могилы? Ведь была же прекрасная возможность избавиться от него уже тогда.

Оказалось, что Иосиф мог быть благодарным. Как-то он поинтересовался, чем занимается Кикодзе. Ему ответили - переводит. Вождь остался доволен - пусть переводит.

Отца моей собеседницы не стало в 1960 году.

А тогда, в 1908, через год после смерти любимой жены, Джугашвили взял себе псевдоним, с которым и вошел в историю, по сей день заставляя говорить не только о себе, ной о членах своей семьи.

Сосо Джугашвили превратился в Кобу Сталина.

Существует много предположений о том, почему он выбрал именно этот псевдоним. Лично мне близка версия, связанная со смертью Екатерины Сванидзе.

«Каменное сердце» Иосифа теперь билось в стальном человеке. Который думал уже только о власти.

Что же касается его придуманного имени «Коба», то его Иосиф заимствовал у героя романа «Отцеубийца» великого грузинского писателя Александра Казбеги.

Романтическая история любви между крестьянской парой Иаго и Нуну разворачивается на его страницах на фоне исторических событий середины 19 века, когда российские войска одержали победу над отрядом горцев под предводительством Шамиля.

Коба пытается помочь влюбленной паре: крестьянин Иаго находится в тюрьме, а его невесту Нуну собираются похитить неприятели. Герой романа помогает Иаго бежать из заключения,

однако тот все равно погибает. Такая же участь ждет и его невесту - Нуну умирает, не пережив ложное обвинение в убийстве отца. В живых остается лишь Коба, который обещает отомстить за смерть друзей.

По воспоминаниям друга юности Сталина Иосифа Иремашвили, «. Коба стал для Сосо богом, смыслом его жизни. Он хотел стать вторым Кобой, борцом и героем, знаменитым, как этот последний. В нем Коба должен был воскреснуть. С этого момента Сосо начал именовать себя Кобой и настаивать, чтобы мы именовали его только так. Лицо Сосо сияло от гордости и радости, когда мы называли его Кобой».

Даже в 1917 году под некоторыми документами стоит подпись «К. Сталин».

Ну а пока до решающего года было далеко. Молодой отец занимался революционной работой, аихс Като сын Яков оставался на попечении родственников Сванидзе.

Его судьба сложилась трагично. Яков был нелюбимым ребенком. Может, потому, что напоминал о Екатерине? А может, потому, что любимых детей у Сталина просто не могло быть.

До 1921 года мальчик воспитывался в Тифлисе у тетки, Александры Сванидзе.

Моя тбилисская знакомая Тамара Масхарашвили несколько раз видела Якова. Своими впечатлениями о встречах со старшим сыном вождя она делилась со мной на даче в поселке Цхнети, где раньше жили коммунистические правители республики:

«Якова Джугашвили, старшего сына Сталина, я видела в Бакуриани. Когда мы выходили играть в волейбол, через забор с соседней дачи к нам перелезал молодой мальчишка. Такой румяный, пухлый, очень простой. Мы знали, что это Яков.

Но то, что он сын Сталина, не имело для нас никакого значения. Для нас он был мальчиком, которого больше всего волновало - примем мы его в свою компанию или нет. Он играл с нами, а через пару часов за ним приходили охранники и вежливо просили вернуться домой».

Лишь когда Якову исполнилось 14 лет, он приехал в Москву. На этом, по воспоминаниям Светланы Аллилуевой, настоял Алеша (это был подпольный псевдоним Александра) Сванидзе. Тот самый брат Като.

Сталин был недоволен этим переездом, но спорить не стал.

В подарок отцу Яков вез банку варенья из грецких орехов, которые передала бабушка Кеке. Но по дороге не выдержал и все съел. Очень переживал, что отец расстроится из-за этого. Но Сталин, кажется, даже не заметил, что в доме появился еще один ребенок.

Единственным человеком в семье, кто заботился о Якове, была Надежда Аллилуева, вторая жена вождя.

Светлана Аллилуева вспоминала: «Мама очень нежно, с истинной любовью относилась к Яше, моему старшему брату, сыну отца от первой его жены, Екатерины Семеновны Сванидзе. Яша. тоже очень уважал и любил ее. Она делала все возможное, чтобы скрасить его нелегкую жизнь, помогала ему в его первом браке, защищала его перед отцом, всегда относившемся к Яше незаслуженно холодно и несправедливо».

Подобная забота потом послужит пищей для слухов, будто между Яковом и Надеждой, которых разделяло всего семь лет, существовали романтические отношения.

Может быть, в том числе и поэтому Сталин почти враждебно относился к старшему сыну.

Светлана Аллилуева вспоминала, как «доведенный до отчаяния отношением отца, совсем не помогавшего ему, Яша выстрелил в себя у нас в кухне, на квартире в Кремле. Он, к счастью, только ранил себя, - пуля прошла навылет. Но отец нашел в этом повод для насмешек: «Ха, не попал!» - любил он поиздеваться».

Непримиримый противник Сталина Лев Троцкий описывал детство Якова, протекавшее в Кремле:

«Мальчик Яша подвергался частым и суровым наказаниям со стороны отца. Как большинство мальчиков тех бурных лет, Яша курил. Отец, сам не выпускавший трубки изо рта, преследовал этот грех с неистовством захолустного семейного деспота, может быть, воспроизводя педагогические приемы Виссариона Джугашвили. Яша вынужден был иногда ночевать на площадке лестницы, так как отец не впускал его в дом. С горящими глазами, с серым отливом на щеках, с сильным запахом табака на губах Яша искал нередко убежища в нашей кремлевской квартире. «Мой папа сумасшедший», - говорил он с резким грузинским акцентом».

Яков Джугашвили закончил военную артиллерийскую академию аккурат накануне войны.

По воспоминаниям генерала Власика, начальника охраны Сталина, старший сын вождя, «очень милый и скромный человек, разговорами и манерами необыкновенно похожий на отца», видел свое будущее совсем другим. Он окончил Институт железнодорожного транспорта. Но «услышав замечание отца о том, что он хотел бы видеть сына военным, Яков поступил в Артиллерийскую академию».

22 июня 1941 года Сталин сказал ему: «Иди и сражайся». И он пошел. Но уже в июле, всего через месяц после начала войны, под

Вязьмой старший лейтенант Яков Джугашвили попал в плен.

Согласно приказу Верховного Главнокомандующего, все офицеры, сдавшиеся в немецкий плен, объявлялись дезертирами, нарушившими воинскую присягу, а члены их семей подлежали аресту. Семья сына советского вождя не стала исключением.

Правда, если буквально следовать закону, отправить за решетку полагалось и самого Верховного Главнокомандующего, который приходился отцом пленного офицера. Именно тогда и родилась печально знаменитая фраза Сталина о том, что «сын за отца не отвечает». В виду имелось, скорее, совсем другое - «отец за сына».

Другая легендарная фраза Сталина звучала так: «Я солдат на фельдмаршалов не меняю». Она была адресована председателю шведского Красного креста, который предлагал обменять Якова на фельдмаршала Паулюса.

Как только было получено известие, что Яков находится в плену, его жена Юлия была арестована.

Светлана Аллилуева вспоминала: «Неведомо почему (в первые месяцы войны никто не знал толком, что делать, даже отец), нас отослали всех в Сочи: дедушку с бабушкой, Анну Сергеевну с двумя ее сыновьями. Юлю с Галочкой и меня с няней. В конце августа я говорила из Сочи с отцом по телефону. Юля стояла рядом, не сводя глаз с моего лица.

Я спросила его, почему нет известий от Яши, и он медленно и ясно произнес: «Яша попал в плен». И, прежде чем я успела открыть рот, добавил: «Не говори ничего его жене пока что.» Юля поняла по моему лицу, что что-то стряслось, и бросилась ко мне с вопросами, как только я положила трубку, но я лишь твердила: «Он ничего сам не знает» .

Новость казалась мне столь страшной, что я была бы не в силах сказать ее Юле - пусть уж ей скажет кто-нибудь другой. Но отцом руководили совсем не гуманные соображения по отношению к Юле: у него зародилась мысль,

что этот плен неспроста, что Яшу кто-то умышленно «выдал» и «подвел», и не причастна ли к этому Юля.

Когда мы вернулись к сентябрю в Москву, он сказал мне: «Яшина дочка пусть останется пока у тебя. А жена его, по-видимому, нечестный человек, надо будет в этом разобраться.»

И Юля была арестована в Москве, осенью 1941 года, и пробыла в тюрьме до весны 1943 года, когда «выяснилось», что она не имела никакого отношения к этому несчастью, и когда поведение самого Яши в плену, наконец-то, убедило отца, что он тоже не собирался сам сдаваться в плен.»

Освободили женщину лишь, когда Сталину доложили, что

старший сын погиб в концлагере при попытке совершить побег, а его поведение было в высшей степени патриотичным: Яков отказался не только сотрудничать с фашистами, но и просто разговаривать с ними.

На одном из допросов Яков Джугашвили заявил, что жалеет только об одном - что не успел покончить с собой, попав в окружение.

Генерал Власик писал о судьбе Якова: «Немцы продержали его в плену в лагере до конца войны, в лагере и убили его, якобы при попытке к бегству. По словам бывшего французского премьер-министра Эррио, который находился с ним в этом лагере, Яков вел себя исключительно достойно и мужественно. После окончания войны Эррио писал об этом Сталину».

После окончания войны возникла идея сделать из Якова киногероя. Режиссер Михаил Чиаурели в свою картину «Падение Берлина» хотел вставить эпизод, в котором бы действовал Яков Джугашвили.

Об этом вспоминал секретарь Абхазского обкома партии Акакий Мгеладзе: «Во время одной из встреч Михаил Эдишерович (Чиаурели - прим. И. О.) рассказал мне, как, работая над сценарием, а затем снимая кино - эпопею «Падение Берлина», согласовывал эпизод, который сценарист и режиссер считали нужным показать в картине. Эпизод был посвящен тому, как Яша Джугашвили попал в плен, как он себя мужественно вел в немецко-фашистском застенке, как геройски погиб, не посрамив своего отца. Сталин категорически запретил снимать этот эпизод».

«. отец не согласился, - пишет своей книге Светлана Аллилуева. - Я думаю, он был прав. Чиаурели сделал бы из Яши такую же фальшивую куклу, как из всех остальных. Ему нужен был этот «сюжет» лишь для возвеличения отца, которым он такупоенно занимался в своем «искусстве». Слава Богу, Яша не попал на экран в таком виде.»

Поделился своими воспоминаниями о старшем сыне вождя и сын Лаврентия Берии Серго: «Я не знаю, носило ли поведение Сталина, отказавшегося спасти сына и его семью, показной характер или нет, но факт остается фактом. Сталин поступил так, а не иначе. Знаю от Светланы, что, когда ему доложили о пленении сына, он очень тяжело это переживал. Заметили это и окружающие. Светлана рассказывала, что он стал забирать ее по ночам к себе и часами вспоминал о детстве Якова. Он даже внешне изменился в те, безусловно, тяжелые для него дни.

Яша был цельный человек, который никогда ни перед кем не двурушничал. Таким я его запомнил. Внешне был очень

сдержанный и медлительный. Противоположность Василию. Возможно, это от матери перешло. В Грузии, в горах, живут рачинцы. Считается, что мужчины там - рыцари, но несколько медлительны. Когда Яша медлил с какими-то решениями, Сталин иногда шутя называл его рачинцем».

Когда я оказался в гостях у бывшей жены Серго Берии, внучки писателя Максима Горького Марфы Пешковой, она призналась мне, что Яков Джугашвили был ее первой детской влюбленностью.

«Я была совсем девчонкой, когда попала на дачу к Светлане (Аллилуевой - прим. И. О.). На выходные в Зубалово приезжал Яков с женой. Когда мы вместе оказывались за столом, я не могла оторвать от него взгляд. Он был очень красивым молодым человеком. И чувствовалось, что и очень достойным».

В 1977 году, накануне своего 70-летия, Яков Джугашвили был посмертно награжден Орденом Отечественной войны Первой степени.

Что же касается судьбы того самого фельдмаршала, на которого Сталин отказался обменять сына, то она сложилась довольно благополучно. Конечно же, применительно к плененному офицеру вражеской армии.

Находясь в лагере, Паулюс имел повара, адъютанта. В фашистской Германии за фельдмаршала ответила его семья: сын был арестован, а дочь и сноха отправлены в концлагерь Дахау.

В 1953 году Паулюс получил разрешение вернуться в Германию, правда, в Восточную, которую контролировала советская сторона. Читал лекции, выступал на конференциях.

Его последний день наступил в находящемся под охраной особняке в элитарном районе Дрездена, в 1957 году.

Как сложились судьбы других действующих лиц этой истории?

Брат Екатерины Сванидзе Александр, тот самый, благодаря которому и состоялась встреча Иосифа с первой женой, стал пламенным большевиком.

Был министром финансов советской Грузии, несколько лет проработал в Женеве, вернувшись, возглавил Внешторгбанк в Москве. Он и его жена Мария были одними из самых доверенных людей в доме Сталина. Это произошло во многом благодаря Надежде Аллилуевой, которая заботилась о родственниках первой жены Иосифа.

Светлана Аллилуева вспоминала: «К дяде Алеше я бросалась всегда на шею и не слезала с его колен. Я говорю лишь о том, что знаю или видела сама. Я видела и помню, что отец любил их обоих, особенно дядю Алешу, и они бывали у нас как близкие

люди. Были ли у них разногласия политического характера?

... Возможно, что да. В те времена люди позволяли себе иметь собственное мнение и имели его по всем вопросам, не уклоняясь от жизни, не пряча голову в кусты от сложных проблем. Но я не знаю ничего об этом, у меня нет свидетельств.

Я знаю, что все они были не только родственниками, но и близкими людьми, и что их слова, их мнения, их информация о реальной жизни (от которой отец уже в те годы был отдален) имели для отца огромное значение. И, без сомнения, тогда он доверял им, как людям близким и, безусловно, тогда ему не приходило в голову, что все они являются тайными «врагами народа» и его личными противниками (что стало для него позже, к сожалению, равнозначным...)».

О близких отношениях Сталина с братом первой жены говорил и Никита Хрущев.

«Наиболее, на мой взгляд, близкий человек к Сталину был тихий и спокойный грузинский интеллигент Алеша Сванидзе, брат жены Сталина, грузинки, которая давным-давно умерла.

Алеша часто бывал у Сталина, я его не раз там видел. Было заметно, что Сталину очень приятно вести беседы с Алешей. Чаще всего они говорили о Грузии, ее истории, ее культуре.

Не помню, какое образование имел Сванидзе, но человек он был культурный, начитанный, был другом детей Сталина. Дядя Алеша, как его звали, часто ночевал у Сталина».

И вот этого самого «начитанного и близкого» Алешу Сванидзе и его жену в 1937 году арестовали. Пять лет Сванидзе провел в лагере. А в феврале 1942 года был расстрелян. Ему было 60 лет.

Рассказывали, что перед расстрелом сотрудники лубянского ведомства предложили Сванидзе признать себя вредителем, в обмен обещая сохранение жизни. Мужчина лишь отрицательно покачал головой. Когда о таком поведении Сванидзе доложили Сталину, тот хмыкнул: «Надо же, какой гордый!»

Его жена, Мария Сванидзе, в это время находилась в лагере в Казахстане. Когда ей сообщили о расстреле мужа, она умерла на месте. От разрыва сердца.

Все связи с прошлым были разорваны. Фамилию Сванидзе в доме Сталина никто не решался даже упоминать.

Имя Екатерины стало звучать из уст Сталина лишь в последние годы жизни, когда он полюбил вспоминать о юности, Грузии и своей первой любви.

В 1951 году Сталин пригласил на свою дачу в Новом Афоне секретаря Абхазского обкома партии Акакия Мгеладзе. На дорогу выделил ему ровно 17 минут и был удивлен, когда водитель сумел добраться всего за пятнадцать.

«Он посмотрел на свои часы, улыбнулся и сказал, что мы приехали на две минуты раньше. «Хотя шофер рачинец», - добавил он. Видимо, в шутку он хотел подчеркнуть, что рачинцы медлительны. Он их знал хорошо, ведь первая жена была рачинкой».

Через год, оказавшийся в его жизни последним, Сталин вновь вернулся к разговору о Екатерине и их сыну. Беседа состоялась там же, на ново-афонской даче вождя.

Собеседником был Акакий Мгеладзе, который в этот вечер выполнял, скорее, роль конфидента и потом подробно записал состоявшийся разговор. Во время которого Сталин неожиданно обратился к нему на «ты».

«- Ты видел когда-нибудь Яшу?

- Нет, товарищ Сталин.

- Вот он, посмотри. - Иосиф Виссарионович протянул мне фотокарточку. - Настоящий мужчина? - спросил он меня по-грузински.

- Диах, амханаго Сталин, - ответил я. («Да, товарищ Сталин»). И отважился спросить:

- Ходят слухи, что Гитлер предлагал вам обменять Якова на фельдмаршала Паулюса. Это не выдумка?

- Нет, не выдумка.

. Иосиф Виссарионович взял у меня из рук фотографию сына, долго смотрел на нее, вздохнул.

- Очень жаль Яшу. - И продолжил тихо, будто разговаривая с самим собой: - Было много предложений обменять его, но я все отверг, и Яшина жизнь закончилась трагически. Но до конца он был молодцом.

- Ты ведь знаешь, что его мать рачинка? - спросил Сталин (опять по-грузински: «Дэдамиси рачвели кали ихо, хом ици?»)

- Слышал, товарищ Сталин («Гамигония, амханаго Сталин») - ответил я.

Иосиф Виссарионович долго молчал. Я больше его ни о чем не спрашивал. »

Екатерина Сванидзе похоронена на Кукийском кладбище Тбилиси. Сегодня это один из самых старых погостов грузинской столицы. С могильной плиты смотрит овальная фотография, на которой изображена первая любовь Сосо Джугашвили.

Глава 3. Выстрел в потешном дворце

В 1918 году Сталин женился второй раз.

О Надежде Аллилуевой написано немало, а потому я остановлюсь лишь на нескольких этапах жизни этой неординарной женщины.

В 1916 году в детском альбоме своей подруги Ирины Гогуа 15-летняя Надежда написала: «Писать плохих стихов я не хочу, хороших я не знаю, а потому, не тратя слов, счастливой быть желаю».

Такое вот незатейливое стихотворение скромной девушки.

Надежда Аллилуева

Всю её недолгую жизнь, а она прожила 31 год, об исключительном положении Надежды Аллилуевой знали лишь члены семьи и друзья.

Даже сокурсники по Промакадемии, в которой Аллилуева училась на инженера-текстильщика, не догадывались, чья она жена.

Лучшим другом родителей Надежды был молодой грузин Сосо Джугашвили. В 1903 году он даже спас 2-летнюю Надю, упавшую в воду во время прогулки вдоль бакинской набережной. По легенде, Иосиф спросил девочку, можно ли ее поцеловать. А та ответила: «Много-много-много».

Светлана Аллилуева вспоминала: «Для мамы, впечатлительной и романтичной, такая завязка, наверное, имела огромное значение, когда она встретилась с отцом позже, шестнадцатилетней гимназисткой, а он приехал из Сибири, ссыльный революционер 38-ми лет, давний друг семьи».

О том, какой девушкой была Надежда Аллилуева, можно узнать по письмам, которые она отправляла друзьям своих родителей, Алисе Ивановне и Ивану Ивановичу Радченко.

Послание от 1 мая 1916 года:

«Дорогая Алиса Ивановна, простите, что долго не отвечала на письмо. У меня совершенно не было времени. Мне пришлось за десять дней подготовиться к экзаменам, так как летом я лентяйничала. Пришлось мне подогнать новое, в особенности по алгебре и геометрии. Сегодня утром я ходила держать экзамен, но еще не выяснила, выдержала или нет. Все же думаю, что выдержала по всем предметам, кроме русского сочинения, хотя тема и была легкая, но я вообще слаба на этот счет. Прежнюю

гимназию пришлось бросить, потому что очень далеко переселились, а теперешняя как раз напротив Николаевского вокзала».

19 октября 1917 года, буквально накануне большевистского переворота, Аллилуева снова пишет Радченко: «У нас теперь такая спешка с занятиями, да у меня еще часа два в день отнимает музыка. Вот я Вам пишу - уже 12-й час, а я еще не выучила французский. И так каждый день, раньше часу не ложусь. Уже все лягут, а я все еще сижу, долблю .

Уезжать из Питера мы никуда не собираемся. С провизией пока что хорошо. Яиц, молока, хлеба, мяса можно достать, хотя дорого. В общем жить можно, хотя настроение у нас (и вообще у всех) ужасное, временами прямо плачешь: ужасно скучно, никуда не пойдешь. Но на днях с учительницей музыки была в Музыкальной драме и видела «Сорочинскую ярмарку», остались очень довольны. В Питере идут слухи, что 20-го октября будет выступление большевиков, но это все, кажется, ерунда.

Ну, пока всего хорошего. Когда опять будет время, напишу Няке, а пока очень благодарю его за его письмо.

Целую крепко, привет вам от всех наших».

Иосиф в это время был занят активной подготовкой к тому самому перевороту, слухам о котором так не верит его Надежда.

Кстати, судьбоносную для страны ночь Сталин провел не в Смольном. Его искали, а он был с Надеждой. Об этом потом напишет Лев Троцкий.

Между ними действительно была любовь. В одной из записок мужу Надежда припишет: «Я целую тебя также горячо, как ты меня при прощании».

По воспоминаниям родной сестры Надежды Анны Сергеевны Аллилуевой, накануне переворота Сталин часто приходил в их дом. Приносил с собой рыбу, хлеб. Втроем - Иосиф, Надежда и Анна - они пили по ночам чай.

Будущий зять (и палач членов семьи) рассказывал истории о том, как проводил время в сибирских ссылках, обнаруживая при этом большой актерский талант, и читал вслух рассказы Чехова - «Хамелеон» и «Душечку».

Как говорил сам Сталин, это были его любимые рассказы. «Душечку» он декламировал наизусть, обращаясь, видимо к своей будущей жене. Жаль, что Надежда Сергеевна не поняла тогда, что это были уроки грядущей семейной жизни.

Они были совершенно непохожими, даже противоположными, людьми. Хотя, может, потому их так и потянуло друг к другу?

Иосифа в Надежде привлекало многое: она была не только дочерью революционеров и друзей, но и очень красивой

женщиной.

Светлана Аллилуева вспоминала: «Мама родилась в Баку и ее детство прошло на Кавказе. Южная ее внешность иногда заставляла тех, кто плохо знает Грузию, принимать ее за грузинку. На самом деле такими бывают болгарки, гречанки, украинки - с правильным овалом лица, черными бровями, чуть вздернутым носом, смуглой кожей, и мягкими карими глазами в черных прямых ресницах.

Правда, у мамы к этому облику было добавлено что-то от цыган - какая-то восточная томность, печальные глаза, и длинные суховатые пальцы».

Свадьба Сталина и Аллилуевой состоялась в 1918 году.

«Она вышла замуж, когда ей не было и 17 лет, - вспоминал приемный сын вождя Артем Сергеев. - Говорили, будто Сталин ее в поезде изнасиловал. Чушь! Отец с матерью с ними жили в одном вагоне, и она поехала уже женой Сталина».

Мать Надежды годы спустя скажет дочери: «Дура, что не послушала меня и вышла замуж за этого человека».

Первые годы семейная жизнь была счастливой. Мало того, по мнению английского биографа Сталина Роберта Такера, женитьба на Надежде во многом помогла стремительной карьере Сталина.

«Непохожая на первую жену - простую грузинскую девушку, - Надежда была человеком, впитавшим большевизм с молоком матери, - человеком, для которого общественная деятельность являлась насущной потребностью.

Вступив в партию в 1918 году, она какое-то время работала в Царицыне, одновременно выполняя партийные поручения. Не замкнулась она в домашнем хозяйстве и после вступления в брак, а начала в 1919 году трудиться в личной канцелярии Ленина. В разгар гражданской войны Надежде приходилось проводить в канцелярии долгие часы, иногда до поздней ночи, печатать на машинке, шифровать и расшифровывать телеграммы. Как впоследствии вспоминали сотрудники этой канцелярии, ей доверяли работу самого секретного характера. Позднее она устроилась в редакцию журнала «Революция и культура», публиковавшегося «Правдой», и активно участвовала в деятельности партийной организации издательства. Затем она поступила в Промышленную академию, собираясь стать специалистом по синтетическим волокнам.

Вместе с тем Надежда стала матерью двух детей и показала себя хорошей хозяйкой. Семья жила не по-пролетарски. Сохраняя квартиру в Кремле, Сталин и Надежда в 1919 году получили просторную загородную дачу, недалеко от деревни Усово, в живописной местности на берегу реки Москвы, примерно в 20

милях от столицы. Дача называлась Зубалово, по имени нефтепромышленника, которому до революции принадлежала.

В 20-е годы дом перестроили, и под наблюдением Сталина это место превратили в процветающую усадьбу с различными надворными постройками, цветниками, плодовым садом, полянкой для индеек и бассейном для уток.

Надежде приходилось во многом полагаться на нянек и домашних воспитателей для сына Василия и дочери Светланы. Но верховенство в Зубалове она сохранила за собой, превратив его в уютное место общения, центр гостеприимства для неиссякаемого потока гостей из числа друзей в высших партийных кругах. Для человека, делавшего карьеру в советской политике (особенно склонного к уединению) выбор жены не мог быть более удачным».

Первые годы Иосиф и Надежда были неразлучны. В 1921 году родился сын Вася.

Тогда же Надежда Сергеевна пишет в Тифлис матери Сталина. В письме она просит прислать в Москву Якова, сына Иосифа от первого брака, который воспитывался у бабушки и, как и та, не говорил по-русски.

Старая женщина ответила, что сын напрасно беспокоится из-за того, что из Якова, мол, ничего не выйдет. «Из Иосифа тоже ничего не вышло. А мог бы стать хорошим священником».

Аллилуева была чистым и скромным человеком. Учась в Промакадемии, на перекладных добиралась до места учёбы. Мысль взять в кремлёвском гараже машину даже не приходила ей в голову. В одном из писем к Марии Сванидзе, родственнице первой жены Иосифа, Надежда Сергеевна напишет: «Вы даже не представляете себе, как это тяжело - работать только для заработка».

Близкая подруга Надежды ИринаГогуа рассказывала в интервью Ирине Черваковой: «Надежда Сергеевна Аллилуева сначала работала в секретариате Ленина, а затем. Она ведь кончила Промакадемию. Откуда взялся Хрущев? Когда зашла речь о том, что нужен толковый парень, она сказала, что у них в академии есть толковый парень. И порекомендовала Хрущева. Вот откуда взялся Хрущев. А ее специальностью была вискоза, но вот где она работала, я не помню.

У Надежды были очень правильные и очень красивые черты. Но вот парадокс. То, что она красивая, разглядели, когда она умерла. Она неброская была.

Надя в присутствии Иосифа напоминала факира, который в цирке выступает босиком на битом стекле с улыбкой для публики и со страшным напряжением в глазах. Она никогда не знала, что будет дальше, какой взрыв. Хам он был совершенно законченный.

Единственное существо, которое его умиротворяло, - это Светлана. Когда она обхватывала его мягкий сапог, он угомонялся. Васька его раздражал всегда».

Какие письма Надежда писала мужу! Чего стоят такие строки: «Москва выглядит лучше, но местами похожа на женщину, запудривающую свои недостатки, особенно во время дождя, когда краски стекают полосами.»

Когда подруга Аллилуевой, жена Вячеслава Молотова, стала рекламировать духи «Красная Москва», Сталин воскликнул: «Так вот почему от вас так приятно пахнет?» Вместо нее ответила Надежда: «Что ты, от нее пахнет «Шанель номер пять».

Первое время Сталин ценил жену и прислушивался к ее мнению.

В сентябре 1929 года Аллилуева сообщит ему в Сочи, что из партии собираются несправедливо исключить корреспондента газеты «Правда» Ковалёва. «И, если сможешь, пришли рублей 50, у меня не осталось ни копейки», -припишет она в конце.

Сталин пришлёт ей 120 рублей, а Молотову и Орджоникидзе в ультимативной форме отдаст распоряжение оставить Ковалёва в покое.

Со временем все изменится. Надежда Сергеевна чувствовала, что в стране происходит что-то страшное. Она часто ездила к родителям в Ленинград и к сестре в Харьков и видела, какие последствия принимает проводимая мужем политика коллективизации.

Узнав о голоде в Поволжье, испытала настоящий шок. О том, что ей пришлось пережить, когда в книге Дмитриевского она прочла о себе, что является «молчаливой соучастницей преступлений» мужа, можно только догадываться.

Аллилуева, как и прежде, пыталась поговорить со Сталиным. Но тот уже не слушал её, считая, что все ее рассказы о реальной жизни страны - это неправда, и жена просто стала жертвой контрреволюционной пропаганды.

В один из дней он подслушал беседу Аллилуевой с приехавшим к ним на дачу Николаем Бухариным. Разговор шёл об ошибках в политическом курсе страны.

По воспоминаниям чудом уцелевшей в лагерях вдовы Бухарина Анны Лариной, муж рассказывал ей, как неожиданно из-за кустов выскочил побелевший от злости Сталин и, вплотную приблизившись к собеседникам, буквально прошипел: «Убью!»

Но Надежда Сергеевна, в отличие от других кремлевских жен, пытавшихся подстроиться под настроения супругов, вела себя так, как считала нужным. В этом она кардинально отличалась от первой жены Иосифа.

Сванидзе была тенью Иосифа. Аллилуева же хотела самостоятельности, мечтала, как станет трудиться, а потому прилежно училась на факультете искусственного волокна. Самым ценным для нее предметом обстановки в комнате была чертежная доска.

По словам дочери, она жаждала самостоятельной работы, ее угнетало положение «первой дамы королевства».

Аллилуева осталась, пожалуй, единственным человеком в стране, кто не испытывал ужаса и благоговения перед Сталиным. Для неё он был прежде всего «мой Иосиф».

Во время очередной первомайской демонстрации, шествуя в колонне Промакадемии, Аллилуева говорила, глядя на стоящего на Мавзолее вождя: «Мой-то опять не надел шапку. Простудится».

Но иногда нервы сдавали и у нее. На одном из семейных ужинов, когда маленький Вася начал капризничать за столом и отказываться есть, она не выдержала и закричала: «Как ты смеешь не есть, когда миллионы детей голодают?!»

Взбешенный Сталин встал и вышел из-за стола.

«Жить с тобой невозможно», - скажет он жене. А потом, помолчав, добавит: «Но и без тебя жить невозможно».

Приемный сын Сталина Артем Сергеев описывал Надежду Сергеевну и ее манеру одеваться:

«Очень скромно, очень элегантно: как правило, темно-синий шерстяной жакет, темно-синяя юбка немного ниже колен и белая блузка, черные туфли-лодочки. Никаких украшений, никакой парфюмерии, косметики. На ней эта скромная одежда прекрасно смотрелась. Она мне казалась самой красивой женщиной, какая только есть, и одетое на ней казалось лучшим из всего, что может быть. Она всегда была очень собрана, подобрана, аккуратна.

Она очень четкой в делах была. Для детей был определенный порядок, режим: и в еде, и в поведении, и в работе. Соблюдался четкий распорядок: во сколько нужно встать, когда что делать. Надежда Сергеевна требовала этого и следила за исполнением. Правда, в их доме соблюдать совершенно неукоснительно все не всегда удавалось, потому что если Сталин приходил немного раньше обычного домой, то для детей режим тут же нарушался, и начиналось общение с ним: какие-то вопросы, очень интересные разговоры, и не поучения, а рассказы о чем-то, обогащавшие память, кругозор.

Надежда Сергеевна была внешне немножко строже, казалось, требовала больше четкости. Если надо было что-то делать, то Сталин разъяснял, советовал, как лучше, а от нее следовали четкие и короткие указания. И, может быть, менее приятные в восприятии детей».

Артем Сергеев отмечал так же, что у Аллилуевой «были постоянные, очень сильные, совершенно невыносимые головные боли. Она часто держалась за голову и вскрикивала: «Голова, голова». Она нередко ездила в Германию якобы к работавшему там старшему брату. Но в действительности, чтобы показаться немецким профессорам».

У Аллилуевой были больные нервы, об этом свидетельствуют едва ли не все ее близкие.

Иногда даже возникает вопрос - ане это ли стало причиной ее ухода из жизни?

Дочь Надежды тоже, наверняка, слышала подобные вопросы. А потому пыталась ответить на них в своих мемуарах.

«Из мамы делают теперь то святую, то душевнобольную, то невинно убиенную. А она вовсе не была ни тем, ни другим, ни третьим. Она была просто сама собою. С детских лет сложился ее цельный, стойкий характер».

Но даже этой стойкости не хватило, чтобы выдержать жизнь с Иосифом.

Слова Светланы о последних днях матери: «Лицо ее замкнуто, гордо, печально. К ней страшно подойти близко, неизвестно, заговорит ли она с тобой. И такая тоска в глазах, что я и сейчас не в силах повесить портрет в своей комнате и смотреть на него; такая тоска, что кажется, при первом же взгляде этих глаз, должно было быть понятно всем людям, что человек обречен, что человек погибает, что ему надо чем-то помочь.

Мама была очень скрытной и самолюбивой. Она не любила признаваться, что ей плохо. Не любила обсуждать свои личные дела.

Мамина сестра, Анна Сергеевна, говорила., что в последние годы своей жизни маме все чаще приходило в голову - уйти от отца.

Анна Сергеевна всегда говорит, что мама была «великомученицей», что отец был для нее слишком резким, грубым и невнимательным, что это страшно раздражало маму, очень любившую его».

Большим ударом для Надежды Сергеевны стал арест восьми ее однокурсниц по Промакадемии. Она позвонила главе НКВД Генриху Ягоде и потребовала их немедленного освобождения. А тот ответил, что ничего не может сделать, так как арестованных уже нет в живых, они скоропостижно скончались в тюрьме от инфекционной болезни.

Аллилуева замкнулась в себе, перестала улыбаться. Анастас Микоян сравнивал ее облик с Мадонной Джорджоне.

Сам Сталин в последние годы своей жизни рассказывал

дочери, как они ссорились с Надеждой. Та уже в 1929 году пыталась убедить мужа не пускать в дом Лаврентия Берию, которому не доверяла. Сталин требовал предоставить факты.

«А она только кричала: «Я не знаю, какие тебе нужны факты, я же вижу, что он негодяй! Я не сяду с ним за один стол!»

Сталин отвечал: «Ну, тогда - убирайся вон! Это мой товарищ, он хороший чекист.»

Надежда не раз жаловалась на свою жизнь с Иосифом, говорила, что так больше продолжаться не может и им необходимо развестись.

Она дважды пыталась уйти от Сталина. Причем второй раз вернулась из Ленинграда, где жили ее родители, сама, не дождавшись его уговоров. «Твой приезд будет слишком дорого стоить государству», - скажет она мужу.

И потом долго корила себя за то, что у нее не хватает воли окончательно порвать с Иосифом. А ведь как собиралась - закончить Академию, где она была одной из первых учениц, переехать в Харьков к сестре и, наконец, зажить уже самостоятельно.

Счастлива Надежда была, пожалуй, лишь в первые годы семейной жизни. Потом становилось сложнее и сложнее. Ну а финал был и вовсе трагическим.

Как считала Светлана Аллилуева, мать была искренней революционеркой, свято верящей в то, что предназначение ее поколения - строительство нового, идеального общества.

Надежда была девушкой наивной. И раскаяние в этой наивности стоило ей жизни.

Когда стало ясно, что любимый человек, на которого она уповала едва ли не больше, чем вся многомиллионная страна Советов, на самом деле не такой уж «несгибаемый революционер» и что его методы не всегда чисты, для нее все рухнуло.

Разочарование оказалось слишком сильным. Оно распространилось не только на мужа, но и на детей, на родных. На всю жизнь.

По воспоминанию Светланы, «последнее время перед смертью мама была необыкновенно грустной, раздражительной. К ней приехала в гости ее гимназическая подруга, они сидели и разговаривали в моей детской комнате (там всегда была «мамина гостиная»), и няня слышала, как мама все повторяла, что «все надоело», «все опостылело», «ничего не радует»; а приятельница ее спрашивала: «Ну, а дети, дети?»

«Всё, и дети», - повторяла мама.»

Семейная жизнь стала невыносимой. Выходов было два: либо развод, либо смерть. Второе оказалось проще, и Аллилуева

покончила с собой.

Для Сталина уход жены - роковой, непоправимый - стал ударом. Пусть по-своему, но он любил Надежду. Однажды после какой-то вечеринки в Академии, где она училась, ей стало плохо. Причина была проста - Аллилуева не переносила вина, а во время застолья пришлось выпить. Дома у нее начало сводить руки. И тогда Иосиф, уложив жену в кровать, принялся ласкать ее. Тогда-то Надежда и произнесла фразу, от которой у ее повзрослевшей дочери годы спустя останавливалось сердце: «А ты все-таки немножко любишь меня!»

О том, что стало причиной смерти жены Сталина, любили поговорить всегда. Не обошлось и без версии убийства, причем его исполнителем называли самого вождя.

Ближайшая подруга Аллилуевой Ирина Гогуа, наоборот, была уверена, что Надежда покончила с собой.

«Я знаю обстоятельства самоубийства Нади. Дело было, кажется, в ноябрьские праздники. Они все были у Ворошилова. И Надя сидела напротив Иосифа Виссарионовича. Он, как всегда, ломал папиросу, набивал трубку и курил. Потом скатал шарик, стрельнул и попал Наде в глаз. И вот Надя, при ее очень большой выдержанности, что-то резко сказала ему об азиатской шутке. Он вскочил, обхамил ее по первому классу, тут же позвонил по телефону, заказал машину, а позвонил Леле Т. А Леля Т. работала у нас в аппарате, заведовала протокольным отделом.

Говорят, во время гражданской войны, где-то на фронте, у нее были какие-то отношения с Иосифом. Леля была единственным человеком, у которого стояла вертушка. И иногда раздавался звонок, Леля бежала к Авелю (Енукидзе, - прим. И. О.) и исчезала.

И Сталин уехал. Надя какое-то время побыла и ушла.

В два часа ночи к Авелю пришел Ворошилов и сказал, что ему очень не понравилось лицо Нади, когда она уходила. Авель говорит: «Пойдем лучше утром, я буду идти на работу, зайду обязательно». Няня детей рассказывала, что Надя пришла, прошла в детскую, разбудила детей, плакала, потом сказала, что идет спать, чтоб до восьми утра ее не будили. Выстрела никто не слышал, а когда пришли, она была мертва.

Вот все дело аппарата Енукидзе - это дело смерти Нади Аллилуевой, потому что первое заключение медицинское о ее смерти было такое, что выстрел произошел из браунинга, впритык приставленного под левую грудь, так, что от этого получился ожог, и смерть была моментальной. Гроб стоял в зале заседаний в здании ГУМа, там, где сейчас демонстрируют моды. Когда я пришла, стояла очередь для прохода туда и каждый спрашивал, что дают. Потом вышел помощник коменданта, а

комендантом Кремля был Петерсон, помощником - Озеров, увидел меня, позвал, дал пропуск и сказал: «Тебе просили передать - аппендицит».

... Наша последняя с Надей встреча была за несколько дней до всего в Кремле. Мы с ней встретились, она сказала: «Ой, Ирина, нам привезли электрическую плиту, пойдем посмотрим».

А дело в том, что над Луначарским когда-то потешались, потому что он поселился в Кремле в Потешном дворце. Так вот, в последние годы Иосиф Виссарионович сам жил в Потешном дворце. Когда мы шли по коридору, Надя вдруг схватила меня за руку и толкнула в «подворотню». Я удивилась, а она говорит: «Видишь, Канель идет. У меня был приступ аппендицита, мне велели лежать».

Понимаете, тут произошла поразительная вещь. Первый акт, констатировавший смерть, подписали Канель и Левин, где четко было сказано, что смерть произошла от выстрела браунинга. Енукидзе на нем написал «в архив», но не написал «секретно». Поэтому через час это стало достоянием всего нашего аппарата. И дело Енукидзе - это дело смерти Нади Аллилуевой. Все вопросы, в основном, вертелись вокруг этого дела.

Говорили тогда, что Сталин хотел, настаивал на том, чтобы было объявлено, от чего она умерла. Но решили этого не делать. Очень интересно, что «Социалистический вестник», издававшийся в Берлине социал-демократами, выпустил траурный номер, где черным по белому было написано, от чего она умерла и как.

Я очень хорошо помню похороны. Похороны были на Новодевичьем, пешая процессия, масса народу. Мне почему-то запомнилось, что, когда процессия двинулась, между Кремлевской стеной и Историческим музеем вприпрыжку бежал Сольц, что-то поправлял, у него сваливались сандалии. Он спешил догнать процессию».

Вячеслав Молотов (не жаловавший жену Сталина и называвший ее «психопаткой») в своих мемуарах описывает, как Сталин плакал на похоронах и упрекал себя, что не смог уберечь Надежду.

О гибели Аллилуевой и ее похоронах остались противоречивые воспоминания. Одни описывали, как Сталин, подойдя к гробу жены и с силой оттолкнув его, произнёс по-грузински: «Я не знал, что ты мой враг».

А вот Анна Ларина, вдова Николая Бухарина, вспоминала: «Надежда Сергеевна была человеком скромным и добрым, хрупкой душевной организации и привлекательной внешности. Она всегда страдала от деспотичного и грубого характера Сталина. Совсем недавно, 8 ноября, Н. И. (Инициалы Бухарина -

Николай Иванович - прим. И. О.) видел ее в Кремле на банкете в честь пятнадцатилетия Октябрьской революции. Какрассказывал Н. И., полупьяный Сталин бросал в лицо Надежды Сергеевны окурки и апельсиновые корки. Она, не выдержав такой грубости, поднялась и ушла до окончания банкета. Утром Надежда Сергеевна была обнаружена мертвой. У гроба Надежды Сергеевны был и Н. И. Сталин счел уместным в такой момент подойти кН. И. и сказать ему, что после банкета он уехал на дачу, а утром ему позвонили и сказали о случившемся. Это противоречит тому, что сообщает Светлана - дочь Надежды Сергеевны и Сталина - в своих воспоминаниях: ей стало известно от жены Молотова через много лет после гибели матери (в газетах было сообщено, что она умерла от перитонита), что Сталин спал в соседней комнате у себя на квартире в Кремле и не слышал выстрела. Не хотел ли он в разговоре с Н. И. отвести от себя подозрение в ее убийстве? Было ли это убийство или самоубийство, мне неизвестно. Н. И. убийства не исключал. Какрассказывал Н. И., первым, кто увидел Надежду Сергеевну мертвой, кроме няни, пришедшей разбудить ее, был Енукидзе, которому няня Светланы решилась позвонить, побоявшись сказать об этом первому Сталину. Не это ли послужило причиной того, что А. С. Енукидзе убрали раньше остальных членов ЦК?»

Н. И. рассказывал, что перед закрытием гроба Сталин жестом попросил подождать, не закрывать крышку. Он приподнял голову Надежды Сергеевны из гроба и стал целовать.

«Чего стоят эти поцелуи, - с горечью сказал Н. И., - он погубил ее!»

Собственная версия гибели Аллилуевой была и у ее однокурсника по Промакадемии Никиты Хрущева:

«Уже после смерти Сталина я узнал причину смерти Надежды Сергеевны. На это есть документы. А мы спросили Власика, начальника охраны Сталина: «Какие причины побудили Надежду Сергеевну к самоубийству?» Вот что он рассказал: «После парада, как всегда, все пошли обедать к Ворошилову. Там они пообедали, выпили, как полагается и что полагается в таких случаях. Надежды Сергеевны там не было.

Все разъехались, уехал и Сталин. Уехал, но домой не приехал. Было уже поздно. Надежда Сергеевна стала проявлять беспокойство - где же Сталин? Начала его искать по телефону. Прежде всего она позвонила на дачу.

Они жили тогда в Зубалове, но не там, где жил последнее время Микоян, а через овраг. На звонок ответил дежурный. Надежда Сергеевна спросила: «Где товарищ Сталин?» - «Товарищ Сталин здесь». - «Кто с ним?».

Тот назвал: «С ним жена Гусева». Утром, когда Сталин приехал, жена уже была мертва. Гусев - это военный, и он тоже присутствовал на обеде у Ворошилова.

Когда Сталин уезжал, он взял жену Гусева с собой. Я Гусеву никогда не видел, но Микоян говорил, что она очень красивая женщина. Когда Власик рассказывал эту историю, он так прокомментировал: «Черт его знает. Дурак неопытный этот дежурный: она спросила, а он так прямо и сказал ей».

Жизнь Надежды Аллилуевой оказалась для современников куда менее привлекательной, чем обстоятельства ее смерти. Родилась, влюбилась, училась и верила - мужу и его идеалам. Таких были миллионы и это не вызывало большого интереса.

А вот то, что она не стала мириться и поставила точку в казавшейся со стороны блистательной жизни, взволновало. Таких ведь было единицы. А среди живших за Кремлевской стеной, «на всем готовом», как принято судить, и вовсе - одна одна.

Тот самый выстрел в Потешном дворце Кремля стал первым, который народная молва официально тут же записала на счет входившего во вкус крови диктатора.

«Если и не сам нажал на курок, то сделал все, чтобы она сама этого захотела», - рассказывала мне соседка младшего сына вождя Вера Прохорова.

«Первые дни после смерти матери, - вспоминает Светлана Аллилуева, - отец был потрясён. Он говорил, что ему самому не хочется жить. Временами на него находили злоба и ярость. Это объясняется письмом, которое мама ему оставила. Его никто не читал».

Сам Сталин напишет матери через два года после смерти Надежды: «После кончины Нади моя личная жизнь тяжела. Ты спрашиваешь, как я живу. А я не живу, я работаю».

После смерти Надежды осталось двое детей - Василий и Светлана. При живом отце они фактически были сиротами, ибо отношение Сталина к сыну и дочери было весьма и весьма далеким от идеального.

Вдова Николая Бухарина Анна Ларина вспоминала: «По рассказам Н. И., грубость и низкая культура Сталина давали себя знать и в семье. В присутствии Н. И. курящий трубку Сталин пускал дым в лицо маленькому сыну Васе и смеялся, когда ребенок плакал, задыхался и кашлял от табачного дыма. Однажды над детской кроваткой Васи Н.И. увидел плакат: «Если ты окажешься трусом, я тебя уничтожу».

В итоге произошло то, что и следовало - судьба Василия и Светлана была разрушена.

Впрочем, сам Сталин вину за то, что у детей не сложились

жизни, приписывал именно Надежде. Если бы она не ушла из жизни, был уверен он, все могло бы сложиться иначе.

Осенью 1949 года Сталин прямо сказал об этом в разговоре с Акакием Мгеладзе.

«Дети росли без матери, в этом беда. Няньки, воспитатели, какими бы идеальными они ни были, не смогли заменить им мать. Эх, Надя, Надя, что ты наделала, как ты нужна детям и мне. » - вспоминал годы спустя Мгеладзе слова Сталина.

Первого секретаря ЦК компартии Грузии, которого он называл на русский манер «Волковым» («мгели» в переводе с грузинского означает «волк»), Сталин выделял и любил иногда поговорить с ним не только о делах партии.

В конце жизни Акакий Мгеладзе вспоминал о таких беседах:

«Никогда я не видел такого Сталина. В его глазах было столько грусти. Мне показалось, что он на мгновение раскрыл передо мной самый глубокий тайник в своем сердце.

- Светлана неудачно вышла замуж, - продолжал он, будто говорил вслух самому себе, - зять - Морозов - парень хороший, но ведь у Светланы это была не любовь. Просто так, увлечение. А он слабовольный, под башмаком ходил у нее. Светлана делала все, что хотела, аонейи слова не говорил в противовес. Конечно, этот брак оказался непрочным. Вышла снова замуж. Кто знает, что будет дальше. Юрий Жданов - парень очень хороший, развитой, но он тоже не глава семейства, не может настоять на своем. Не она слушает его, а он ее. Все же хозяином в доме должен быть муж. Мужское влияние в доме - совсем другое дело. Светлана и пуговицы к платью не пришьет: няньки не научили. А была бы мать, она воспитала бы в ней трудолюбие».

Хотя как знать, какими выросли бы дети у такой матери, какой была Надежда Аллилуева. Методы воспитания у нее были довольно своеобразными. Об этом, со слов матери, рассказывала дочь Светланы Аллилуевой Ольга. В Америке она живет под именем Крис Эванс.

«У бабушки был очень бурный и ужасно эгоистичный характер. Ее родители признавали, что у нее было помутнение рассудка. Так, например, она ни разу не поцеловала мою маму, потому что считала, что у большевиков может быть только одна семья - партия. Кроме того, она была большой аристократкой и повторяла, что люди не должны показывать своих чувств. Она нарисовала квадрат на сердце ее дочери, чтобы показать, что та должна похоронить все свои секреты.

Маме было шесть лет, когда Надя умерла, по официальной версии от аппендицита. На похоронах Сталин плакал как ребенок и был убежден, что всему виной было предательство.

Только в 20 лет (на самом деле значительно раньше, - прим. И. О.) из английского журнала маме удалось узнать, что на самом деле Надежда застрелилась. Ее бабушка подтвердила опубликованную в журнале информацию, и ее мир рассыпался на части».

Сам Сталин свое время посвящал заботам о стране. Ему было 70 лет, когда он неожиданно позволил себе откровенния на эту тему.

«Я всегда был перегружен, - говорил он Акакию Мгеладзе. - Вон у нас какая великая страна. И врагов у нее много. Вот и приходится работать дни и ночи. А на детей не остается времени. Иногда их месяцами не видишь. В общем, не повезло моим детям. Екатерина.»

Но о первой жене Сталин не договорил. Он «вдруг оборвал себя, и лицо его снова стало таким, каким оно бывало обычно: спокойным, сосредоточенным. Он знал, что я умею хранить секреты и, все-таки, счел нужным предупредить:

- Товарищ Волков, обо всем, что было сказано, - прошу никому ни слова.

- Разумеется, товарищ Сталин.

- На предстоящем съезде партии я попрошу освободить меня хотя бы от одной из занимаемых должностей и займусь внуками. Особенно Евгением, внуком Яши».

Родители Надежды Аллилуевой прожили долгую жизнь. После гибели дочери они оставались на той же даче в Зубалово. Мать, Ольга Федоровна, занималась внуками - по выходным на дачу приезжала Светлана с подругой, Василий с друзьями. Во время семейных обедов мать Аллилуевой любила вспоминать о своих романах, которых, если ей верить, было какое-то невероятное количество.

По воспоминаниям школьной подруги Светланы Аллилуевой Марфы Пешковой, Светлана все время просила: «Ну, бабушка, рассказывай, кто у тебя следующий был».

- Ольга Федоровна была большой фантазеркой и с удовольствием рассказывала о своих поклонниках. То у нее был полковник, который играл ей на гитаре и так объяснялся в любви. Потом еще был кто-то. Получалось, у нее были ухажеры всех национальностей, которые предлагали ей руку и сердце.

Сергей Аллилуев сидел тут же за столом и все это слушал. У него было место в самом конце стола. Стоял станок деревообрабатывающий, и он все время что-то делал. Например, для Пасхи яички делал. Они отмечали этот праздник.

К воспоминаниям жены о ее многочисленных кавалерах разных национальностей он относился безо всякого интереса».

По свидетельствам приемного сына Сталина Артема Сергеева, Сталин поддерживал близкие отношения с тестем.

«Сталин навещал его. Смерть Надежды Сергеевны их еще больше сблизила. Мы с Сергеем Яковлевичем переписывались. Последнее письмо пришло от него весной 1945 года».

Судьба остальных детей Аллилуевых - родных братьев и сестры Надежды Сергеевны - тоже сложилась трагично. Вообще, все, попадавшие в ближний круг вождя, напоминали мотыльков, залетевших на яркое пламя.

Брат Аллилуевой Павел, или Павлуша, как его называли домашние, был офицером, служил в Бронетанковой академии. В 1938 году он отправился в отпуск в Сочи. Когда вернулся в столицу и пришел в академию, то обнаружил, что большинство его коллег арестованы. По воспоминаниям Светланы Аллилуевой, дяде стало плохо с сердцем прямо в кабинете. Через несколько мгновений он скончался.

Пройдет ровно десять лет и вдова Павла Аллилуева, Евгения Александровна, будет обвинена в отравлении мужа и на десять лет отправлена в лагерь.

Такой же срок получила и родная сестра Надежды, Анна Сергеевна. Ее мужа, Станислава Реденса, одного из руководителей НКВД, к тому времени уже расстреляли.

Арест Анны Сергеевны стал шоком для членов семьи. По словам племянницы, Аллилуева была воплощением доброты, «того идеального последовательного христианства, которое прощает всех и вся».

На свободу обе женщины - Евгения Александровна и Анна Сергеевна - вышли лишь в 1954 году. Хотелось бы увидеть их реакцию на сообщение от 5 марта 1953 года, когда миллионы советских граждан заходились в рыданиях из-за смерти отца всех народов.

Анна Сергеевна вернулась человеком глубоко больным. Как считала Светлана, «сказалась дурная наследственность со стороны бабушкиных сестер: склонность к шизофрении».

Анна Аллилуева часто бывала в гостях у многочисленных друзей. При этом с каждым разом выглядела все более и более странно. Женщина очень любила конфеты и практически не расставалась с коробкой со сладостями. Золотые веревочки, которыми обматывают упаковку, вешала себе на шею и на руки.

Сидя за столом, Анна Сергеевна могла неожиданно попросить тишины, чтобы указать на пролетающего в это мгновение ангела. И всюду видела слежку. Даже соседскую собаку родная сестра Надежды Аллилуевой подозревала в том, что та ее подслушивает.

Не обошел семейный недуг стороной и брата Надежды

Аллилуевой - Федора.

Если бы не события 1917 года, из молодого человека вполне мог выйти талантливый ученый - Федор Сергеевич обладал выдающимися способностями к точным наукам.

Во время Гражданской войны юноша не мог остаться в стороне и поступил в разведку к знаменитому революционеру Камо, дружившему с семьей Аллилуевых еще по Тифлису.

По воспоминаниям Светланы Аллилуевой, в один из дней Камо решил устроить для Федора испытание. Для этого «инсценировал налет: все разгромлено, все захвачены, связаны, на полу - окровавленный труп командира. Вот лежит, тут же, его сердце - кровавый комок на полу.

Что будет делать теперь боец, захваченный в плен, как поведет себя? Федя не выдержал «испытания». Он сошел с ума тут же, при виде этой сцены.»

На Новодевичьем кладбище захоронения Аллилуевых занимают целый участок.

На могиле Надежды Сергеевны установлен памятник работы И. Шадра. Из множества предложенных вариантов Сталин остановил выбор на мраморной композиции - бюсте с изваянием руки, как бы лежащей на плече.

«Надежда Сергеевна Аллилуева-Сталина, член ВКП(б) - от Сталина», - написано на надгробии, у которого всегда лежат цветы.

Глава 4. Вторая надежда

Я пришел к внучке Максима Горького Марфе Пешковой, чтобы расспросить ее о дружбе со Светланой, дочерью Сталина и Надежды Аллилуевой.

«Режиссером» этих отношений стал сам хозяин Кремля, который привез Светлану на дачу Горького. Считалось, что таким образом вождь хотел отвлечь дочь от горечи потери - всего два года назад не стало Надежды Аллилуевой, а близкого человека у Светланы так и не появилось.

Марфа Максимовна согласилась рассказать о Светлане. Но с первых же минут ее воспоминаний я понял, что героиней нашей беседы будет не только дочь Сталина, но и мать Марфы, Надежда.

Надежда Пешкова. Тимоша

Судьба Надежды Пешковой, как оказалось, имела более, чем прямое отношение к теме настоящей книги. Именно невестка Горького стала той самой женщиной Сталина, которая получила от него предложение стать женой. Но второй Надежды в доме Сталина не появилось.

В свое время Анна Ахматова говорила, что одна из ненаписанных трагедий двадцатого столетия - это история под названием «Тимоша». Именно так в ближнем кругу называли невестку Максима Горького. Однажды она вышла к столу, сняла шляпу и под ней, вместо привычной роскошной косы, гости увидели коротко остриженные волосы. Которые топорщились во все стороны.

«У нас так кучера ходили», - заметил Горький. «Точно, вылитый Тимоша», - тут же поддержал отца Максим, назвав жену именем, с которым обращались к извозчикам.

Мы сидим в гостиной Марфы Пешковой в ее двухкомнатной квартире в поселке Сосны, рядом с Николиной Горой. Дедушкина дача в Горках-10 давно перешла обратно государству, сегодня там закрытый дом отдыха для высокопоставленных чиновников и даже внучку писателя бдительная охрана не пропускает на территорию. Хотя всего-то и хотелось - посмотреть, осталась ли мемориальная доска на доме, где жил Горький и где прошли самые беззаботные, а потому, наверное, и лучшие годы Марфы Пешковой. Взамен того дома семье дали другую дачу, в престижной сегодня Жуковке, что на Рублевском шоссе. Ее Марфа Максимовна продала несколько лет назад.

Взамен купила себе небольшую уютную квартирку в поселке в районе Николиной Горы. И квартиру в Испании.

Говорит, что хотела, конечно, вернуться в Италию, где она, собственно, и появилась на свет в 1925 году. Но цены на недвижимость в этой средиземноморской стране оказались на порядок выше. Пришлось обосновываться на побережье в Испании, о чем Марфа Максимовна, к слову говоря, ничуть не жалеет. Наоборот, считает дни, когда из посольства вернется паспорт с новой визой и она, наконец, отправится к себе в Аликанте.

Ну а пока за окном падает мартовский снег. Я иногда бросаю взгляд на заснеженные сосны, затем перевожу его на уникальные фото из домашнего архива, которыми в несколько слоев застлан журнальный столик, при этом большая часть осталась лежать в пакетах и папках.

Марфа Максимовна - хороший архивариус, у нее все в целости, сохранности и всегда под рукой: газетные статьи, письма, рукописи. Впрочем, для рассказа о матери шпаргалки и не нужны. О делах почти восьмидесятилетней давности она говорит так, словно это случилось только вчера.

- Как познакомились мои родители? - переспрашивает меня Марфа Максимовна. - Мама должна была венчаться с сыном богатого мануфактурщика. Они уже ходили в церковь в Брюсовом переулке, все было оговорено. Но тут появился мой отец. Они с мамой уже были знакомы. Первая встреча состоялась на катке на Патриарших прудах. Мама там жила. Стоял тогда такой двухэтажный желтенький домик, который потом снесли и на его месте построили четырехэтажный особняк для наших военачальников, так называемый домик со львами. Жуков там жил, другие маршалы. У каждого была квартира по этажу.

В старом желтеньком домике жил мамин отец. Его пригласили в Москву читать лекции в медицинском институте. Он был большой специалист по лечению болезней почек. На первом этаже у него находился госпиталь, а на втором жила семья.

На прудах зимой заливали каток. У папы был друг закадычный, Костя Блеклов (одно время сотрудник советского посольства в Италии, затем работавший в организации по строительству Дворца Советов, репрессирован в 1938 г. -прим. И. О.). Они ходили кататься на коньках и так познакомились с мамой. Когда отец услышал, что мама собирается замуж, то начал ее отговаривать: «Куда ты так торопишься? Зачем тебе это надо? У нас такая хорошая компания».

Дело в том, что мамин отец был уже болен, чувствовал, что

ему недолго осталось, он же врач был. И потому хотел, чтобы судьба младшей дочери была устроена. Так что сама мама-то и не хотела замуж, может, ей просто интересно было. Она же совсем юная была, 17-18 лет. И папа уговорил ее повременить. Она отказалась выходить замуж, но так, не резко, чтобы своего отца не травмировать. Сказала, что, мол, потом обвенчаемся, в другое время.

А за это время дедушка Горький собрался уехать из России. Его поездка планировалась вначале в Германию, потом в Италию, в Сорренто. Он был не согласен с деятельностью Урицкого (который обыск в его квартире делал), рассердился, что ему не доверяют. Хотя, действительно, у него в петроградской квартире на Кронверкском проспекте останавливались те, кто хотел уехать из России. Все же это было зафиксировано.

Короче говоря, отец уговорил маму составить ему в путешествии компанию. Просто прокатиться, она же никогда не была за границей. И мама поехала.

С ними отправилась ее приятельница, Лидия Шаляпина, дочь Федора Ивановича. Папа мой был влюблен в маму.

И попросил Лиду: «Скажи Наде, чтобы просто поехала с нами. Посмотрит мир, будет интересно». И она уговорила.

В Берлине мама с папой расписались, обменялись кольцами. Первое время жили в Шварцвальде, потом уехали в Чехословакию, там получили визы и уже оказались, наконец, в Италии.

Как мамин папа отнесся к отъезду дочери с сыном Горького, я не знаю. Мама не рассказывала.

По профессии она была художницей, с детства рисовала. У меня был альбомчик с ее рисунками, но потерялся. Многое пропало, когда я продавала дачу. Приходили люди смотреть дом, и все куда-то исчезало.

Мама писала картины и зарабатывала тем, что их продавала. Ее тема была - окружение Горького. Ее работы и сейчас находятся в музее Горького.

А вообще мама хотела быть актрисой. Когда из Турции приезжал Ататюрк, мама танцевала перед ним барыню. Она очень хорошо танцевала. Ататюрк был в восторге и подарил маме букет цветов.

Вместе с Лидой Шаляпиной мама мечтала о сцене. Они были знакомы с Рубеном Симоновым, он тогда был просто актером. И собирались все вместе поступать в студию к Вахтангову. Но Лидочка уговорила маму ехать за границу с Горькими: «А в вахтанговскую студию потом поступим».

В итоге Лидочка оказалась в Америке. А мама осталась в

Италии.

Тогда в Сорренто все художники собрались - Бенуа, Борис Шаляпин, Валентина Ходасевич. Выходили на пленэр, писали. И мама увлеклась. Ее обучили каким-то основам живописи и она стала художницей. Как-то сразу все пошло хорошо, стало получаться.

Очень ведь талантливые мастера с ней работали. Борис Шаляпин, сын великого певца, был очень хороший портретист, женщины на его полотнах выходили еще красивее, чем в жизни. Скульптор Коненков приезжал. Он, кстати, сделал мой первый бюст, когда вернулся в СССР.

Потом, уже снова оказавшись в Москве, мама занималась с Павлом Кориным.

О прошлом она вспоминать не любила. Была пуганая, что ли. Так же как и я.

Я ходила в школу, когда шел Третий Процесс, во время которого Ягода и Крючков признались в убийстве Горького и моего отца.

Верила ли я в это? Сталину Максим, конечно, мешал. Он же был единственным, кто был как-то связан с внешним миром, все другие каналы уже были перекрыты. Петр Крючков, секретарь дедушки, был явно окружен теми, кто диктовал - кого пустить к Горькому, а кого нет. Уже охрана была.

А Максим и Костя Блеклов, его друг ближайший, видели, что делается в стране. Тогда уже кое-кто начинал понимать истинную картину происходящего.

Дедушка вряд ли был в курсе. Потому что был совершенно оторван от внешнего мира. Папа же был искренний коммунист, в свое время бывал запросто у Ленина. У меня есть папина книжка и там записаны телефоны Ленина, Дзержинского. Кстати, Ленин и заставил папу поехать с дедушкой за границу, сам Максим не хотел уезжать. Потом бабушка на Ленина из-за этого была очень сердита. Папу фактически назначили быть тенью Горького, и его собственная жизнь оказалась сломана.

Он был талантливым человеком, хорошо рисовал, писал. Но что делать - любил выпить. Как русский человек. И на этом сыграли. Особенно нарком НКВД Ягода.

Вранье, что Ягода любил маму. Она сама мне рассказывала о том, как все было на самом деле. Когда ей уже плохо было, она мне о многом говорила: «Ты должна знать. ты должна знать..»

Главная трагедия в нашей семье случилась после того, как мы вернулись из Италии в Советский Союз. Лучше всего о жизни дедушки в СССР сказал Ромен Роллан, когда гостил у нас в десятых Горках. «Медведь на золотой цепи». Это в его

воспоминаниях написано.

Медведь на золотой цепи - и этим все сказано! Когда дедушка захотел обратно уехать в Италию, Сталин его не отпустил: «Зачем вам Сорренто, у нас Крым есть, мы вам там дачу предоставим».

Конечно, дедушка понял, что это тюрьма. Все же знали, зачем его Сталин вытащил из Италии в Москву: он хотел, чтобы Горький написал о нем книгу. Это была его просто идея-фикс. Сталин сам ему материалы даже присылал, архивы.

Дедушка не говорил «нет», но тянул. В итоге им ни строчки не написано. Я думаю, он просто для себя решил, что писать о Сталине не будет.

Горький ведь не был совсем уж наивным человеком. Хотя реальных связей с внешним миром в последние годы у него уже не было.

Мама ездила с ним на Соловки. Хотела своими глазами посмотреть, что творится. Но там ведь все было подготовлено. Одна только история вне сценария приключилась, с газетой. Заключенный попытался показать, что все подстроено - на виду у всех сидел и читал газету, которая была повернута наоборот: «Правда» была написана снизу вверх. И мама с дедушкой, конечно, все поняли. Но сделать уже ничего не могли.

В маминой семье было восемь человек детей, одна даже приемная девочка. Детьми они жили в Томске, Введенские была их фамилия. И когда стали вырастать, то, конечно, разъезжались, кто куда. Мама с родителями, она младшая была, оказалась в Москве. В основном все Введенские становились врачами.

Только мамина сестра Вера выбрала для себя профессию дорожного строителя и окончила технический вуз. Жила она в Ташкенте, где ей выделили огромный кусок земли.

Замужем Вера была за Михаилом Яковлевичем Громовым, дядей знаменитого летчика Михаила Громова, который в Америку летал. Он был математик, преподавал в институте.

В июне 1941 года началась война. Мы об этом узнали, когда отправились с мамой на площадь Маяковского за тканью. Вдруг видим - возле громкоговорителей народ собирается. И тут выступил Молотов и сказал, что началась война. Мы тут же побежали обратно к себе на Малую Никитскую.

Очень быстро встал вопрос - как быть. Тут-то Верочка и пригласила нас с мамой к себе в Ташкент.

Перед отъездом мы зашли навестить самую близкую мамину подругу. Ее звали Настя Пышкало, она пела в Большом театре. Особенно мне запомнилась ария Леля из «Русалочки».

Пышкало - это ее девичья фамилия. У Насти было два инфаркта, она находилась дома в очень плохом состоянии. Ни о

каком отъезде для нее ни шло и речи. Потому мама и сказала: «Давай поедем, простимся с Настюшей».

Мы поехали к ней на Остоженку. Она лежала в кровати, медицинская сестра за ней смотрела. Сидели, разговаривали, вспоминали что-то. Она в Сорренто, кстати, приезжала, когда мама и папа там жили. Так что было что вспомнить. А потом Настя вдруг обращается к маме: «Тимошенька, пойди на кухню, приготовь нам чайку». Мама, конечно же, тут же поднялась и пошла готовить чай.

А Настя подзывает меня, показывает ладонью, чтобы я присела к ней на кровать. И шепотом говорит: «Все-таки кто-то должен это знать». И рассказала мне, что маме сделал предложение Сталин, и она твердо ответила ему «нет».

«Будь рядом с мамой и следи, чтобы ей не было очень плохо. Потому что теперь может произойти все, что угодно».

Она быстро мне все это сказала, а когда мама вернулась с чаем, то мы сделали вид, что никакого разговора между нами не было. Я поправила Насте подушку и вернулась на свое место.

Мы еще не уехали в Ташкент, как Насти не стало, она умерла.

Военный Ташкент - это было удивительное место. Прекрасное.

Тетя Вера построила там дом по своему же чертежу, одноэтажный. И сделала две гостевые комнаты, очень удобные. Помню, окна были сделаны наверху, чтобы летом сохранять прохладу. Стены были очень толстые, и действительно, летом, в самую жару, всегда было прохладно. Входишь в дом - и благодать.

Вообще, когда эвакуация началась, то нам в Чистополь предложили ехать, всех писателей туда сгоняли. А мама как раз получила телеграмму от Верочки: «Приезжайте, мы вас ждем». И мы поехали.

Бабушка не захотела ехать, наотрез отказалась: «Я останусь на Малой Никитской, буду сторожить дедушкины вещи».

Потом, когда уже немцы подходили к Москве, музейные ценности стали упаковывать и бабушке тоже сказали, что она в любом случае должна уехать. Вещи Горького отправили в Куйбышев, а бабушка поехала к нам в Ташкент.

Когда об этом узнал Лахути - знаменитый поэт, он бабушке отдал целиком свой дом.

В Ташкенте было много интересных людей. К нам приходила Анна Ахматова, я ее хорошо помню. Такая величественная, любила сидеть в кресле на балконе. Специально для нее его туда подавали, и она садилась, словно восходя на трон.

Рина Зеленая приходила, у меня даже снимки сохранились. С ней всегда было весело. Она была очень живая. Райкин в нашем

доме бывал со своей женой. И даже как-то устраивал у нас вечер, показывал свои номера. Потрясающе имитировал, как ловит рыбу - никак не получалось ее, скользкую, схватить, она выскакивала, он за ней нырял, хватал, потом она вырывалась, и он снова влезал в воду. Очень было смешно.

Вообще, многие актеры с мамой дружили. У нее очень большой был круг знакомых.

Что происходит потом, после сталинского предложения. Первым претендентом на руку мамы был директор института мировой литературы, академик Иван Луппол.

Он занимался дедушкиным архивом, мама ему помогала. В один из дней, это еще до войны было, он предложил маме поехать с ним в Грузию. Мы уже понимали, что в Грузии они будут вместе и вернутся, как муж и жена. До этого Луппол у нас в доме не оставался, только приходил обедать.

Его арестовали, как только они приехали в Грузию. Академик должен был открывать юбилейные торжества. У меня сохранился билет на эти празднества. В Сагурамо, это под Тбилиси, его и забрали. Мама вернулась в Москву одна. Мы потом с ней где-то за городом прогуливались и она рассказывала, как все произошло.

После войны в нашем доме появился архитектор Мирон Иванович Мержанов. Он, кстати, строил Сталину Ближнюю дачу. (И стал автором проекта медали «Золотая Звезда Героя Советского Союза». - прим. И. О.) Он часто приходил в наш дом, брал нас с собой в Дом архитектора, возил за город, где у них было большое хозяйство. Мы хорошо проводили время.

Он был уже фактически маминым мужем, потому что и ночевал уже у нас. Мы его очень полюбили. Очень был жизнерадостный, приятный, веселый.

А потом и его арестовали. Причем это случилось прямо при мне, ночью. Я проснулась, услышала шаги по лестнице. Явно мужские. Слышу, голоса какие-то там, у мамы. Думаю, что ж такое - ночь, шаги, голоса. Я приоткрыла дверь и в щелочку посмотрела..

Это на Никитской случилось. Я дождалась, когда два незнакомых человека в штатском вывели Мержанова. Мама в халате его провожала. Ну а потом она пошла к себе, и я тут же побежала к ней в комнату.

Мержанов уцелел в лагере. Но он уже был совершенно больной, зубы все выпали, даже разговаривать практически не мог.

И третий мужчина был, Попов. Мама уже в преклонном возрасте находилась, инио какой свадьбе, конечно, и речи не шло. Она плохо себя чувствовала инио чем таком не думала. Их

познакомили общие друзья, Попов был товарищем хорошим. Надо же было, чтобы хоть какая-то мужская помощь маме была.

Все знали, что она застенчивый человек, никогда ни у кого ничего не попросит. А чувствовала себя уже весьма неважно, сердце пошаливало.

Этот Попов был зятем Михаила Калинина. Его первая жена умерла. Я, помню, лежала в кремлевской больнице. И тогда же умирала в соседней палате дочка Калинина. Я ее навещала там, заходила.

С мамой Попов познакомился, по-моему, на отдыхе. Они очень подружились.

Так вот его тоже арестовали.

Как только Сталин умер, на третий же день выпустили и Мержанова, и Попова. А Луппол погиб во время войны. В лагере, где он сидел, голод был, их вообще не кормили. К бабушке приходил потом человек, который с ним сидел, и рассказывал, как Луппол сошел с ума, ползал по земле, выискивал травку и ее обсасывал. Так погибал академик, яркий, интересный мужчина, умница.

Мы с мамой на эту тему никогда не говорили. И она сама меня просила никогда ни с кем не говорить и ничего не рассказывать.

Я только недавно первый раз рассказала об этом своей дочери. А вы, получается, второй.

В бытовом плане мама ничего не могла. За нее хлопотали друзья. А так, чтобы она сама телефонную трубку взяла и что-то попросила - исключалось.

Во многом, конечно, помогало то, что она невестка Горького. Это безусловно. И для нас, внучек Горького, тоже все делалось.

Государство заботилось о родственниках Горького. Ну потому что вели себя правильно, никто из семьи, как говорится, не вызывал сомнений.

В Москве мама занимала комнаты на втором этаже особняка на Малой Никитской. А за городом жила в Жуковке, у нее был двухэтажный деревянный домик. Летом туда приезжала Галина Уланова, Раневская рядом жила. Фаина Георгиевна веселила всех, остроумная была очень.

Я хорошо помню Галину Уланову. Мама всегда отмечала 28 марта, день рождения дедушки. В этот день все знали, что их ждут, многие звонили, и приходили, конечно.

Было застолье, все собирались. Галина Сергеевна была тихая, молчаливая, очень скромная, неразговорчивая. А вот ее муж, режиссер Юрий Александрович Завадский, наоборот, активно вступал в разговоры.

Светлана Аллилуева у нас бывала, Новый год встречала. Очень радовалась, так как до этого праздник и не отмечала. Если только отец звал, и она со всеми членами Политбюро за стол садилась.

На Никитской у нас всегда была веселая встреча Нового года. Илья Эренбург к нам приходил, Бабель, Всеволод Иванов.

Всегда за столом собиралось много народа.

Мама любила одеваться - не вызывающе, а очень элегантно. Мои друзья с ней дружили.

А еще у мамы был очень хороший вкус, и к ней часто обращались с просьбой нарисовать фасон платья и с вопросами, что надеть. Балерина Ольга Лепешинская приходила к маме. Помню, она из Америки приехала и пришла к нам на Никитскую, чтобы показать одно платье. Оно нам всем очень понравилось, такое было, все в мелких складочках. Мы снимали с него фасоны и потом шили себе такие же.

Жена Алексея Толстого, Людмила Ильинична, которая напротив нас жила, во дворе их дом находился, всегда прибегала: «Тимошенька, Тимошенька, вот есть такой материал, пожалуйста, скажите, какое мне сделать платье». И мама ей рисовала.

Говорили, что за мамой ухаживал нарком НКВД Генрих Ягода и что у них был роман. Неправда. Мама мне сама говорила, что Ягода специально был к ней подослан Сталиным, чтобы внушить, как здесь хорошо и сколько Сталин сделал для благополучия страны. Потому что Сталин сразу, едва увидев маму, решил на ней жениться. И нарком НКВД должен был этому поспособствовать.

Я наблюдала за ними - мама и Ягода ведь никогда никуда не уходили, все время были у меня на глазах. Ягода приезжал к нам, часто с женой, иногда Гарика, своего маленького сына, брал с собой. И я бы почувствовала, если между мамой и Ягодой что-то было.

Наоборот, он явно все время маму словно подталкивал под Сталина. Альбомы привозил с его фотографиями, книги с биографией, репортажи о стройках, которые были как свидетельство того, как у нас все замечательно. Кстати, действительно многое было сделано, этого нельзя отрицать.

Так что Ягода был как сталинский сват. И когда он не справился с порученной задачей, то получил приговор -встать к стенке. Хотя эта участь его ждала в любом случае, уже за то, что он слишком много знал.

Мы с мамой об этом тоже говорили, и она считала, что именно с такой целью Ягода и появился.

О том, как закончил свои дни Ягода (в 1937 году он был

расстрелян), напоминать не нужно. А вот о судьбе его сына, того самого маленького Гарика, сказать стоит. Ибо история этого мальчика - яркая иллюстрация времени, в котором выпало жить героиням этой книги.

О Гарике Ягоде в своих воспоминаниях написала Анна Бухарина:

«Вся семья Ягоды была срезана под корень, выкорчевана из жизни: старуха мать арестована, жена расстреляна, две его сестры одновременно со мной были в астраханской ссылке и там арестованы; наконец, теща Ягоды, сестра Я. М. Свердлова, встретилась мне в томском лагере и еще до моей отправки в Новосибирск была взята в этап -слухи ходили, что на Колыму, не исключено, что расстреляна - мало ли о чем мог поведать многознающий зять. Так мальчик остался без родных. У него были, правда, родственники со стороны Свердлова, отличавшегося от нас, «грешных», лишь тем, что Свердлов не дожил до 1937 года, который, скорее всего, преподнес бы ему тот же подарок, какой получили его ближайшие соратники и друзья.

Так или иначе, родственники со стороны Свердлова о ребенке не позаботились.

Впрочем, не будем слишком суровы. Андрей, сын Я. М. Свердлова, был «то тут, то там» - тов тюрьме, то на свободе. Остальные родственники тоже сидели, как на трясине. К тому же разве можно было забыть, что в ягодинских лапах несколько лет назад оказался и сам Андрей, а «царь-батюшка» его освободил? Сталин любил выглядеть добрым спасителем. Зачем же этим родственникам ягодинский сынок!

Но, оказавшись в томском лагере в одно время со мной, Софья Михайловна Свердлова (по мужу Авербах) беспокоилась о своем маленьком, оставшемся без родных внуке. Ей, в виде исключения, разрешили послать запрос о ребенке, сообщили его адрес и позволили написать ему. До своего исчезновения из томского лагеря она успела дважды получить ответы от внука. Я видела конверты с надписанным неуверенной детской рукой адресом и читала коротенькие душераздирающие строки:

«Дорогая бабушка, миленькая бабушка! Опять я не умер! Ты у меня осталась одна на свете, ияу тебя один. Если я не умру, когда вырасту большой, а ты станешь совсем старенькая, я буду работать и тебя кормить. Твой Гарик».

Второе письмо было еще короче:

«Дорогая бабушка, опять я не умер. Это не в тот раз, про который я тебе уже писал. Я умираю много раз. Твой внук».

О наших осиротевших детях в то время нам знать не было дозволено, переписка с родственниками была запрещена, и это

письмо от ребенка, полученное в лагере, стало событием, но, увы, не радостным. Каждая думала о своем ребенке. Мы задавали себе вопрос: что же происходило с мальчиком? Многие, в том числе и я, сходились на том, что до такого состояния ребенка могли довести лишь специальными мерами.

... По возвращении в Москву я пыталась узнать о дальнейшей его судьбе, но все мои старания оказались тщетными».

Марфа Максимовна продолжает:

- Поначалу мама не знала, что Настя рассказала мне о предложении Сталина. А потом я ей призналась. И уже тогда что-то у мамы спрашивала и она мне подтверждала.

Но вообще мама не любила на эти темы говорить, то и дело просила: «Не надо, ну, не надо!» Словно отмахивалась ото всего.

Ей тяжело было вспоминать и не хотелось, чтобы я тоже об этом думала. Иногда мои расспросы даже вызывали у нее раздражение. Но я все равно не сдавалась и в итоге кое-что смогла разузнать.

Разговор Сталина с мамой состоялся после того, как дедушка умер. При Горьком это было бы невозможно даже представить. А так, буквально через год после его смерти, Сталин подъехал к нам на Никитскую. Вроде бы по делам - мама сама написала ему письмо, что надо организовать музей Горького. И вот под предлогом этого он и приехал.

И сделал предложение.

На что мама абсолютно твердо сказала: «Нет». И после этого начались аресты тех мужчин, которые возникали возле мамы.

Так мне рассказывала сама мама. Это было в Жуковке, я хорошо помню. Мы прогуливались, и она говорила.

Потому, может, Сталин и хотел, чтобы мы со Светланой сблизилась.

Мы дружили с ней со второго класса. Нас за одну парту посадили. А познакомились еще до школы. Сталин первый привез ее к нам на дачу.

Светлана, кстати, с моей мамой тоже была дружна.

Да все, кто видел маму, ею увлекались.

Что такого было в маме? Красивая она была, конечно. Но дело не в красоте. Она была женственная, добрая. Очаровательная. Именно так о ней говорили: «Очаровательная». И вот так ей не везло.

Простил ли Сталин отказ? Ее-то простил. Но все, кто подходил к ней близко - страдали.

Он интересовался всеми. Если ему о ком-то докладывали, то немедленно следовала кара.

Говорили ли мы с мамой о папе? Это была для нее непростая

тема. Когда он приехал в СССР, все и началось. Его просто стали спаивать, зная его склонность к алкоголю.

Почему он простудился в тот роковой день? Мама сказала: «Еще раз увижу тебя в таком состоянии, забираю вещи и ухожу». И когда он все-таки в таком состоянии приехал, находясь до этого в гостях у Ягоды, то не посмел зайти в дом, решил посидеть в саду, заснул и замерз.

Об отце мама не любила говорить. Это была ее боль. Она всегда говорила: «Потеряли мы Италию, потеряли мы нашу любовь и друг друга».

К тому, что у мамы после смерти отца были мужчины, я относилась спокойно, считала, что мама должна выйти замуж. Особенно мне нравился архитектор Мержанов, который и меня отправил в архитектурный институт, за что я ему очень благодарна.

Мама жила до последнего дня на Малой Никитской, ей оставили три комнаты. Остальное уже было музеем Горького.

В доме была повариха Даша, уборщица Анюта. Правда, дедушкину комнату убирала сама мама, никого туда не подпускала.

Она никогда не готовила, была, скорее, хозяйкой дома, принимала гостей.

Прожила недолгую жизнь. Столько переживаний выпало, и все она держала в себе. Всегда была очень вежливой, улыбчивой, никому не показывала, что у нее на душе творилось.

У Корина есть мамин портрет - так она выглядела в последние годы. Сумела сохранить свою красоту. Я даже сама любовалась ею.

Мама умерла неожиданно, ей было всего 69 лет.

Да, она жаловалась на сердце, у нее бывали приступы. Но все равно верилось, что впереди еще есть время. Помню, мы обсуждали ее грядущий 70-летний юбилей, думали, как будем отмечать.

В тот день она мне утром позвонила. Просила приехать. До сих пор не могу себе простить, что не бросила все дела и не поехала к ней в Жуковку. Столько лет прошло, а только начинаю думать про это, как сразу слезы на глазах появляются.

Мама позвонила, а я решила, что еще успеется. Ну, как всегда бывает, Господи, все же мы люди живые, кто же думал. Ну, в общем, она пошла к своей приятельнице, художнице. И там ей стало плохо. Она вытащила какое-то лекарство, стала принимать. Мимо шел Николай Булганин (соратник Сталина, до 1958 года - член Политбюро и

Председатель Совета министров СССР, - прим. И. О.) у него

там же, в Жуковке, дача была. И он маме предложил: «Вам что-то нехорошо, зайдите ко мне, моя дача рядом».

Мама отказалась: «Нет-нет, я сейчас к себе пойду». Она действительно смогла дойти до своего дома, легла на диван. И все.

Гроб стоял в дедушкином доме на Малой Никитской. Мы похоронили ее на Новодевичьем, рядом с папой.

Закончив главу, посвященную Надежде Пешковой, я испытал потребность сходить на могилу своей героини. На Новодевичьем как всегда было много туристов. Люди с фотоаппаратами, говорящие на разных языках, с любопытством рассматривали надгробия Надежды Аллилуевой, ее родителей, внуков Сталина, затем отправлялись к могилам Хрущева и других знаменитых деятелей прошлого. И только у скромной мраморной плиты с надписью «Надежда Алексеевна Пешкова, 1901-1971» стоял я один. Теперь, думаю, возле нее станут появляться цветы. Не от любопытных визитеров. А от тех, кого, как и меня, тронет история этой гордой и достойной женщины. Тимоши.

Глава 5. Хозяйка

Дочь вождя - одна из самых известных фигур многочисленной литературы о Сталине.

Потому я, может, и вовсе не брался бы за рассказ о ней, если бы не встречи с теми, кто хорошо знал Светлану и именно мне, так получилось, доверил о ней свои воспоминания.

Светлана Аллилуева

Когда я только приехал в Грузию то решил заняться изучением грузинского языка. Мне порекомендовали лучшего педагога, Нани Чанишвили. Учитель она действительно, что называется, от Бога.

Вот только языка так и не осилил. В том числе и потому, что заслушивался увлекательными историями своего педагога, которая, как оказалось, в свое время преподавала грузинский самой Светлане Аллилуевой.

С записей тех рассказов, сделанных в 2008 году, пожалуй, и началась работа над этой книгой.

В один из вечеров 1985 года мой педагог оказалась в гостях у друзей. Там ее и застал звонок из Центрального комитета партии. Звонили чуть ли не из кабинета самого Первого секретаря Эдуарда Шеварнадзе.

Через несколько дней Нани предстояло первое занятие с новой ученицей - Светланой Иосифовной Аллилуевой, неожиданно избравшей местом жительства Тбилиси.

Светлана была старше Нани, но между двумя женщинами очень быстро завязались дружеские отношения. Аллилуева о многом рассказывала своему педагогу, в том числе, и о своем детстве.

Как-то Светлана вдруг принялась вспоминать о том, как училась в школе. Однажды молодая учительница, которая только поступила на работу и была не в курсе, кто отец Светланы, потребовала пригласить его в школу. Светлана честно передала отцу приглашение, на что Сталин ответил, что слишком занят. Девочка пересказала ответ родителя в школе, но учительница продолжала настаивать. В итоге она вместе со Светланой отправилась в учительскую и заставила ее позвонить отцу. Неожиданно Сталин попросил дочь дать трубку педагогу и сказал: «Извините, но я действительно очень занят. Работа занимает все время».

Но женщина не сдавалась: «Что это за работа такая, если не дает возможности найти хотя бы полчаса на визит в школу ребенка?!»

«Если так срочно, может быть, вы сами сможете приехать ко мне на работу? Я пришлю машину».

В итоге уже через несколько минут лимузин вез Светлану и педагога в сторону Кремля. Учительница потом призналась Светлане, что даже когда они въехали на территорию Кремля, она не догадалась, кто отец ее ученицы. Она решила, что девочка - дочь какого-нибудь ответственного работника ЦК. Лишь когда ее провели в кабинет вождя, она поняла, какую Светлану ей выпало учить.

Сталин был очень вежлив. «Видите, у меня действительно очень много работы. Ну что там моя Светлана?»

Конечно же, учительница сказала, что все в порядке и она просто хотела познакомиться с родителями девочки. «Я один воспитываю дочь, - сказал Сталин. - Так что очень надеюсь на вашу помощь».

«Светлана рассказывала мне эту историю и смеялась. Но не всегда она пребывала в хорошем расположении духа. Как-то призналась, что устала от депрессии. И попросила отвести ее к Католикос-Патриарху.

Помню, до собора Сиони мы добирались на троллейбусе, и я ловила себя на мысли, догадываются ли остальные пассажиры, что за женщина в платочке стоит сейчас среди них.

Католикос-Патриарх согласился принять Светлану, и потом она несколько раз бывала у Святейшего.

Когда Светлана покинула Грузию и снова оказалась за границей, о своих впечатлениях о пребывании в СССР она написала книгу. В ней не упомянута моя фамилия и кто-то из друзей даже спросил, не обидно ли мне. А я поняла, что таким образом Светлана просто оберегала меня от возможных неприятностей. Ведь наши разговоры с ней были очень откровенны и для восьмидесятых годов вряд ли остались бы безнаказанны».

Когда мне довелось встретиться с Католикос-Патриархом Всея Грузии, я не мог не спросить его о Светлане Аллилуевой. Святейший с улыбкой откликнулся на мою просьбу.

«Она приходила ко мне, исповедовалась. Как-то призналась, что в Сиони на нее слишком пристально смотрят прихожане. Я спросил, как она на это реагирует. «А я им показываю язык», - ответила Светлана. Каждый раз, когда она приходила в Патриархию, я громко включал звук телевизора, чтобы, если нас кто-то записывал, ничего не было. А Светлану это обижало. Она

не понимала, почему я так делаю и с обидой спрашивала: «Вы меня слушаете или телевизор?» Я успокаивал ее: «Вас, конечно». Потом она написала мне несколько писем, я их храню».

Спустя несколько лет после того, как мною были сделаны приведенные выше записи, я познакомился с ближайшей подругой Светланы Марфой Пешковой.

Внучка Максима Горького поведала мне настолько уникальные истории о своей дружбе со Светланой, что именно ее воспоминания я решил сделать основными в повествовании, посвященном одной из главных женщин Сталина.

«До 1956 года мы жили в особняке на Малой Никитской. Мне всегда из-за этого было неудобно перед другими, стеснялась кого-то пригласить домой.

Яине приглашала. Бывала только Светлана Сталина. До поступления в университет она носила фамилию отца.

Мы дружили очень близко, так что либо у нее бывала, либо она к нам приходила.

У нас всегда масса народу была. И ей это нравилось - она, наконец-то, видела людей. А так ведь она была практически изолирована. Когда ее матери не стало.

Вообще, Сталин привез Светлану к нам в Горки-10 сам. Тогда еще дедушка был жив. Наверное, это был 1934 год.

Он хотел, чтобы Светлана дружила именно со мной и с Дарьей, моей сестрой. А потом меня отвезли к ней.

Получается, наша дружба была срежиссирована. Но получилась. И на всю жизнь.

Потом уже Светлана не могла пережить, что я вышла замуж за Серго Берию, сына Лаврентия Павловича. Она была влюблена в него со школы, если еще не раньше. Потому что первый раз она с ним встретилась еще девочкой в Гаграх. Их познакомила Нина Теймуразовна, мать Серго. И я первый раз тоже увидела его у Светланы в Сочи. Мы с ней проводили там много времени.

Есть даже письмо Светланы отцу, в котором она пишет: «Ты еще не приезжай, потому что бассейн не готов». А в конце приписывает: «Марфа сидит на дереве и шлет тебе привет».

Переписка вождя и дочери, безусловно, заслуживает внимания. Потому что является едва ли не единственным документальным свидетельством, которое не подверглось редактированию и цензуре. В своих письмах к Светлане Сталин становился тем самым «папочкой», для которого она была «хозяйкой».

«Здравствуй, моя воробушка! Не обижайся на меня, что не сразу ответил. Я был очень занят. Я жив, здоров, чувствую себя хорошо.

Целую мою воробушку крепко-накрепко».

«Милая Сетанка! Получил твое письмо от 25/IX. Спасибо тебе, что папочку не забываешь. Я живу неплохо, здоров, но скучаю без тебя. Гранаты и персики получила? Пришлю еще, если прикажешь. Скажи Васе, чтобы он тоже писал мне письма. Ну, до свидания.

Целую крепко. Твой папочка».

«За письмо спасибо, моя Сетаночка. Посылаю персики, пятьдесят штук тебе, пятьдесят - Васе. Если еще нужно тебе персиков и других фруктов, напиши, пришлю. Целую». (8 сентября 1934 г.)

«Хозяюшка! Получил твое письмо и открытку. Это хорошо, что папку не забываешь. Посылаю тебе немножко гранатовых яблок. Через несколько дней пошлю мандарины. Ешь, веселись. Васе ничего не посылаю, так как он стал плохо учиться. Погода здесь хорошая. Скучновато только, так как хозяйки нет со мной. Ну, всего хорошего, моя хозяюшка. Целую тебя крепко»(8 октября 1935 г.).

«Сетанка и Вася! Посылаю вам сласти, присланные на-днях мамой из Тифлиса, вашей бабушкой. Делите их пополам, да без драчки. Угощайте кого вздумаете» (18 апреля 1935 г.)

«Здравствуй, хозяюшка! Посылаю тебе гранаты, мандарины и засахаренные фрукты. Ешь - веселись, моя хозяюшка! Васе ничего не посылаю, так как он все еще плохо учится и кормит меня обещаниями. Объясни ему, что я не верю в словесные обещания, и поверю Васе только тогда, когда он на деле начнет учиться хотя бы на «хорошо». Докладываю тебе, товарищ хозяйка, что был я в Тифлисе на один день, побывал у мамы и передал ей от тебя и Васи поклон. Она более или менее здорова и крепко целует вас обоих. Ну, пока все. Целую. Скоро увидимся». (18 октября 1935 г.)

«Здравствуй, моя хозяюшка! Письмо получил. Спасибо! Я здоров, живу хорошо, Вася хворал ангиной, но теперь здоров. Поеду ли на юг? Я бы поехал, но без твоего приказа не смею трогаться с места. Бываю часто в Липках. Здесь жарко. Как у тебя в Крыму? Целую мою воробушку».

«Здравствуй, моя воробушка! Письмо получил, за рыбу спасибо. Только прошу тебя, хозяюшка, больше не посылать мне рыбы. Если тебе так нравится в Крыму, можешь остаться в Мухолатке все лето. Целую тебя крепко. Твой папочка.» (7 июля 1938 г.)

«Моей хозяйке-Сетанке - привет! Все твои письма получил. Спасибо за письма! Не отвечал на письма потому, что был очень занят. Как проводишь время, как твой английский, хорошо ли себя чувствуешь? Я здоров и весел, как всегда. Скучновато без

тебя, но что поделаешь, - терплю. Целую мою хозяюшку». (22 июля 1939 г.).

«Здравствуй, моя хозяюшка! Оба твои письма получил. Хорошо, что не забываешь папочку. Сразу ответить не мог: занят.

Ты, оказывается, побывала на Рице и при этом не одна, а с кавалером. Что же, это не дурно. Рица - место хорошее, особенно, ежели с кавалером, моя воробушка. Когда думаешь вернуться в Москву? Не пора ли? Думаю, что пора. Приезжай в Москву к числу 25 августа, или даже к 20-му. Как ты об этом думаешь - напиши-ка. Я не собираюсь в этом году на юг. Занят, не смогу отлучиться. Мое здоровье? Я здоров, весел. Скучаю чуточку без тебя, но ты, ведь, скоро приедешь. Целую тебя, моя воробушка, крепко-накрепко». (8 августа 1939 г.)

Подобная идиллия трогательных отношений между отцом и дочерью продолжалась всего несколько лет. Впереди были сражения - с фашистами за страну и с кавалерами за сердце дочери. И если первую войну Сталин выиграл, то во второй победителей быть не могло.

Но все разочарования были впереди. А пока «Сетанка» отвечала отцу забавными приказами.

«Отец подписывался во всех письмах ко мне одинаково: «Секретаришка Сетанки-хозяйки бедняк И. Сталин».

Надо объяснить, что это была игра, выдуманная отцом. Он именовал меня «хозяйкой», а себя самого и всех своих товарищей, бывавших у нас дома почти ежедневно - моими «секретарями», или «секретаришками». Не знаю, развлекала ли эта игра остальных, но отец развлекался ею вплоть до самой войны.

В тон его юмору я писала ему «приказы» наподобие следующих (форма их тоже была выдумана отцом):

«21 октября 1934 г. Тов. И. В. Сталину, секретарю N 1. Приказ N 4 Приказываю тебе взять меня с собой. Подпись: Сетанка-хозяйка. Печать. Подпись секретаря N 1: Покоряюсь. И. Сталин».

Очевидно, дело касалось того, что меня не брали в кино или в театр, а я просила.

Или: «Приказываю тебе позволить мне поехать завтра в Зубалово»

10 мая 1934 года.

Или: «Приказываю тебе повести меня с собой в театр» - 15 апреля 1934 года.

Или: «Приказываю тебе позволить мне пойти в кино, а ты закажи фильм «Чапаев» и какую-нибудь американскую комедию» - 28 октября 1934 года.

Отец подписывался под «приказом»: «Слушаюсь», «Покоряюсь», «Согласен», или «Будет исполнено».

И, так как отец все требовал новых «приказов», а мне это уже надоело, то однажды я написала так: Приказываю тебе позволить мне писать приказ один раз в шестидневку» - 26 февраля 1937 года.

Став чуть постарше, я несколько разнообразила эти требования: «Папа!! Ввиду того, что сейчас уже мороз, приказываю носить шубу. Сетанка-хозяйка» - 15 декабря 1938 года.

Потом, не дождавшись позднего прихода отца домой, я оставляла ему на столе возле прибора послание: «Дорогой мой папочка! Я опять прибегаю к старому, испытанному способу, пишу тебе послание, а то тебя не дождешься. Можете обедать, пить (не очень), беседовать. Ваш поздний приход, товарищ секретарь, заставляет меня сделать Вам выговор. В заключение целую папочку крепко-крепко и выражаю желание, чтобы он приходил пораньше.

Сетанка-хозяйка».

На этом послании от 11 октября 1940 года отец начертал: «Моей воробушке. Читал с удовольствием. Папочка».

И, наконец, последнее подобное шуточное послание - в мае 1941 года, на пороге войны: «Мой дорогой секретаришка, спешу Вас уведомить, что Ваша хозяйка написала сочинение на «отлично!» Таким образом, первое испытание сдано, завтра сдаю второе. Кушайте и пейте на здоровье. Целую крепко папочку 1000 раз. Секретарям привет. Хозяйка». И» резолюция» сверху на этом: «Приветствуем нашу хозяйку! За секретаришек - папка И. Сталин».

Та самая дача в Мухолатке, которую упоминает в своих письмах Сталин, была этакой летней резиденцией двух подруг. Марфа Максимовна до сих пор хранит старую фотографию, на которой две девочки в черных сатиновых трусиках и белых маечках сидят возле каменной фигуры грозного льва, возлежащего перед входом в дом. Девочки эти - она и Светлана.

«Мы с ней такие две хулиганочки были, по деревьям лазали. Как-то в Мухолатке проводили вместе лето. И попросили, чтобы нам дали винтовку. И стреляли в цель, очень даже неплохо, между прочим. Так и научились стрелять.

Помню, мы купались с ней в бассейне, когда приехали Нина Теймуразовна (жена Берии - прим. И. О.) и Серго. Светлана вышла к ним и тут же куда-то увела Серго. Я ждала их, ждала. Плавала, плавала. А потом разозлилась, обиделась, вышла из бассейна и попросила одного из охранников вызвать мне машину и уехала к маме на дачу.

На момент моего замужества за Серго Светлана сама была

замужем. Она, может, потому и замуж вышла, так как понимала, что Серго уже не женится на ней.

А что она только не делала для того, чтобы это произошло. Во время войны Серго находился в Омске, учился в Академии. Так она просила своего брата Васю предоставить ей самолет и летела в Омск. Бедный Серго потом не знал, что делать с ней. Она шла напролом.

Я как-то ее спросила:

- Светлана, что-то ты редко стала звонить, мы не видимся.

- А ты что, не понимаешь почему?

- Нет, Светлана, не понимаю.

- А то, что ты вместе с Серго. Ты же знала, что я люблю его больше всего на свете.

- Но у тебя ведь уже муж есть и сын родился!

- А не имеет значения, может, я через пять лет разведусь.

Так что она все равно его не оставляла. Мы уже с Серго жили, а она звонила. Если я подходила к телефону, Светлана вешала трубку. А когда отвечал Серго, начинала говорить, что хотела еще раз с ним встретиться. Но он уже сам ее избегал.

Была ли она избалованным человеком? Я бы не сказала. Но характер у нее был своевольный.

Одевалась очень просто. Плакала мне, что когда стала превращаться в девушку, отец резко изменил к ней отношение. Начал ревновать.

Бывало, она придет к нему, он завтракает. Сталин ей: «Что это ты вырядилась? Что за кофта? Переоденься!»

Ну как же так можно было! Сколько раз она плакала из-за папаши своего.

Что я ей говорила в такие моменты? Ничего, выслушивала. Что я могла сказать. У меня была к ней страшная жалость изначально.

Мы с ней ведь как познакомились окончательно? Когда во второй раз за мной прислали машину, я приехала на дачу к Светлане. Нянечка ее меня встретила и привела наверх к Светлане. Она сидела на диване и что-то шила. Сидим, молчим. Две маленькие девочки, не знаем, о чем говорить. Первый вопрос я ей задала.

- Что ты шьешь?

Она ответила:

- Платье для куклы.

- А почему черное?

- Потому что это из маминого платья. Я хочу, чтобы моя кукла в мамином платье ходила.

Потом посмотрела на меня:

- Ты разве не знаешь, что у меня мама умерла!

И стала рыдать. А я сказала:

- А у меня папа умер.

И тоже заплакала. И наши слеза нас сцепили.

Хорошо помню день, когда умер Сталин. Моя сестра плакала. А я - нет. Я жалела Светлану. Мы с Серго были на похоронах. Подходили к Светлане, она с Васей стояла у гроба.

Серго не дружил с сыном Сталина. С Василием дружить - это водку пить. Он был потерянный человек, совершенно. Светлана мне говорила: «Ты бы видела Васю, когда его отец вызывал! Его трясло всего! Ноги не шли. Боялся его невероятно».

Светлана рассказывала, что брат был бедовым уже в детстве.

В семье Сталина был еще один ребенок - приемный сын Артем. Он тоже оставил воспоминания о родных детях вождя, вместе с которыми рос:

«Со Светланой не было проблем. Она училась очень хорошо. Была прилежной. Василию же отец порой жестко выговаривал. Конечно, какие-то проступки вызывали более серьёзные нарекания. Однажды сидели на даче за обеденным столом, Василий бросил кусочек хлеба в окно. Отец вспылил: «Вася! Что ты делаешь?! Ты знаешь, сколько в этом хлебе труда, пота и даже крови? Хлеб уважать нужно. Не всем хлеба хватает. И мы над этим работаем». Вася ответил: «Папа, я больше не буду, я нечаянно». На что Сталин ответил: «За нечаянно тоже бьют.

Хлеб - всему голова. Его надо беречь и уважать».

. Вот как-то на дне рождения кого-то, уже без Надежды Сергеевны, сидели за столом родственники Аллилуевы, Вася, Светлана и я. Сталин разливал вино по бокалам, налил понемножку вина и нам с Василием, Светлане, её вино разбавил водой из графинчика. Кто-то из женщин говорит: «Разве можно детям? Это же яд» А Сталин говорит: «Ядом змея убивает, а врач ядом лечит. Дело в том, кто, где и зачем. Хлебом тоже можно подавиться, а молоком упиться». И добавил: «Мораль нам, безусловно, нужна. Но моралистов у нас не любят».

Марфа Максимовна хорошо знала Артема Сергеева, рассказывала о нем - сыне известного большевика Федора Сергеева, известного как товарищ Артем. Тот был ближайшим другом Сталина. После гибели своего товарища и соратника в 1921 году, Сталин усыновил его сына и Артем Сергеев вошел в семью вождя.

Но главной темой воспоминаний Марфы Пешковой была, конечно, Светлана Аллилуева.

«Я Сталина не боялась. Я вообще была небоязлива. Я его ненавидела. Из-за Светланы. И одной фразы, которую он произнес

с невероятной злостью, глядя мне прямо в глаза.

Однажды мы сидели обедали, все было спокойно. Он любил подтрунивать надо мной. В тот день спросил, много ли мальчиков вокруг меня крутится. Я тут же в краску, застенчивой девочкой была.

Потом Сталин вдруг откладывает ложку и спрашивает: «Как там ваша старррруха поживает?» Светлана вполголоса пояснила, что это он о бабушке моей спрашивает. (Речь идет о Екатерине Пешковой, единственной официальной жене Горького, матери его двоих детей - рано скончавшейся дочери и сына Максима. Екатерина Пешкова руководила Советским Красным Крестом и была, фактически, первой правозащитницей в СССР, - прим.И. О.) Меня как будто по голове стукнули. Бабушка для меня была святым человеком.

Я не так давно была в Риме и оказалась с приятельницей в церкви. Священник меня пригласил к нему в кабинет. Я поднялась. Он усадил меня и показал карточку: «Это сделала ваша бабушка. Она добилась разрешения на эту карточку».

Оказалось, что на Соловки попал его отец, там был страшный голод. Пароход не мог подвезти продукты в плохую погоду, на острове часто просто не оставалось пищи. Конечно, охрана припасы для себя делала, а вот заключенных не кормили. И бабушка выхлопотала его матери карточку, согласно которой женщина могла посылать раз в месяц посылку с продуктами. Так они выжили. И когда я уже выходила из церкви, этот настоятель мне сказал: «Бабушка ваша была святым человеком».

Очень многих она спасала. За границу как-то отправляла. Она очень была там популярна, еще до революции жила несколько лет в Париже, членом партии эсэров была. Сталин ничего не мог с ней сделать. Ее хорошо знали в мире и потому здесь тронуть побоялись.

Я была подготовлена Светланой, что ее отец суровый человек. Но тут, когда он произнес это раскатистое «рррр». Видела его страшные глаза, проницательные, как у гипнотизера, желтоватые, тигриные.

Услышать заданный таким уничижительным тоном вопрос о своей любимой бабушке! Я ответила двумя словами: «Хорошо поживает». И больше мы к этой теме не возвращались.

Но забыть этого я Сталину не могла никогда. И сейчас не могу.

Про реальные обстоятельства смерти своей матери, Надежды Сергеевны, Светлана узнала только в Куйбышеве. Кто-то ей подсунул американский журнал, в котором была статья.

Так совпало, что именно в Куйбышеве Светлана начала учить

английский. Так как у нас были няни-немки, то первым был немецкий язык.

Мне сама Светлана потом рассказывала, что в этой статье был снимок ее матери в гробу. Сейчас в здании, где проходило прощание с Аллилуевой, находится ГУМ. В этой статье было написано, что Надежда Сергеевна покончила с собой. Я спросила: «Ты веришь?» - «Да!» - ответила Светлана твердо.

До этого ей говорили, что мама умерла от неудачной операции по удалению аппендицита. И она верила в эту версию.

А вот кто ей подкинул журнал - не знаю.

В Куйбышев к Светлане, где она находилась в эвакуации во время войны, меня Вася доставил на самолете, сестра его попросила.

Мы тогда чуть не разбились. Была даже вынужденная посадка.

Команда состояла из трех или четырех человек. Василий по своим делам ездил в Ташкент, где мы с мамой и сестрой находились в эвакуации. И Светлана попросила меня захватить к ней в Куйбышев на каникулы, как раз зимние были.

Был мороз, но в Ташкенте не так холодно. И потому спирт, который выдали летчикам для того, чтобы крылья смазать и на них не появилась ледяная корочка, они выпили. Когда мы летели обратно, то пилот не справился с управлением. До сих пор помню, как крылья стали покрываться льдом и самолет начал постепенно опускаться, не выдерживая высоту.

Но Василий заранее понял, что может произойти, и наметил место для вынужденной посадки. Мы так сели, что пропеллер оказался буквально в метре от дерева. А посередине поля стоял стог сена. И Василий сумел въехать в этот стог сена и пропеллер остановился. Блестяще все продумал.

Отправил потом парня по просеке - он же сверху видел, где что находится - в направлении населенного пункта. И за нами прислали сани.

Кстати, страшно не было. Мне, наоборот, все было интересно.

Василий хорошо понимал в самолетах, он был и автомобилист хороший. Он не был просто сынком вождя. Дружил только с военными и спортсменами.

Его первая жена, Галина Бурдонская, в ларьке обслуживала летчиков, там он с ней и познакомился. У них родилось двое детей - Александр и Надежда.

Второй женой Васи стала дочь маршала Тимошенко, Екатерина. Она родила ему двоих детей - сына Василия и дочь Светлану. Но судьба у всех оказалась трагичной.

Она в конце жизни жила на Пушкинской площади, в угловом

доме. Я ее, кстати, несколько раз встречала в Елисеевском магазине. Однажды она пригласила меня к себе и я была у нее в этой квартире. Помню, она показала шкатулку из малахита, в которой лежали драгоценные камни. Такая была коробочка с ограненными камнями. Из-за нее она даже поссорилась со Светланой. Шкатулку Екатерине подарил на день рождения сам Сталин. Они ведь родились в один день.

Светлана видела эту шкатулку еще у отца, и была уверена, что она будет ее. В итоге позвонила Екатерине и предложила: «Давай на что угодно обменяемся, но я хочу получить эту шкатулку». Но Екатерина ответила категорическим отказом, мол, даже разговора об этом быть не может, это подарок твоего отца. Ну и все, на этом закончились их отношения.

За несколько лет до моего прихода к Екатерине у нее погиб сын. Дочь была не совсем здорова. Жила бывшая жена Василия одна. Она уже выпивала и я, помню, в тот раз долго у нее не задержалась. Видимо, она выпила перед походом в магазин. И когда мы вместе пришли к ней, то алкоголь начал действовать, и она уж с трудом могла разговаривать. Я быстренько откланялась. А потом узнала, что Екатерину нашли мертвой. Причем несколько недель спустя после смерти.

Она долго не отвечала на звонки. Приехали родственники - квартира закрыта. Спросили у соседей, и те ответили, что давно не видели Екатерину. Заметили только, что она, скорее всего, выехала на дачу, потому что из квартиры вещи какие-то вытаскивали, мебель выносили. А это, оказалось, было ограбление.

Когда вскрыли дверь, то увидели пустую квартиру. Там осталась одна кровать, на которой и лежал уже разложившийся труп.

Потом определили, что Екатерину убили. Может быть, это сотворили люди, которые приходили к ней и вместе выпивали.

Это был ужас. Но, с другой стороны, она сама была виновата. Спилась совершенно.

Такой грустный финал часто бывал у тех, кто попадал в ближний сталинский круг. Мне вот повезло, смогла выскочить. Хотя тоже повидала немало.

В тот раз в Куйбышев к Светлане мама меня не хотела отпускать. Она же знала Васю. Но мы добрались. И я провела каникулы у Светланы. Потом обратно в Ташкент уже с ящиком конфет ехала.

В Куйбышеве Светлана была уже взрослой, в 8 классе училась. И она мне сказала: «Я не удивляюсь, что мама покончила с собой. Потому что сама от своего папаши слышу резкие слова».

Отношения у них были плохие.

Когда она замуж за Мороза выходила радостная, Сталин ее не поддержал. Он был против, но она всегда делала то, что хотела. Потому у них с отцом контакт и оборвался. До этого он ее «хозяюшкой» называл, такая игра была.

А тут, когда она прибежала к отцу и сказала: «Ты можешь меня поздравить, я влюблена и выхожу замуж». Он ей ответил: «Я все знаю!» И громко крикнул: «Ты что, русского не могла найти?!» и хлопнул дверью.

До этого у нее Каплер был. (Алексея Яковлевич Каплер, известный сценарист, кинорежиссер, - прим. И. О.) Но его выслали быстро. Да и увлеклась она им из-за вакуума в общении. Кто был-то рядом с ней? Охранники и домработницы. Ия. А так у Светланы и подруг-то других не было.

До меня она дружила с Раей Левиной, в первом классе они подружились. А из мальчиков с ней дружили Флястер, Юра Герчиков.

Алексей Каплер был намного старше ее. Он ей понравился тем, что много интересного рассказывал. Она говорила мне, что ходила с открытым ртом, боясь пропустить хоть слово. А ему, видно, стало любопытно, что она так к нему привязалась.

Светлана говорила: «Это первый человек в моей жизни, с которым мне было очень интересно. То, что он рассказывал, я слышала в первый раз».

Каплер и правда был очень интересный человек, массу всего знал. А познакомилась она с ним на даче у Василия. Тот привез Каплера, еще каких-то киношников, режиссера Кармена с женой. Вася ухаживал в то время за женой Кармена, она очень красивая женщина была.

А Светлане просто сказал, что у меня будут интересные люди, приезжай. Светлана приехала и там познакомилась с Каплером.

На переменках Светлана рассказывала мне, как после уроков они с Каплером встречались, «были в музее, массу интересного он мне рассказывал, того, чего я бы никогда нигде не услышала про картины, про каких-то людей».

Он был намного ее старше. Конечно же, никогда не был у нее в квартире, она тогда еще жила в Кремле. И она к нему не ходила.

Помню тот день, когда Каплер написал свое знаменитое письмо.

«Ты видишь из окна Кремлевскую стену». Она в школу приносила газету и мы читали под партой. В «Правде» было напечатано.

Каплер ее не любил, думаю. Ему было просто любопытно.

Когда он вернулся из ссылки, то тут же женился на актрисе

Валентине Токарской. И со Светланой даже не собирался встречаться. А она, когда узнала, что супруги отдыхают в Коктебеле, сама бросилась туда. Но Токарская ее, как говорится, отшила. Хотя Светлане просто хотелось попасть в их компанию. По крайней мере, так она говорила мне.

В свое время биографией Алексея Каплера занимался известный искусствовед и телеведущий Виталий Вульф, чей рассказ о первой серьезной влюбленности Светланы я успел записать.

«Без Каплера было тяжело всем любящим его женщинам. Поэтесса Юлия Друнина прожила 11 лет и добровольно ушла из жизни, включив в запертом гараже ключ зажигания своего авто.

Его звали Лазарь, но по настоянию матери он стал Алексеем.

На момент встречи со Светланой Алексей Каплер был уже автором фильмов «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году». Сценарий ему помогала писать Тася Златогорова, его вторая жена. Он прожил с ней десять лет, это была самая большая любовь его жизни. Тасю арестовали за связь с англичанином. Она умерла в тюрьме.

Знакомство со Светланой состоялось 8 ноября 1942 на даче Василия Сталина. Светлане тогда было 16 лет. Среди гостей были тогдашние кинозвезды Валентина Серова, Людмила Целиковская.

Так совпало, что в этот день исполнилось десять лет, как не стало Надежды Аллилуевой. Каплер пригласил Светлану на танец, во время которого она ему обо всем рассказала - о том, что сегодня годовщина смерти матери, но никто об этом не помнит, о том, как она чувствует себя одиноко. И ему стало ее жаль.

Об отношениях Светланы с Каплером доложили Сталину. Отец ударил Светлану по лицу и забрал все письма Каплера. В 1943 тот был арестован и приговорен к пяти годам.

В лагере познакомился с актрисой Валентиной Токарской. Она тоже была осуждена, играла в театре.

После освобождения Каплер приехал в Москву и был арестован в Наро-Фоминске, когда направлялся к отцу в Киев. Был снова осужден и провел на Севере еще 10 лет. Его сын потом говорил, что лагерный страх жил в нем всю жизнь. Освободили Каплера только после смерти Сталина.

Год спустя, на съезде писателей, состоялась их встреча со Светланой. Их бросило друг к другу. Но Каплер ее не подпустил - она уже дважды была замужем, ее сыну исполнилось девять лет. Но Светлана приезжала на дачу к Каплеру, подружилась с его сыном Анатолием. Тот вспоминал, как Светлана перелезала через их дачный забор и приходила даже тогда, когда Каплер не хотел ее видеть. В этом проявлялся настоящий сталинский характер».

Сама Светлана тоже оставила воспоминания о Каплере, о котором была готова говорить, кажется, всегда. Уже не было в живых ни Алексея Яковлевича, ни даже его жен, а Светлана вспоминала о событиях почти полувековой давности так, словно все было только вчера.

«Всего лишь какие-то считанные часы провели мы вместе зимой 1942-43 года, да потом, через одиннадцать лет, такие же считанные часы в 1956 году - вот и все.» Мимолетные встречи сорокалетнего человека с «гимназисткой» и недолгое их продолжение потом - стоит ли вообще много говорить и думать об этом? Василий привез Каплера к нам в Зубалово в конце октября 1942 года. Был задуман новый фильм о летчиках, и Василий взялся его консультировать. Он познакомился тогда для этой цели также с Р. Карменом, М. Слуцким, К. Симоновым, Б. Войтеховым, но, кажется, дальше шумных застолий дело не двинулось.

В первый момент мы оба, кажется, не произвели друг на друга никакого впечатления. Но потом - нас всех пригласили на просмотры фильмов в Гнездниковском переулке, и тут мы впервые заговорили о кино. Люся Каплер - как все его звали - был очень удивлен, что я что-то вообще понимаю, и доволен, что мне не понравился американский боевик с герлс и чечеткой. Тогда он предложил показать мне «хорошие фильмы» по своему выбору, и в следующий раз привез к нам в Зубалово «Королеву Христину» с Гретой Гарбо. Я была совершенно потрясена тогда фильмом, а Люся был очень доволен мной.

... 3-го марта утром, когда я собиралась в школу, неожиданно домой приехал отец, что было совершенно необычно. Он прошел своим быстрым шагом прямо в мою комнату, где от одного его взгляда окаменела моя няня, да так и приросла к полу в углу комнаты. Я никогда еще не видела отца таким. Обычно сдержанный и на слова и на эмоции, он задыхался от гнева, он едва мог говорить: «Где, где это все? - выговорил он, - где все эти письма твоего писателя?»

Нельзя передать, с каким презрением выговорил он слово «писатель».

«Мне все известно! Все твои телефонные разговоры - вот они, здесь! - он похлопал себя рукой по карману, - Ну! Давай сюда! Твой Каплер - английский шпион, он арестован!» Я достала из своего стола все Люсины записи и фотографии с его надписями, которые он привез мне из Сталинграда. Тут были и его записные книжки, и наброски рассказов, и один новый сценарий о Шостаковиче. Тут было и длинное печальное прощальное письмо Люси, которое он дал мне в день рождения - на память о нем.

«А я люблю его!» - сказала, наконец, я, обретя дар речи.

«Любишь!» - выкрикнул отец с невыразимой злостью к самому этому слову - ия получила две пощечины, -впервые в своей жизни. «Подумайте, няня, до чего она дошла!» - он не мог больше сдерживаться, - «Идет такая война, а она занята..!» ион произнес грубые мужицкие слова, других слов он не находил. «Нет, нет, нет» -повторяла моя няня, стоя в углу и отмахиваясь от чего-то страшного пухлой своей рукой, - «Нет, нет, нет!» «Как так - нет?!» - не унимался отец, хотя после пощечин он уже выдохся и стал говорить спокойнее, - «Как так нет, я все знаю!» И, взглянув на меня, произнес то, что сразило меня наповал: «Ты бы посмотрела на себя - кому ты нужна?! У него кругом бабы, дура!» И ушел к себе в столовую, забрав все, чтобы прочитать своими глазами.

У меня все было сломано в душе. Последние его слова попали в точку. Можно было бы безрезультатно пытаться очернить в моих глазах Люсю - это не имело бы успеха. Но, когда мне сказали - «Посмотри на себя» - тут я поняла, что действительно, кому могла быть я нужна? Разве мог Люся всерьез полюбить меня? Зачем я была нужна ему?

. Фразу о том, что «твой Каплер - английский шпион» я даже как-то не осознала сразу. И только лишь, машинально продолжая собираться в школу, поняла, наконец, что произошло с Люсей. Но все это было как во сне.

Как во сне я вернулась из школы. «Зайди в столовую к папе» - сказали мне. Я пошла молча. Отец рвал и бросал в корзину мои письма и фотографии. «Писатель!» - бормотал он. - «Не умеет толком писать по-русски! Уж не могла себе русского найти!»

То, что Каплер - еврей, раздражало его, кажется, больше всего. Мне было все безразлично. Я молчала, потом пошла к себе. С этого дня мы с отцом стали чужими надолго. Не разговаривали мы несколько месяцев; только летом встретились снова. Но никогда потом не возникало между нами прежних отношений. Я была для него уже не та любимая дочь, что прежде».

И вновь слово Марфе Пешковой, ближайшей подруге Светланы Аллилуевой:

«Светлана не могла смиряться, что те, кто ей нравились, не хотели быть с ней. Потом с ней уже и вовсе что-то неладное стало происходить. Как-то она решила пригласить к себе, у нее тогда уже была своя квартира в Доме на Набережной, одноклассников. Я тоже там была. И был такой Юра Герчиков. Мы все ушли, а она его попросила, чтобы он помог ей посуду помыть и убрать со стола. Его одного, хотя на встрече и его жена присутствовала. Удивительно, но жена Юры сама сказала мужу: «Оставайся». Ну

весело всем было, все смеялись. Она и сказала: «Давай, давай, мой посуду». В таком юмористическом стиле. А потом-то, как оказалось, продолжалось все уже без юмора. Я потом Юру встретила как-то, и он мне рассказал, чем кончился этот вечер. Светлана его чуть ли не раздевать пыталась. Я так и не поняла в итоге, случилось у них что-то или нет. Но Светлана такой была.

Была дамой горячей в этом отношении. Как-то совсем недавно я встретила одного мужчину. Он у меня спросил, я ли подруга Светланы. И услышав утвердительный ответ, продолжил: «Да, любила она мужичков, любила». Я спросила, он-то откуда знает. «Были времена, знал». То ли в охране он служил, то ли еще где. Но как-то нехорошо получилось, некрасиво это прозвучало из уст незнакомца.

Наши с ней отношения прекратились ведь тоже из-за мужчины. В 1947 году я вышла замуж за Серго. Светлана, как я уже говорила, сама была на тот момент замужем. Но своего мужа, как видно, не любила.

По-настоящему влюблена она была, наверное, только в Серго Берию.

При том, что сам Серго никогда не давал ей никаких поводов для таких мыслей. Он просто. пуганный был ею! Потому что знал, что она такой человек, очень настойчивый. Если она что-то хочет, то этого добивается.

До замужества Светлана жила в Кремле. Я бывала у нее, вместе уроки делали. Два раза Сталин нас звал на обед. Обычные были обеды, ничего особенного. Для меня это было как-то привычно. Отношения к Сталину, как к живому божеству, у меня не было. Наоборот, у меня было отрицание. Из-за Светланы. Она к отцу относилась так же.

В школе она носила фамилию Сталина. Ее так и к доске вызывали. И двойки ставили, у нас вообще были объективные преподаватели. Потом уже, когда поступала в институт, взяла фамилию матери.

У Светланы я проводила все воскресенья. Часто мы заказывали фильмы. В основном американские. Смотрели с переводчиком. А в кинотеатр с урока сбегали. Как-то убежали, сидим, вдруг в зале включают свет и мы слышим: «Ученики такого-то класса, выйти!» И ползала вышло.

Мы сидели в школе за одной партой. Как-то меня вызвали перед начальством отвечать на вопрос о «Матери» Горького. У меня сразу возникло чувство протеста. Если бы просто меня спросили, ответила. А тут как внучку, покрасоваться перед начальством. И я смолчала. Светлана смотрела на все это и улыбалась. Она ведь тоже из-за подобного отношения и убежала

за границу. Терпеть не могла, когда ее воспринимали только как дочь Сталина и только поэтому обращали внимание.

В этом отношении отличалась другая Светлана, дочь Вячеслава Молотова. Ее одевали красиво очень. Она на два года младше нас была. Помню, в 1936 году она встречала детей испанцев. Такая мизансцена была - нас выстроили по бокам широкой лестницы, которая вела на второй этаж. И вели детей, маленьких совсем. Светлана Молотова спускалась им навстречу. И на площадке между пролетами они встретились и пожали ручку друг другу.

Мы со Светланой Сталиной хохотали. Уже тогда понимали, что это смешно.

Я вообще многое поняла в жизни благодаря Светлане. Я же была глупее ее. И то, что я после своих лазаний через забор, немного пришла в норму, случилось благодаря Светлане. А она уже тогда все видела, все понимала.

Я стала книжки читать. Светлана сама любила читать очень и меня приучила. Откуда у нее была страсть к чтению? Думаю, из-за того, что ей просто скучно было. Она же совершенно одна была. Брат Вася на четыре года старше был. А Яков и вовсе намного старше.

Мне Яков очень нравился. Это была моя такая внутренняя первая любовь. Решила, что хочу для себя только такого мужа. И Светлане сказала.

Яков был нормальным парнем. Но первая любовь была неудачной, эту девушку выставили из их дома. И он стрелялся. Сталин потом даже издевался над сыном, мол, застрелиться не смог.

Яков красивый был, с таким типичным грузинским лицом. Всегда хорошо выглядел. Был намного старше меня, конечно.

Виделись мы на даче. Когда я постарше стала, ездила туда. Яков с дочерью и женой там бывал на выходные. Дочь его оставалась на даче с нянечкой, аонс женой приезжал на субботу-воскресенье.

За столом вместе обедали. Сталина не бывало, он на ту дачу не ездил, у него своя была.

В Зубалово у каждого было свое занятие. Дедушка Светланы, Сергей Аллилуев, делал на своем станке пасхальные яички, они отмечали этот праздник.

Когда я была совсем маленькой, у нас в Горках наряжали елку. Дедушка устраивал этот праздник, когда в СССР елку еще официально нигде не ставили. Может, поэтому Сталин и разрешил елку, когда узнал, что Горький очень шикарно празднует Новый год. К нам приглашали всех детей - и

писательских, и просто соседских. Дедом Морозом был наш сосед, полярник Отто Шмидт. Выходил с большой черной бородой, с мешком подарков. И раздавал их детворе. До этого наши мамы, конечно, решали заранее, что дарить. А нам, чтобы подарок получить, надо было или станцевать, или стишок прочитать.

Я, например, пела «Спи, младенец, мой прекрасный» и держала большую куклу, укачивала ее. Во время войны ее кто-то стащил, когда мы были в Ташкенте. Дедушка слушал меня и плакал.

Светлана тоже была у нас, стих какой-то говорила.

Бывала она у нас и на праздновании Нового года на Малой Никитской. Как-то мы гадали - на подносе жгли бумагу, а потом так ставили свет, чтобы на стене появилась тень от пепла. Светлана тоже сожгла бумагу и ей кто-то начал говорить. Разумеется, пророчил все хорошее. А когда мы за столом уже сидели, она мне шепнула: «Что он там трепался, когда явно могила с крестом была видна. Сказал бы сразу».

Чего она там увидела? Но я ее не стала расспрашивать. Сама испугалась.

Пытались ли за ней ухаживать? Нет, наоборот. Она была очень одинока.

Я всегда любила красиво одеваться. Когда работала в музее Горького, все наши сотрудники - ииз архива, и экскурсоводы - прибегали ко мне. На Никитской угловой магазин тканей был, они там что-то покупали и ко мне -нарисуйте какой-нибудь фасончик. Я бы даже, наверное, могла стать модельером. Я рисовала и у меня получалось.

Светлана модницей не была. Потому что в ателье (всем кремлевским женам шила мать Аджубея, будущего зятя Хрущева) надо было деньги платить, а у Светланы их не было. Первое платье - я помню - только в десятом классе она сшила. Пошла к папе и попросила денег на платье для выпускного. Он дал. Она в этом ателье заказала. Как сейчас помню, из темно-зеленого материала. Красивое получилось. Она его надевала, когда я на дачу к ней приехала. Целое событие было: «Подожди, я сейчас выйду».

Был ли у нее вкус? Что давали, то и носила. Она особенно не обращала на это внимание.

Когда вышла замуж за Жданова (сына сталинского соратника Юрия Жданова, руководителя Ленинграда во время войны, автора печально знаменитого постановления, фактически уничтожившего Анну Ахматову и Михаила Зощенко, - прим. И. О.), у нее шуба появилась норковая. Когда стали появляться возможности, она покупала хорошие вещи.

На свадьбе я у нее не была. Не принято было людей на такие вещи приглашать. Да и после моего замужества за Серго наши пути как-то не пересекались. Но в гостях мы у нее бывали. Она нас и на елку приглашала как-то. Присутствовали только мы с Серго и она со Ждановым. Но был период, когда она на меня даже не смотрела».

Материальная жизнь дочери вождя всегда была предметом особого внимания. Не только сторонних наблюдателей, но и самого Сталина. Светлана Аллилуева вспоминала:

«Последнее время я училась в аспирантуре Академии общественных наук, где была большая стипендия, так что я была сравнительно обеспечена. Но отец, все-таки, изредка давал мне деньги и говорил: «А это дашь Яшиной дочке». В ту зиму он сделал много для меня. Я тогда развелась со своим вторым мужем и ушла из семьи Ждановых. Отец разрешил мне жить в городе, анев Кремле - мне дали квартиру, в которой я живу с детьми по сей день. Но он оговорил это право по-своему - хорошо, ты хочешь жить самостоятельно, тогда ты не будешь больше пользоваться ни казенной машиной, ни казенной дачей. «Вот тебе деньги - купи себе машину и езди сама, а твои шоферские права покажешь мне», - сказал он.

Меня это вполне устраивало. Это давало мне некоторую свободу и возможность нормально общаться с людьми, -живя снова в Кремле, в нашей старой квартире, это было бы невозможно.

Отец не возражал, когда я сказала, что ухожу от Ждановых. - «Делай, как хочешь» - ответил он. Но он был недоволен разводом, это было ему не по сердцу.

«Дармоедкой живешь, на всем готовом?» - спросил он как-то в раздражении. И, узнав, что я плачу за свои готовые обеды из столовой, несколько успокоился.

Когда я переехала в город в свою квартиру, - он был доволен: хватит бесплатного жительства».

Свидетельницей отношений Светланы с ее вторым мужем, сыном сталинского соратника Юрия Жданова, стала и актриса Художественного театра Кира Головко. Зимой 2012 года я оказался у нее в гостях и, конечно же, не мог не расспросить хозяйку дома о ее встречах с Аллилуевой. Кира Николаевна, которой на тот момент исполнилось 93 года, откликнулась на мою просьбу:

- Познакомилась я со Светланой и ее тогдашним мужем Юрием Ждановым, сыном Андрея Жданова, в санатории Совета Министров в Нальчике, где они тогда отдыхали. Это был 1949 год. Запомнилось, что Светлана не носила каблуки, из-за того,

что Жданов был невысокого роста и она, видимо, не хотела быть выше его. Мы очень мило пообщались, Светлана рассказывала о том, как с отцом приходила на спектакли Художественного театра. Я была беременна и Юрий Жданов признался, что они со Светланой тоже хотят детей.

Потом, уже в Москве, мы тоже иногда оказывались в одной компании. Душой общества был Юрий Жданов, он играл на рояле, я пела. А Светлана обычно сидела где-нибудь в сторонке и вступала в разговор, только если ее кто-нибудь о чем-нибудь спрашивал.

А однажды я увидела Светлану в Серебряном Бору и была восхищена тем, как ловко она скользила по воде на специальной доске, укрепленной за катером.

Мы периодически встречались со Светланой и во время одного из разговоров она спросила у меня, где можно найти педагога по речи. Я ответила, что продолжаю заниматься с одной женщиной, которую считаю очень хорошей преподавательницей. И, если Светлана хочет, я могла бы договориться с Софьей Андреевной - так звали педагога. Светлана тут же принялась уговаривать меня сделать это. «Мне предстоит читать лекции, а у меня от природы тихий голос».

На другой день я отправилась к Софье Андреевне, она жила на Поварской улице, тогда - улице Воровского. Когда я сказала ей, что с ней хочет заниматься дочь Сталина, Софья Андреевна особого восторга не выразила. И, как оказалось, была права.

Перед появлением в ее квартире Светланы, туда нагрянули сотрудники службы охраны и перевернули все верх дном. Их занятия продолжались несколько месяцев. И каждый раз перед появлением Светланы в доме педагога появлялись люди в штатском и устраивали почти обыск. А затем с цветами и пакетами с продуктами приходила Светлана.

Мы с ней долгое время не виделись, у каждой была своя жизнь. Пока в один из дней возле Боровицких ворот Кремля меня кто-то не окликнул. Это была Светлана Аллилуева. Это был, наверное, самый откровенный наш разговор. Светлана призналась, что ее брак с Юрием на грани развода.

Мы никогда не говорили об отце Светланы, даже не называли ее по-отчеству. Но тут я спросила, говорила ли она о грядущем разводе с отцом.

«Да, - ответила Светлана. - Отец сказал, что брак - это цепь компромиссов, и мы должны сохранить отношения ради ребенка».

Но семья Светланы и Юрия все равно распалась.

В следующий раз мы увиделись много лет спустя, уже не было Сталина. Мы со Светланой были соседи по Дому на

Набережной. Встретились в гостях у Андрея Яковлевича Свердлова. Жена Андрея тут же стала уговаривать Светлану сходить во МХАТ на спектакль «Дом, где мы родились», где я играла одну из главных ролей. Но Светлана сухо ответила, что ходит только в консерваторию. И откланялась. Больше мы с ней не виделись.

Мои собеседники, рассказывавшие о встречах со Светланой Аллилуевой, могли поведать лишь об отдельных периодах жизни дочери вождя - отрезках, когда их судьбы соприкасались.

И только один человек - Марфа Пешкова - пронесла дружбу, а затем знакомство (как правило, случается, наоборот, но мы ведь и говорим о человеке необычном) со Светланой Иосифовной через всю жизнь. Ей слово:

«Потом Светлана какая-то жестокая стала. Она уже в детстве была сломана как личность. Как и Вася, который стал абсолютным алкоголиком.

Я была несколько раз у него на даче. Раза два со Светланой мы заезжали - ей надо было что-то передать. Помню, обстановка была интересной - ее доставили из Германии из какого-то охотничьего дома. Толи Геринга, то ли еще кого. Ножки у мебели были сделаны как лапы животных, шкуры были всюду.

А еще запомнился эпизод, который случился в Куйбышеве.

Василий ведь почти все время был подвыпивший. Как-то пришел домой с двумя летчиками. Мы сидели в это время, обедали. Василий с друзьями присоединились к нам и попросили, чтобы принесли еще выпить.

А Галя, первая жена Василия, была в положении. Ждали, что скоро родит. И Василий говорит ей: «Расскажи тот анекдот». Она стала отказываться: «Да ты что, как я могу вслух рассказывать такой неприличный анекдот». «Нет -расскажи! Хочу, чтобы мои товарищи услышали! Я его не помню, ты его помнишь, давай, рассказывай». Она твердо ответила - нет. Он тогда подошел к ней, схватил за плечи: «Расскажи!!» Василий был уже заметно подшофе. Она еще и еще раз говорит: «Нет, я не буду рассказывать такие вещи, рассказывай сам!» Тогда он взял и сильно отшвырнул ее от себя.

Слава Богу, там диван стоял, и она упала прямо на этот диван. Если бы не он - все, считай, что и ребенка бы не было. Ужас!

Близким другом Василия Сталина был его названый брат, Артем Сергеев. Он вспоминал:

«Как-то сидели с ним, выпили. Он еще наливает. Говорю ему: «Вася, хватит». Он отвечает: «А что мне? У меня только два выхода: пуля или стакан. Ведь я жив, пока мой отец жив. А отец

глаза закроет, меня Берия на другой день на части порвет, а Хрущев с Маленковым ему помогут, и Булганин туда же. Такого свидетеля они терпеть не будут. А ты знаешь, каково жить под топором? Вот я и ухожу от этих мыслей».

И верно он предчувствовал: отец умер в марте, а в апреле он был арестован. Поначалу Василия поместили в госпиталь, к нему можно было пройти, а он не мог выйти. Потом его осудили по двум статьям 5810 - «Измена Родине»: отзывался плохо о Берии, Хрущеве - вот и измена Родине. Судили и по статье 173 за злоупотребление служебным положением, финансовые нарушения. В чем было злоупотребление? Он сделал из неиспользуемых ангаров на центральном московском аэродроме манеж и конюшню. Создал конно-спортивную команду, которая после его смерти стала союзной командой.

... Он любил кавказские блюда. Не потому что это вкусно, а потому что - кавказские. Он все-таки считал себя грузином, хотя грузинский язык не знал, на грузина не был похож, в Грузии бывал мало, но считал себя грузином. Потому и любил музыку грузинскую, ансамбли, пляски.

... Детей он, конечно, любил. Пусть по-своему. Он был строг, иногда раздражителен. Его посадили в тюрьму, когда детки были маленькие. Старший, Саша, родился в октябре 1941, а Василия посадили в апреле 1953. Увидели они его уже в 1961 году, через 8 лет. Его как-то отпускали и снова посадили. Полное беззаконие: он приговорён был с направлением в лагерь, а держали-то его в тюрьме. Лагерь хоть какая-то воля. А тюрьма - клетка, там под контролем.

Выпустив, сразу сослали в Казань. В Казани поселили на 5 этаже в доме без лифта. А у него ноги были больные: ранение и сосуды очень плохие. Его после тюрьмы смотрел Александр Николаевич Бакулев и даже заплакал: «Васька, до чего тебя довели».

Прожил трагическую жизнь, и похоронили его не по-людски. Причина смерти не совсем ясна. Посмотреть на него ни жене, ни дочери толком не дали. Дочь говорила, что на теле заметили какие-то следы. Жена хотела китель поправить, так ее отогнали. И быстренько похоронили в Казани. Слава Богу, перезахоронили в 2004 году на Троекуровском кладбище в Москве. Но даже не под своей фамилией, которую носил отродясь - Сталин, а под прошлой фамилией отца - Джугашвили.

Рассказывает Марфа Пешкова:

«Такой близкой подруги, как Светлана, у меня больше не было.

Мы с ней дополняли очень друг друга. Я всегда была быстрая, не могла усидеть пяти минут на одном месте. И вообще любила заниматься всякими активными делами - теннисом, спортивными всякими вещами страшно увлекалась. А Светлана наоборот - ей бы диванчик, книжечку. Как раз то, чего мне не хватало. И я поневоле тоже бралась за книгу.

Так мы друг на друга и действовали. Я ее вытаскивала из дома, куда-то пойти, что-то сделать, на улицу там и все прочее. Поэтому мы друг другу очень подходили. Совершенно разные были, абсолютно. Но в тоже время дополняли друг друга. И мне ее, конечно, не хватало.

В Барвихе рядом жила дочь министра культуры Михайлова, я потом с ней дружила. Но все уже было не то. При том, что Светланина дача находилась рядом. Но она уже со мной не здоровалась.

Проходила мимо и отворачивалась, смотрела в другую сторону. Она тогда уже была замужем, у нее был маленький мальчик, Иосиф».

Последним увлечением дочери Сталина на родине стал Браджеш Сингх коммунист из Индии. Это уже был гражданский брак.

По воспоминаниям друзей, Светлана знала, что благодаря этой связи у нее получится уехать из Советского Союза. Официально она уехала в Индию, чтобы похоронить прах гражданского мужа.

Сингх был намного старше Светланы. Они познакомились, когда он уже был болен. Людмила Шверник (дочь последнего сталинского председателя Президиума Верховного Совета СССР Николая Шверника), которая жила в Доме на Набережной, в квартире по соседству со Светланой Аллилуевой, рассказывала знакомым страшные вещи.

Как-то она зашла к Светлане за солью. Открылась дверь и Людмила Николаевна увидела незабываемую картину: на полу в коридоре стоял таз с водой, возле него - множество сосудов с лекарствами. Над тазом сидел индийский друг Светланы и та какой-то щеточкой омывала ему ноги. При этом, по воспоминаниям Шверник, это были ноги сильно больного человека - черного цвета, одна сплошная рана.

Сингх знал о своей смертельной болезни и потому все время пытался заглушить боль алкоголем. Но для Светланы Аллилуевой это не имело никакого значения. Для нее самым главным была возможность покинуть страну, которая у нее появилась после

смерти гражданского мужа.

Марфа Максимовна продолжает:

- Как-то мы сидели со Светланой на балкончике у нас, на Малой Никитской, это моя комната была. А тогда, после войны, масса иностранцев в Москву приехала, англичан много. В этот день все они шли в дом молотовский, дом приемов МИД так называли. И тогда Светлана вдруг говорит: «Вот бы где я хотела жить».

И так она в итоге и сделала. Получается, мысль уехать возникла у нее, когда она еще девчонкой была.

О том, что Светлана осталась за границей, я, по-моему, услышала по БиБиСи.

Неожиданностью это для меня не стало. Я знала, что она несчастный человек. И патриоткой она никогда не была. Потому что видела, что происходит. Очень многое видела.

У меня хранится газета со статьей Светланы «Я всегда ненавидела советскую Россию».

Я потом думала, как же она могла оставить детей и уехать. И, в конце концов, ответила для себя на этот вопрос. Понимаете. Мать ее была не очень душевно здорова. Брат матери просто был сумасшедший. И сестру, Анну Сергеевну, мы тоже хорошо знали. Она приходила к маме. Она вернулась из лагеря совсем больной.

Потом Светлана звонила своим детям, но они не хотели с ней разговаривать. Они так ее и не простили.

Когда Светлана в 1984 году приезжала в СССР, мы с ней не встречались. Мало того, интересный случай произошел. Я сидела на балконе на Малой Никитской. А Светлана с дочерью проходили мимо. Она девочке все время что-то рассказывала. Вижу, рукой показывает на наш дом и что-то говорит. И замечает, что я на балконе сижу. Но она даже не поздоровалась. И я, естественно, тоже промолчала. Хотя когда издали ее увидела, хотела позвать .

При том, что ссоры между нами не было. Видимо, Серго не могла мне простить. Даже спустя столько лет. Смешно даже.

Мы со Светланой после ее отъезда так больше и не поговорили. Но я читала ее книги, очень хорошие.

Да она вообще способная была. Хотела поступать на литературный факультет. Отец запретил: «Пойдешь на исторический». И она пошла.

Часто ее вспоминаю. Недавно ко мне приезжала наша общая подруга, Алла Славуцкая, дочь посла СССР в Японии в 1940 году.

Мы с ней сидели, о Светлане говорили. Алла очень жалела ее, говорила, что ей было плохо из-за того, что она уехала. А яне согласилась - ну почему плохо, если она этого все время хотела. И

смогла избежать того, чтобы на нее пальцем показывали.

Это ее все время бесило, когда люди - она видела - шепчутся: «Смотри, смотри, там эта».

Это же ужасно. Алла считает, что Светлана большую ошибку сделала. А я считаю, что никакой ошибки не было.

Светлана прожила свою жизни так, как считала нужным. Это был ее выбор.

В Америке Светлана прославилась, написав книгу воспоминаний «Двадцать писем другу». И неплохо, как говорили, на этом заработала - порядка двух с половиной миллионов долларов.

Ее американским мужем стал архитектор Питерс. Его предыдущая жена погибла в автокатастрофе. Каково было изумление Аллилуевой, когда на могиле первой жены своего супруга она увидела памятник, на котором было выбито ее имя - «Светлана Питерс». Дело в том, что в США Аллилуева первым делом поменяла фамилию, тем более, что у нее появилось для этого законное основание. Потом уже она изменила и свое имя, сократив его до последних четырех букв.

Собственно, сам брак архитектора и эмигрантки из СССР устроила мать погибшей - женщина решила, что в облике Светланы к ней вернулась дочь. Ту ведь тоже звали Светлана.

Брак с Питерсом не оказался долгим, но его результатом стало появление на свет девочки, которую нарекли Ольгой.

В 1984 году Светлана Аллилуева приняла решение вернуться в СССР и провела здесь несколько лет. Ей немедленно было возвращено советское гражданство. Однако жизнь в Москве не заладилась, отношения с оставленными детьми восстановить так и не удалось. И дочь Сталина приняла решение уехать в Грузию.

В Тбилиси она приехала в 1985 году. Ей выделили трехкомнатную квартиру в доме для работников ЦК партии Грузии, предоставили персональную «Волгу» с водителем.

Одной из тбилисских знакомых Светланы стала Мали Кандарели-Лиу, дочь грузинки и китайца.

«Светлана захотела, чтобы ее дочь Ольга, вместе с которой она приехала из Америки, занималась живописью.

Помню, мне позвонили из ЦК партии Грузии и сказали, что я должна стать ее педагогом. Я отказалась, так как не знала, как мои занятия с внучкой Сталина скажутся на родственниках в Китае. Тогда меня уговорили преподавать Ольге на дому. И то я ездила к ней, то саму Ольгу привозил к нам закрепленный за ними водитель.

Она оказалась очень способной девочкой. Уже через год почти без акцента говорила на грузинском и свободно распевала

народные песни.

А ее мать была вовсе не такой вредной и злобной женщиной, как о ней многие думают. Правда, была очень резкой. Когда во время ее первого визита в наш дом мой муж спросил, как к ней обращаться, может, Светлана Иосифовна, она довольно недружелюбно ответила: «Я никакая не «Иосифовна»! Я просто Светлана!»

Аллилуева была верующим человеком и часто ходила к нашему Католикосу. А еще ее отличала удивительная чуткость.

На одной из выставок, уже после нашего с сыном отъезда в Китай (мы тогда впервые решили навестить наших родственников), она встретила моего мужа и поинтересовалась, как мы добрались до Пекина. А услышав в ответ, что мы полгода не можем в Москве купить билеты, дала телефон, по которому надо было позвонить и нам должны были помочь. Мы так и сделали и без проблем купили билеты.»

В Грузии Светлана Аллилуева тоже долго не задержалась. И снова уехала за границу.

О дальнейшем развитии событий в ее жизни можно судить по газетным и журнальным публикациям.

Говорили, что за всю свою жизнь Светлана Сталина-Аллилуева-Питерс переезжала с места на место около 40 раз. Потому, наверное, в одном из интервью и сказала, что чувствует себя улиткой, которая носит свой дом на спине.

Дочь Светланы, родная внучка Сталина, Ольга тоже в итоге сменила имя. Сегодня она Крис Эванс (фамилия -бывшего мужа, имя - в честь героини любимой американской кинокомедии), владелица небольшого магазинчика «Три обезьяны» в Портленде, штат Орегон.

Крис говорит, что в последние месяцы жизни матери регулярно созванивалась с ней. В шесть часов вечера они брали в руки по бокалу вина и говорили по телефону.

Светлана закончила свои дни в пансионе для престарелых в штате Висконсин. Читала, рисовала и писала письма.

Соседка Светланы рассказывала журналистам, что самым близким существом для дочери Сталина был кот. Его смерть она оплакивала горькими слезами. Которые соседи на ее лице увидели впервые.

Глава 6. Земляки

Он родился в Грузии и провел здесь детство и юность. Влюбился, женился, родил сына. И здесь же, в Тифлисе, познал первое поражение.

Может, в том числе и потому Грузии Сталин предпочитал Россию - не только в географическом отношении.

В архивах сохранилось воспоминание очевидца, который присутствовал на выступлении Сталина в железнодорожном депо Тифлиса почти сразу же, после установления в Грузии Советской власти.

Поднявшись на трибуну, Сталин заговорил по-русски. Неожиданно для него собравшиеся потребовали, чтобы он говорил по-грузински.

Но Сталин ответил: «Я говорю на языке русской революции!»

Светлана Аллилуева вспоминала:

«Брат мой Василий как-то сказал мне в те дни: «А знаешь, наш отец раньше был грузином». Мне было лет 6, и я не знала, что это такое - быть грузином, и он пояснил: «Они ходили в черкесках и резали всех кинжалами». Вот и все, что мы знали тогда о своих национальных корнях. Отец безумно сердился, когда приезжали товарищи из Грузии и, как это принято - без этого грузинам невозможно! - привозили с собою щедрые дары: вино, виноград, фрукты. Все это присылалось к нам в дом и, под проклятия отца, отсылалось обратно, причем вина падала на «русскую жену» -маму. А мама сама выросла и родилась на Кавказе и любила Грузию, и знала ее прекрасно, но, действительно, в те времена как-то не поощрялась вся эта «щедрость» за казенный счет.

Для всех, - для бабушки с дедушкой, для мамы, Грузия, с ее солнечным изобилием, с ее горячими чувствами, с ее изяществом, врожденным у князей и крестьян, - этот необыкновенный край, воспетый русскими поэтами, жил в нашем доме совсем не потому, что это была родина отца. Как раз он сам, быть может, меньше всех ею восхищался; он любил Россию, он полюбил Сибирь, с ее суровыми красотами и молчаливыми грубыми людьми, он терпеть не мог «феодальных почестей», оказываемых ему грузинами. Он вспомнил Грузию лишь когда постарел».

Анна Ларина, вдова расстрелянного сталинского соратника Николая Бухарина, писала:

«Сталин не щадил и грузин, уж в национализме и семейственности его никак не упрекнешь. Вот тут-то он чист перед историей. Родственников своих, Сванидзе и Аллилуевых,

обрек он на самоубийства, казни и лагеря. Привыкшие к мягкому, теплому климату, грузины первыми гибли на Севере. Расстреливали их в огромном количестве. В процентном отношении репрессированных к остальному населению едва ли не первое место им-то принадлежит. Да и по проклятьям, которые слали они вождю и даже матери его, подарившей грузинскому народу такого сына, тоже брали они в лагерях первенство. С грузинским темпераментом проклинали».

Грузия платила Сталину взаимностью. Когда он отдавал предпочтение России, она тоже не особо жаловала своего сына. Тем более, что оснований для любви он не давал - репрессий в отношении земляков было чрезвычайно много.

В последние годы, когда Сталин вспомнил и вновь полюбил родной край, Грузия, кажется, тоже открыла ему свое сердце. И первая встала на защиту его памяти.

При этом, надо отдать должное, во все времена своего правления Сталин жаловал художников - в самом широком смысле этого слова - из родного Тифлиса-Тбилиси. У него было несколько любимцев, с которыми он мог говорить на родном языке.

Нино Рамишвили

В январе 1937 года в Москве состоялась декада грузинского искусства. Среди концертных номеров, которыми советская Грузия должна была покорить столичного зрителя, значился и народный танец в исполнении Илико Сухишвили и Нино Рамишвили. В последний момент Нино выйти на сцену не позволили - слишком уж неприятные ассоциации вызвала ее фамилия у коммунистического начальства. Во времена короткой независимости Грузии однофамилец танцовщицы Рамишвили был вице-президентом Грузии. В результате на выступление Нино был наложен запрет.

Однако на прием, который в Кремле для участников декады устроил Иосиф Сталин, Нино Рамишивили попала.

Как жена танцовщика Илико Сухишвили, чей номер привел вождя в восторг. Правда, в список награжденных он не вошел. Судя по всему, за то, что выбрал себе жену с такой неблагонадежной фамилией.

Когда Сталину принесли на подпись список будущих лауреатов, тот удивился: «Почему так мало людей?» И Берия принялся в буквальном смысле бегать среди гостей, внося их

имена в список прямо во время приема. На сей раз обойти вниманием Илико Сухишвили уже не удалось.

Лично поздравляя получивших ордена, Сталин обходил ряды участников декады. Сухишвили представил ему свою спутницу. «Ваша фамилия Рамишвили? - переспросил женщину Сталин. - А у нас разве не все меньшевики еще арестованы?»

Дело в том, что во время первого после октябрьского переворота 1917 года приезда Сталина в Тифлис его выступление в железнодорожном депо завершилось провалом. Его буквально вытолкали из здания, а перед собравшимися блистательно выступил старейший социал-демократ Исидор Рамишвили. Взбешенный Сталин в ту же ночь покинул Тифлис.

Так что с фамилией Рамишвили у него действительно были связаны неприятные воспоминания.

«Бабушка потом рассказывала, как, услышав вопрос Сталина, испугалась, что ее арестуют прямо в зале Кремля, -рассказывает внучка Нино Рамишвили, которую в честь нее тоже назвали Нино. - Несмотря на то, что все обошлось, на протяжении всего банкета она ловила на себе пристальный взгляд Берии, который тот посылал в ее сторону из-под своего пенсне».

Через несколько лет Рамишвили поймет причину такого внимания могущественного начальника сталинских чекистов. Берия пригласил Рамишвили в номер гостиницы «Националь», который всегда был закреплен за хозяином Лубянки. Посадил гостью за накрытый стол и принялся открыто ухаживать за ней.

«Почему вы позволяете себе так вести со мной? - поставила его на свое место Нино. - Потому что вы Берия? Вы забыли, что перед вами замужняя женщина?»

К счастью, никаких последствий подобная отповедь для нее не имела. «Не нажимайте на мою больную мозоль, -только и ответил ей Берия. - Вы же не думаете, что все женщины благосклонны со мной только из-за моей фамилии?»

Впрочем, причина безнаказанности Рамишвили была вовсе не в великодушии Берии или везении танцовщицы. К тому времени грузинские танцы в исполнении Илико Сухишвили уже пользовались любовью Сталина. И обижать жену любимца вождя хитрый палач не решился.

Благосклонность Сталина к Сухишвили проявилась уже во время того январского приема в Кремле. После ужина Илико исполнил для высоких гостей один из своих номеров, который пришелся его всесильному земляку (Сухишвили, как и Сталин, тоже родился в Гори) по душе.

«Как ты образован в ногах! - сказал ему вождь. - Я сегодня добрый, проси чего хочешь!»

Помощники уже приготовились записывать перечень просьб Илико - квартиру, дачу, машину. Традиционный список, с которым новоявленные фавориты обычно обращались к Сталину. У Сухишвили на тот момент не были ничего из перечисленного - вместе с молодой женой и ее родственниками они жили в двух комнатах коммунальной квартиры в Тбилиси.

Но ответ танцора оказался для всех неожиданным: «Я хотел бы получить фотографию с вашим автографом». Сталин внимательно посмотрел на Сухишвили, похлопал его по плечу и произнес: «А ты молодец, парень!»

И уже на следующий день в гостиничный номер, в котором остановились Илико и Нино, явились посыльные из Кремля и вручили посылку - портрет вождя с его подписью на грузинском: «Илико Сухишвили от Иосифа Сталина».

Время показало, что выбор Илико был более, чем верен. Фото Сталина с автографом, висящее на самом видном месте в квартире Сухишвили и Рамишвили, не раз выручало хозяев, когда к ним приходили непрошенные гости из грозных организаций. Видя в коридоре документальное свидетельство дружбы адресатов с самим Сталиным, люди в форме уходили ни с чем.

А награды от них все равно никуда не делись. Когда несколько лет спустя Сталину принесли на подпись очередной список лауреатов Сталинской премии и он увидел фамилию своих грузинских любимцев в перечне представленных на вторую степень, то спросил помощника: «А почему Сухишвили и Рамишвили получают только вторую степень?» Услышав в ответ, что для получения премии первой степени им не хватило двух голосов членов государственной комиссии, Сталин кивнул в сторону сидящего в его кабинете Ворошилова: «Надеюсь, моего голоса и голоса Климента будет достаточно?»

И танцоры стали лауреатами Сталинской премии первой степени и громадной по тем временам суммы денег - 100 тысяч рублей.

В 1935 году на международном фестивале танца, проходившем в лондонском Альберт-холле, Илико Сухишвили был удостоен золотой медали. Которую получил из рук королевы Англии, супруги Георга Шестого, в Букингемском дворце. Нино Рамишвили на торжестве мужа присутствовать не могла, так как считалась «невыездной». Об аудиенции Илико у королевы она узнала из его рассказа. Как и о встрече со Сталиным, который то ли в шутку, то ли всерьез спросил Сухишвили, зачем тот поцеловал королеву.

«Ну откуда же мне, деревенщине, было знать, как надо обращаться с монархами», - нашелся что ответить Сухишвили.

Илико и Нино прожили долгую и успешную жизнь.

Сухишвили не стало в 1985 году, а его Нино спустя 15 лет.

Тамара Цицишвили

Еще одной землячкой Сталина, покорившей Москву на декаде 1937 года, была актриса Тамара Цицишвили. Настоящей звездой она стала после выхода на экраны фильма «Дарико».

Историю легендарной грузинской красавицы-актрисы мне поведала ее дочь, Манана Гедеванишвили.

- Мама рассказывала мне о своем детстве. Вспоминала, как однажды ее пригласил в гости крестный, приближенный к царскому Двору человек. Херхеулидзе его фамилия. Это случилось еще до прихода к власти в Грузии большевиков в 1921 году.

Мама, ей тогда было лет 13, говорила, что гости долго не садились за стол, кого-то ждали. И вот, наконец, пришли два молодых человека. Правда, страшно мрачных, за весь вечер они, кажется, ни разу не улыбнулись. От одного из них мама не могла отвести взгляд, сразу влюбилась. Через полтора часа гости ушли. Когда мама спросила, кто это был, ей ответили: «Великий князь Дмитрий Павлович».

Со Сталиным мама увиделась много лет спустя. В Москве это произошло. Вообще, она была филологом по образованию, работала в музее. С Рене Шмерлинг (известный искусствовед, автор многих книг об истории и росписях храмов, - прим. И. О.) всю Грузию объездила, снимала копии фресок в церквах. Мама хотела даже поступить в аспирантуру.

А потом ее нашел режиссер Сико Долидзе и предложил сняться в кино. Когда на экраны вышел фильм «Дарико», Тамара Цицишвили стала звездой. Фильм шел в кинотеатрах шесть месяцев подряд, такого до этого еще не бывало. И в результате мама увлеклась кино, это стало ей интересно. Она решила стать актрисой и начала сниматься.

Ее знала и любила вся Грузия. Мама по улице не могла ходить. Один раз ее в магазине забаррикадировали - она зашла сделать покупки, а магазин снаружи обступил народ, и выйти было уже невозможно.

«Дарико, Дарико идет,» - кричали ей вслед дети, называя по имени ее самой известной героини. Мама пыталась их обмануть: «Я не Тамара Цицишвили».

В 1937 году в Москве проходила декада грузинского

искусства. Мама танцевала в ансамбле у Пачкория. Это был ансамбль, представлявший Западную Грузию (регион Имеретии, Гурии, Мегрелии - прим. И. О.), а другой ансамбль, под руководством Кавсадзе, был из Кахетии, он представлял Восточную Грузию.

Мама, кстати, очень хорошо танцевала лезгинку. После концерта в Кремле устроили прием. Во время танцев мама стояла где-то в сторонке.

Она рассказывала, что к ней неожиданно буквально подлетел Берия: «Идемте со мной». И подвел к Сталину, тот с трубкой стоял и смотрел на танцующих. Берия представил ему маму. Потом оказалось, что Сталин сам попросил познакомить его с Цицишвили, он ее знал по фильму «Дарико».

Вдруг к маме подошел какой-то генерал и пригласил на танец. Они станцевали, и мама снова отошла в сторону. Опять к ней подбежал Берия: «Куда я вас поставил? А вы где сейчас стоите?» Такой злой почему-то был, мама рассказывала. Он снова потащил ее и поставил возле Сталина.

Когда маму в другой раз опять пригласили на танец, она согласилась, но попросила кавалера после вернуть ее на то место, где она стояла.

Это была ее первая встреча со Сталиным. После этого Берия начал звонить ей каждый вечер. Папа - они с мамой остановились в гостинице «Москва» - боялся этих звонков, у него же всех репрессировали.

Берия просил маму о встрече, но она отказывалась. В конце концов сказала: «Я никуда не хожу без своего мужа». Главный чекист разозлился и бросил трубку. Какое-то время телефон молчал. Папа уже на чемоданах сидел, готовый к самому страшному.

Наконец, Берия позвонил снова: «Через полчаса за вами заедут». Мама растерялась - как следует одеваться, теплое брать или вечернее.

Ровно через тридцать минут в номер постучал офицер и отвел родителей в лимузин. Мама глянула за окно - везут куда-то за город. Доставили к какой-то даче, как оказалось потом, этом была дача Молотова. Там был устроен банкет человек на 50. Такое было русско-грузинское застолье с песнями.

Около часа ночи к маме снова подошел офицер и сказал: «Вы с мужем встаньте и выйдите в коридор». Они опять не знали, куда и зачем их зовут.

Вышли - а в коридоре стоит Сталин. Я потом спрашивала маму, каким он был. «С трубкой, такой старый добрый дядюшка Джо», - ответила она. Почему-то мама так его называла. А сколько

ему было-то на тот момент? Чуть за пятьдесят.

Сталин в тот момент, когда его увидели родители, обувал калоши. Хотя тут же машина стояла около крыльца. Мама и папа не шелохнулись, ждали, пока он вторую калошу наденет. Наконец, надел и вышел. Мама и папа -следом за ним.

Опять ехали-ехали, опять оказались на какой-то даче. Зашли - в большой комнате горит камин и возле него Сталин, который приехал раньше. Он обернулся: «А пришли, мои дорогие? А я для вас вино нагреваю». Подал бокал маме, папе и они начали пить. Кроме них, в комнате никого не было.

Мама неплохо потом об этом вечере отзывалась. Папа никогда хорошо не говорил. А мама вспоминала: «Лицо у него было хорошее, пел хорошо».

В это время в зал зашла девочка с белым бантом. Сталин сказал маме: «А это моя хозяйка, моя Светлана».

Постепенно стали гости собираться, человек пятнадцать их было. Опять маму рядом со Сталиным посадили. И тот предложил, раз рядом сидит Цицишвили, спеть цициановское «Мравалжамиер» (грузинская песня-пожелание долголетия, - прим. И. О.)

Мама пыталась отказаться: «Это труднейшая песня, мои папа и дедушка пели, аяне могу». Сталин вздохнул: «Тоже мне, княжна».

Обратился с этим же предложением к Пачкория и Кавсадзе. Но и они отказались. «Тоже мне певцы! - воскликнул Сталин. - Тогда я вам спою».

И действительно спел - от начала и до конца. Мама говорила, что у него был очень хороший голос, ни одной ошибки не сделал.

За столом они разговаривали на русском и грузинском. Сталин спросил у мамы, как поживает Леван Цицишвили, ее дядя.

- Он первым мне рассказал о марксизме. Я иногда десять километров проходил пешком, чтобы его послушать, -сказал хозяин дома.

Мама ответила, что Левана расстреляли. Сталин удивился:

- Как?!

- Да, убили.

Сталин стукнул кулаком по столу:

- Как можно убивать таких людей, как Илья Чавчавадзе, Леван Цицишвили?

Мама очень хорошо его показывала, когда об этом рассказывала. Затем Сталин обратился к Сандро Кавсадзе.

- Ты почему проиграл Пачкория на декаде?

Тот побледнел:

- Так самых лучших моих запевал арестовали.

- Кого именно?

За столом повисло молчание, никто не называл фамилии. Тут мама говорит: «Я знаю, кого. Двоих стариков». И назвала их имена. Берия так на нее посмотрел, что у папы мурашки по коже пошли.

Сталин тут же повернулся к Берии: «Лаврентий, запиши эти фамилии». Тот достал какую-то толстую тетрадь, но Сталин поправил: «Не туда запиши, а вот сюда». Достал из кармана маленькую красную книжицу и сказал: «В эту запиши».

А Берия, видно, просто не хотел допустить, чтобы на декаде проиграли мегрелы. Он же сам был мегрел.

Папа на протяжении того вечера находился в полуобморочном состоянии.

Когда грузинская делегация вернулась в Тбилиси, Сандро Кавсадзе пригласил родителей на концерт. И там уже присутствовали эти старики, которых освободили из лагеря. Когда мама зашла за кулисы, все стали кричать: «Тамара пришла, Тамара пришла».

А Сталин в тот раз маме часы подарил. На них было написано: «От ЦИК».

Семья Кавсадзе

Сандро Кавсадзе, чье имя упоминала дочь Тамары Цицишвили, был близким другом Сталина. Историю своей семьи мне рассказал внук главного героя, популярный актер Кахи Кавсадзе.

- Моего деда звали Александр, Сандро. Он родился в 1873 году и был на пять лет старше Сталина, с которым вместе учился в Горийском духовном училище. Для детей пять лет - это большая разница. Если вам семь, а мне двенадцать - то между нами пропасть. Маленький Сталин пел в хоре, которым руководил мой дед. И воспринимал Сандро, как учителя.

Когда в 1937 году в Москве проходила декада грузинского искусства, то на гастроли поехал и коллектив деда. После выступления артистов пригласили на банкет в Кремле. Дед рассказывал, что Сталин вышел к гостям с небольшим опозданием. Все это было, конечно, красиво срежиссировано. Едва он появился в дверях, как весь зал взорвался криками восторга и аплодисментами.

Сталин пару секунду послушал обрушившуюся в свою честь лавину народной любви, и поднял правую руку, ладонь которой была обращена к собравшимся. Как по мановению, зал тут же

погрузился в тишину. Все не то, что говорить, дышать боялись. И вот в этой тишине Сталин тихо произнес: «Сандро здесь?» Он искал моего деда.

Толпа расступилась. Образовался живой коридор, с одной стороны которого стоял Сталин, а с другой - мой дед. И оба не двигались с места. Дед же был старше Сталина, к тому же являлся его учителем. Но и положение Сталина тоже было непростым - он ведь был вождь. В итоге они оба пошли навстречу друг другу и встретились аккурат в центре этого образованного из артистов коридора.

Сталин обнял деда со словами «Какой красавец!» На что дед ответил: «Я всегда был красивее тебя». Все замерли. А Сталин рассмеялся: «Ты совсем не изменился», и пригласил деда к своему столу.

Когда было поднято несколько тостов, Сталин обратился к деду с предложением: «Проси, чего хочешь!» И дед попросил - трубку, которую в тот момент курил Сталин. Вождь опять улыбнулся. И со словами: «А ты и правду все такой же», положил трубку в чехол и протянул деду.

Все это и сейчас хранится у меня дома. Чуть рваный чехол, который таким и был у Сталина, и трубка, которая потом долгие годы сохраняла аромат сталинского табака.

Незадолго до смерти деда положили в кремлевскую больницу. В один из дней ему принесли письмо Сталина. На грузинском языке тот писал: «Мне сказали, что вы больны - это плохо. Но говорят, что должны поправиться - это хорошо. Живите тысячу лет, ваш Сосо». Годы спустя это письмо очень поможет нашей семье.

Деда не стало в 1939 году. Его место в ансамбле занял мой отец Давид, который был не только замечательным певцом, но и очень хорошим руководителем.

Я храню большую фотографию, на которой запечатлен весь коллектив под руководством Давида Кавсадзе. На первом плане - отец и тогдашний председатель комитета по культуре Грузии. Только отец стоит на несколько сантиметров впереди него. Подобная вольность стоила отцу жизни.

Когда началась война, все танцоры и певцы ансамбля Кавсадзе получили бронь. Не было ее только. у руководителя, моего отца. И его призвали на фронт. Потом выяснилось, что бронь на него, конечно же, была. Вот только по каким-то причинам ее не смогли вовремя обнаружить. Понятно, что таким образом председатель комитета по культуре отомстил отцу.

В 1942 году под Керчью было страшное сражение. Очевидцы рассказывали, что даже море горело. Причем в буквальном

смысле - была разлита нефть и все вокруг полыхало. Отец принял участие в той битве. Она напоминала гражданскую войну, так как на стороне немцев воевали грузины, вступившие в ряды отряда «Белый Георгий», которым обещали, что после победы Гитлера Грузии будет возвращена независимость.

К нам в Тбилиси пришла похоронка. Целый год мама получала дополнительную пенсию. А потом оказалось, что отец жив.

На самом деле он попал в плен. Немцы тогда предложили всем пленным грузинам: «Если у вас за границей есть родственники или знакомые, пусть они напишут нам и мы вас освободим». Фашисты настолько были уверены в своей скорой победе, что иногда совершали такие вот неожиданные поступки.

У отца родственников за границей не было. Но друзья были - те, кто покинул Грузию в 1921 году после того, как страна потеряла свою независимость и стала одной из советских республик.

Имя Давида Кавсадзе знали за границей и кто-то написал письмо, что готов взять отца к себе. И его не только освободили, но и предложили создать из пленных такой же ансамбль, каким отец руководил в Грузии. Он ходил по лагерям смерти и искал грузин. Заходил в барак, обитатели которого вот-вот должны были отправиться в газовую камеру и по-грузински говорил: «Если есть грузины, выходите». И ему порою отвечали: «Я армянин из Авлабара», «Я азербайджанец из Кахети», «Я еврей из Кутаиси», «Я русский из Сололаки». И всем им отец говорил: «Выходи».

Когда какой-то немецкий офицер выразил неудовольствие, зачем отцу так много народа, папа ответил: «Сначала надо собрать людей, а потом уже решим - кто способный, а кто - нет». И если из пленных кто-то действительно не мог петь, отец помогал ему подлечиться и бежать.

Когда я уже стал актером и приехал на гастроли в Австралию, ко мне подошел один человек. «Вы ведь сын Давида Кавсадзе? Ваш отец спас мне жизнь». Он пригласил меня в гости и за накрытым столом поведал историю своего спасения. «Я вышел из строя, но честно признался, что петь не умею. И ваш отец сказал, чтобы я не переживал, а поправлялся и бежал при первой возможности. Так я в итоге и оказался в Австралии».

Одним словом, отец создал ансамбль. Новоявленных артистов одели в грузинские национальные костюмы и позволяли устраивать концерты. А нам в Тбилиси сообщили, что наш отец не пал смертью храбрых, а попал в плен. А это означает, что он - изменник Родины и никакая пенсия нам не полагается.

Мало того, маму обязали вернуть те деньги, которые она успела получить за то время, пока отец считался погибшим. Я хорошо помню, мне тогда было семь лет, как мама из своей и без того скудной зарплаты возвращала деньги. Мы едва могли сводить концы с концами. Но все равно мы были счастливы - наш отец был жив.

Однажды ночью в дверь кто-то постучал. Мама открыла дверь, но никого не увидела. Лишь на коврике белел маленький лист бумаги. Оказалось, это была фотография, на которой был изображен отец и его новый коллектив.

Окончание войны в 1945 году отец встретил в Париже, где его ансамбль пользовался большим успехом. Их уже собирались отправить на гастроли в Америку, как к отцу явился какой-то человек и принялся убеждать его вернуться в Советский Союз. Там, мол, его давно простили и он сможет воссоединиться со своей семьей и трудиться на благо родины. И отец поверил этим обещаниям.

Приехав в Москву, он первым делом отправился к Михаилу Чиаурели (знаменитому кинорежиссеру, снявшему несколько фильмов о Сталине, - прим. И. О.). Тот попытался убедить отца не ездить в Тбилиси. Один из любимцев Сталина, Чиаурели знал, что в Грузии отца обязательно арестуют. Но прямо сказать об этом он не мог. Равно как и уговорить отца остаться в Москве.

А случись это, вся его жизнь могла бы сложиться иначе. Чиаурели мог бы взять его на одну из встреч с вождем и там представить, как сына того самого Сандро Кавсадзе, которого так любил Сталин. После этого отца бы никто пальцем тронуть не посмел. Но все произошло именно так, как произошло.

Из Москвы папа позвонил нам: «Встречайте, поезд такой-то, вагон такой-то». В назначенный день мы примчались на вокзал, но отца в вагоне не было. Как потом оказалось, его арестовали в Сочи. А мы смогли увидеть его уже только в КГБ, когда нам позволили свидание.

Мы вошли в комнату и увидели поседевшего усталого мужчину, в котором с трудом узнали отца. Первое, что ему сказала мать: «Это твои дети», и указала на меня с братом. Мне тогда было десять лет, а брату восемь. Папа посадил нас к себе на колени и первым делом спросил: «Музыке учитесь?» Конечно, мы учились.

Потом отца приговорили к ссылке в Свердловскую область. Мы об этом узнали, когда в очередной раз принесли передачу в тюрьму и у нас отказались ее принять. «А вот оттуда он уже не вернется», - горько произнесла мама.

У нас дома в тот же день устроили обыск - мы уже

официально считались членами семьи врага народа. Вся квартира была перевернута вверх дном. «Вы что, письма Гитлера ищите?» - спросила у солдат мать.

Как мы потом поняли, они искали ту самую фотографию, которую нам сумел переслать отец во время войны. А мать, как только раздался стук в дверь и она догадалась, зачем к нам пришли, спрятала это фото у себя на груди. Там искать энкавэдэшники не осмелились. И эта фотография у нас сохранилась.

В результате обыск ничем не закончился, но нас фактически лишили квартиры - две комнаты из трех были опечатаны. И тогда мать отправилась в Москву, к Сталину. Чтобы добиться встречи с вождем, она позвонила Эгнаташвили, коменданту Кремля, который, как все говорили, приходился Сталину родным братом по отцу.

Тот принял маму, но сказал, что встречу со Сталиным он может попытаться организовать лишь через несколько месяцев. Так долго оставаться в Москве мама не могла - в Тбилиси же были мы с братом. И тогда она показала Эгнаташвили то самое письмо, которое деду прислал в больницу Сталин.

Письмо произвело впечатление и Эгнаташвили устроил маме встречу с одним из больших чиновников КГБ. Тот бережно достал письмо из конверта (на нем по-русски было написано: «Товарищу Александру Кавсадзе от И. Сталина») и нежно, словно боясь причинить ему боль, обеими руками положил листок на стол перед собой.

«На своем пишет», - прокомментировал он, увидев грузинские слова. А потом продолжил: «Вы даже не представляете, что вы имеете! С освобождением мужа я вам ничем помочь не могу, это не входит в мою компетенцию. А вот с квартирой мы вопрос решим сегодня же».

И правда, мама находилась еще в Москве, когда к нам пришли офицеры и сорвали с запертых дверей печати.

Отец прожил в ссылке семь лет. Мама лишь один раз смогла съездить к нему. Устроившись проводником товарного состава, она оставила нас с братом у своей сестры, и поехала к отцу. Только в один конец дорога занимала больше месяца.

А так мы обменивались с отцом письмами и фотографиями. Он все удивлялся - неужели на самом деле мы с братом так быстро растем. Мы отправляли ему карточки: на одной стою я, затем мама, и, наконец, самый маленький по росту, мой брат. На другом фото уже другая композиция: я, мой брат, и самая маленькая - мама.

В 1952 году мы хоронили сестру матери. Помню, было очень

жарко на улице и вдруг у меня началась какая-то дикая истерика: я принялся рыдать и не мог остановиться. Потом мы узнали, что аккурат в это мгновение в ссылке умер мой отец. Спустя время нам вернули его вещи - письма и наши фотографии, которые он хранил.

Мамы не стало, когда ей было 68 лет. Она умерла у меня на руках. Никогда не забуду, как она изогнулась, ее глаза потеряли фокус, а с уст сорвалось имя отца: «Даташка». И она ушла навсегда.

25 февраля 1956 года в Москве на XX съезде партии был прочитан Доклад Хрущева о культе личности, а уже в начале марта о нем знала вся Грузия. Поначалу митинги собирались у памятника Сталину и носили мирный характер. Я с друзьями тоже был там, мы даже принесли к памятнику огромный венок из цветов.

Толпа была громадная, наверное, в несколько тысяч человек. Памятник стоял на двух мраморных плитах, обрамлявших постамент справа и слева. На одну из этих плит, как на сцену, поднимался очередной выступающий и говорил речь.

Помню, рядом со мной в толпе стоял один мой знакомый. И вдруг он, почти не размыкая губ, говорит мне: «Хочешь я сейчас всю толпу поставлю на колени?» А, надо заметить, он был прирожденным трибуном, у него даже рот, когда он начинал говорить, словно складывался в трубочку-рупор. Но одно дело пламенно и громко произносить речи, а другое - поставить на колени тысячи человек, да еще возле памятника Сталину.

Разумеется, я ему не поверил. И тогда Илико, хитро посмотрев на меня, зычно произнес: «Да здравствует товарищ Сталин, человек, которому мы верили, вместе с которым победили в войне» и далее в этом духе. И когда толпа уже полностью была под обаянием его выступления, он неожиданно закричал: «На колени!» И тысячи человек опустились на колени. Это было очень страшное зрелище! Чем вообще страшен митинг? Там нельзя выражать мнения, отличного от точки зрения собравшегося большинства. И если бы кто-то позволил себе в тот момент не встать на колени, его бы просто разорвали на месте.

Мой приятель трижды то поднимал толпу с колен, то заставлял на них опуститься. Когда все закончилось, он хитро посмотрел на меня. Вот, мол, а ты сомневался. С тех пор я никогда не хожу на митинги. А когда их вижу, то начинаю искать в толпе человека, который может в любой момент крикнуть: «На колени!»

Митинги продолжались несколько дней, народ даже на ночь не расходился. По городу ездили грузовые машины, на открытых

кузовах которых стояли переодетые в костюмы Ленина и Сталина артисты. И когда машины делали остановку, толпа скандировала: «Ленин, поцелуй Сталина!» И артист в костюме Ильича целовал своего облаченного в наряд вождя всех времен и народов коллегу. Потом команда менялась: «Сталин, поцелуй Ленина!» И артисты опять исполняли волю собравшихся.

Числа 8 марта среди митингующих стали звучать такие разговоры: «Надо отправить Хрущева в отставку и поставить на его место Молотова!» Кто-то предлагал послать телеграмму Мао Цзе Дуну и попросить у него вооруженную помощь. Из уст в уста передавали, что Мао Цзе Дун уже прислал ответную телеграмму и вот-вот отправит железнодорожный состав с войсками.

Ну, этого власти уже допустить, конечно же, не могли. И на улицы Тбилиси были выведены войска. В нашей компании было пять человек. Четверым удалось спастись, а один наш друг был убит в уличной перестрелке. Мой брат в те дни пел в Опере - отменять спектакли никто не решился, это было бы равноценно объявлению чрезвычайного положения.

9 марта, когда противостояние достигло пика, мы с братом от здания Оперы, расположенного на проспекте Руставели, с трудом добрались до дома. Наши окна выходили аккурат на набережную Куры, где стоял памятник Сталину.

Солдаты сбрасывали трупы молодых людей в реку, и она была красной от крови. Все это происходило, заметьте, в 1956 году! Когда мы потом рассказывали о том, что пережили, все удивлялись - о событиях в Тбилиси никто ничего не знал.

Все было обставлено в тайне. Родственникам даже не позволили нормально похоронить своих расстрелянных детей - возле гроба позволили остаться только отцу или матери. Потом уже, спустя годы, было дано разрешение по-человечески перезахоронить этих несчастных ребят.

Когда мы с братом пришли в ту ночь домой, наша мать открыла нам дверь и, не впуская в дом, сказала: «На улице убивают ваших друзей! Вы должны быть со своим народом!» И фактически выставила нас за порог.

Мы, конечно, не пошли на улицу, это было физически невозможно: там ходили солдаты и стреляли. Мы отсиделись в подъезде и под утро вернулись домой.

С мамой о том дне мы никогда не говорили.

Один из самых популярных среди туристов домов современного Тбилиси - здание Музея искусств Грузии. Но не только уникальная коллекция картин выдающихся грузинских мастеров привлекает внимание каждого, кто оказывается в районе улицы Пушкина. Здесь в конце 19-начале 20 веков

располагалась Духовная семинария, в которой несколько лет проучился Сталин.

Раньше об этом гласила мемориальная доска. Сегодня ее, конечно же, нет. Но словосочетание «здесь учился Сталин» раздается возле музея каждый раз, когда там оказываются туристы.

Среди священнослужителей Грузии к бывшему семинаристу отношение разное. Во время встреч со Святейшим Католикос-Патриархом Всея Грузии Илией Вторым я не мог не затронуть тему личности Сталина.

- Именно благодаря Сталину в 1943 году грузинская церковь вновь стала автокефальной, - сказал Католикос-Патриарх, - Он не только к грузинской, ноик русской церкви относился с почтением. Нашим ректором (московской Духовной академии, - прим. И. О.) был протоирей Ружицкий, очень известный богослов. И он рассказывал нам со слов Святейшего патриарха Московского и Всея Руси Алексия Первого следующую историю.

Алексий Первый во время войны был митрополитом Ленинградским. Он участвовал во встрече, когда Сталин принял митрополита Сергия (местоблюстителя патриаршего престола, в будущем - Патриарха Московского и Всея Руси - прим. И. О.). На встрече был еще митрополит Крутицкий и Коломенский Николай.

С каким уважением их принял Сталин! И когда он спросил, чем помочь русской церкви, митрополит Сергий ответил: «Мы имеем право открывать храмы, и этого достаточно». На что Сталин сказал: «Нет, этого недостаточно. Открывайте духовные семинарии».

И тоже самое происходило в отношении грузинской церкви. Тогда не существовало еще общения между русской и грузинской церковью. И Сталин обратился к представителю русской церкви с вопросом: «До каких пор вы будете в таком состоянии?»

Когда Сталин приезжал в Тбилиси проведать мать, та сказала ему, что лучше бы он стал священником. Думаю, что если бы он все-таки стал духовным лицом, то был бы патриархом. А когда мать ему сказала те слова, он ими гордился.

Мог ли этот человек любить кого-нибудь? Мог! Но он был очень занят государственными делами. И ставил их выше всех личных.

Я его несколько раз видел во сне. Какие-то вещие сны были. Один вам расскажу.

Снилось мне, будто я нахожусь во дворе Кремля. И там могила - примерно полтора метра глубиной - обложена травяными плитками, дерном. Я стою возле нее. Много людей рядом. Одна женщина подошла и начала сбрасывать дерн. И

другие тоже подошли. И вдруг стал виден Сталин, без гроба. На нем коричневый костюм, из ткани, в которой раньше ходили. И когда он уже стал виден, люди прекратили сбрасывать дерн. Я смотрю на его лицо и вижу складку - от лба до подбородка. Я подумал - наверное, это от холода и мороза. И вдруг он начал двигаться. И стал живым, поднялся. Сел. И первое, что он сделал - перекрестился. Я говорю: «Бог, да Благословит Вас». Он обратился ко мне: «Ваши молитвы, очень, очень помогли мне».

Я подумал - это правительство повернется лицом к народу. И так оно и случилось. Я видел этот сон уже в начале девяностых.

Мераб Квиташвили

Воспоминаниями о Сталине делились сотни, если не тысячи людей, некоторые из которых хотя бы мельком лицезрели советского правителя.

Мне же было интересно познакомиться с рассказами тех, кто мог понять Сталина, как никто иной - его земляков. Несколько лет я собирал их свидетельства. И кажется, потратил время не зря.

Следующий рассказчик - Мераб Квиташвили, очевидец того, каким Сталин бывал в неформальной обстановке, во время Тегеранской конференции 1943 года.

Сам Квиташвили оставил Грузию в 1919 году и уехал в Англию на учебу. В 1943 году в Иране он, уже в чине капитана британской армии, отвечал за безопасность премьер-министра Англии Черчилля и президента США Рузвельта.

«Папа не хотел публиковать мемуары, которые закончил в конце жизни, - рассказывала его дочь, Элисо Квиташвили. - Записи он делал на английском языке для нас, членов семьи. Он вообще не любил вспоминать о своем прошлом разведчика. И если и рассказывал что-то, то только о Грузии и о том, как инженером объездил весь мир».

По прошествии лет Элисо Квиташвили позволила мне при работе над этой книгой использовать отрывки из воспоминаний ее отца.

«В среду, 24 ноября 1943 года, в 10 утра я работал в своем кабинете в посольстве Британии в Иране, когда ко мне подошел полковник Райен. Первым делом он предупредил, что все, что он собирается мне сказать, находится под грифом «совершенно секретно». И далее сообщил, что в ближайшие дни в Тегеране должна состояться встреча на высшем уровне. Всеми вопросами

безопасности занимается он, а меня назначает своим адъютантом.

Все участники должны были приехать в Тегеран 27 ноября. Длительность конференции не знал никто. Все было в тайне.

Вскоре в английское посольство явились советский генерал-майор Аркадьев и два офицера. Военный атташе Британии генерал-лейтенант Фрейзер, который дружил с моей родственницей Кето Микеладзе и был влюблен в нее, прислал их ко мне. Так как только я мог говорить по-русски, именно мне предстояло переводить.

«Вы, наверное, понимаете, что если что-то случится с Черчиллем или Рузвельтом, то допустившего это офицера будут судить и накажут, - обратился ко мне Аркадьев. - Но если что-то произойдет со Сталиным, то нас расстреляют на месте».

И он сделал красноречивый жест - поднес руку к горлу.

Я отвечал за все. Поначалу приходилось сложно, так как не было субординации. Однажды американские и английские офицеры чуть не перестреляли друг друга. Звучало много жалоб, в основном - на меня. Хуже всех себя вели советские офицеры, они все время смотрели на нас с подозрением. Единственным нормальным человеком был генерал Шалва Церетели, начальник охраны Сталина. Очень воспитанный, он произвел на всех хорошее впечатление.

Он был очень интересным человеком, намного голов выше остальных советских офицеров, которые находились в Тегеране. Один из них, генерал-майор Начхепия, был человеком гигантской высоты, но у меня было впечатление, что он все время чего-то боится. Один раз я увидел, как Берия ругал его. Это было очень жалкое зрелище. Начхепия был генералом, а Берия вел себя, будто перед ним находился раб. Вообще Берия очень унижал своих подчиненных.

На глазах британских офицеров кричал и материл советских генералов и не считал их за людей.

Ко мне Берия относился вежливо и даже по-дружески. Он был экстраординарной личностью, настоящим лидером, которого боялись и ненавидели, но в тоже время уважали.

Черчилль и британская делегация приехали в Иран 27 ноября. За премьер-министром отправили три машины одной и той же марки, окна которых были нарочно испачканы грязью. Это сделали для того, чтобы нельзя было разглядеть, кто в них находится. Никто не знал, в какой именно машине будет Черчилль.

У советской стороны никаких проблем с организацией безопасности не было. Они привезли в Тегеран батальон солдат, который перекрыл проход Сталина и в результате к нему никто

не мог подойти.

А президент Рузвельт был в ужасе от того, как обстояло дело с обеспечением его безопасности. В то время посольство США в Тегеране находилось в старом районе, и попасть туда можно было только продвигаясь по узким улицам, заполненным народом. По дороге из аэропорта машину Рузвельта даже пришлось остановить, чтобы пропустить людей. Американский президент посчитал, что его жизни грозит опасность. И это так и было - любой мог бросить в него лимонку. Рузвельт был так возмущен, что, прибыв в посольство, тут же освободил от должности посла США. И отказался там останавливаться.

Сталин, узнав про решение Рузвельта, предложил ему переехать в посольство СССР, которое было самым большим по размеру. Рузвельт согласился и был благодарен Сталину за заботу. Черчилль же интерпретировал это по-своему: «Советские больше волновались за себя, чем за безопасность американцев. Ведь Сталину для того, чтобы встретиться с Рузвельтом, самому бы приходилось приезжать в посольство США по той узкой и опасной дороге .

... 29 ноября Черчилль должен был передать Сталину меч за победу в Сталинградской битве. На церемонии должно было присутствовать только несколько человек. Мое имя внесли в список в последний момент.

Черчилль сказал тогда, что он восхищен проявленной доблестью советских солдат в битве за Сталинград и по поручению короля Англии передает русскому народу меч. Сталин достал его из ножен, поцеловал, а затем передал Ворошилову. Тот чуть не уронил меч, его едва успели поймать.

Во время одной из встреч я видел, как Черчилль поднялся из-за стола после предложения Сталина расстрелять 50 тысяч немецких офицеров. Черчилля настолько возмутило предложение Сталина, что он вышел в соседнюю комнату и сел в кресло. Я все это видел своими глазами. Сталин в ответ тоже поднялся из-за стола, подошел к Черчиллю, положил руку ему на плечо и с улыбкой сказал, что пошутил и что ему и в голову не придет расстрелять стольких людей. Он произнес это так, будто в Советском Союзе с его ведома не расстреливали миллионы невинных. Переводчик Павлов так растерялся, услышав эти слова, что еле смог их перевести. А стоявший рядом с ними Молотов улыбался: «Мы просто шутим».

... 30 ноября Черчиллю исполнилось 69 лет. На свой день рождения Черчилль пригласил всех участников конференции. Обед должен был состояться в британском посольстве.

В назначенный час начали приходить гости. Черчилль лично

встречал их. Президент Рузвельт попал в здание в инвалидной коляске через специальный вход. Вскоре появились Молотов, Ворошилов и Сталин.

Сталина охраняло двенадцать человек личной охраны, все были грузины. Таких мерзких людей я не видел - они были похожи на убийц, а может, и были ими на самом деле. Сталин вышел из машины и пошел к лестнице, где его ждал Черчилль.

Они тепло встретились, пожали друг другу руку и вошли в здание. Я вошел внутрь с Церетели, а Начхепия остался снаружи. Всего на банкете было 30 человек: послы, маршалы, генералы. Среди них центральной фигурой был грузин: Сталин-Джугашвили.

Обед прошел удачно. Черчилль был в хорошем настроении и все были довольны. Среди гостей присутствовала только одна женщина - дочь Черчилля леди Сара Черчилль Оливер. Она и ее брат Рандольф не были приглашены, но все равно пришли, хоть и с опозданием. Когда Сталину представили леди Сару, он галантно поцеловал ей руку, что меня удивило.

Звучало много тостов. Тост Черчилля заключался в том, что Сталин не только для России, но и для всего мира является одним из самых великих людей. И потому заслуживает права называться «великим Сталиным». Сталин ответил, что титул «великий» принадлежит не ему, а русскому народу. И руководить такой нацией несложно.

Во время обеда Черчилль несколько раз прошел по залу, чтобы со всеми чокнуться. В конце вечера гости и он несколько раз заходили в комнату, где находились мы с Церетели. Увидев нас, Черчилль попросил шампанского и предложил выпить. Я представил ему Церетели и сказал, что он грузин. Черчилль заметил: «Похоже, мы окружены грузинами».

Он и гости долго беседовали со мной и Церетели, спрашивали про Грузию и грузин. Черчилль вспомнил и мою анкету про возможное будущее Кавказа. «Вы хотите восстановить свое старое царство? - спросил он. - Вам мало того, что один грузин управляет всей российской империей?»

В своей книге Черчилль пишет, что Сталин тоже выходил из зала. Но я его не видел.

Несмотря на то, что Сталин много пил, не было заметно, что он пьян. Он пребывал в хорошем настроении.

Произносил тосты, размышлял и много улыбался. Особенно когда говорил с детьми Черчилля. Я очень хотел, чтобы меня ему представили. Но сам не посмел попросить.

Первым ушел Рузвельт. Вслед за ним вечер покинули другие американцы, а затем и Сталин со своей свитой. Банкет

закончился в 2 часа ночи.

А на следующий день завершилась и сама конференция. К счастью, ничего неожиданного не случилось».

Рамаз Чхиквадзе

Когда я переступил порог дома легендарного грузинского актера Рамаза Чхиквадзе, то первое, что увидел -фотографию Сталина на стене. Честно признаюсь, был удивлен.

Но все быстро разъяснилось: оказалось, на фото изображен сам хозяин дома, в гриме вождя. Чхиквадзе несколько раз играл Сталина в кино и на протяжении всей жизни собирал истории о нем.

Незадолго до смерти Рамаза Чхиквадзе мне удалось записать его воспоминания.

- Я никогда не был сталинистом. Просто несколько раз играя его в кино, встречался с людьми, которые Сталина близко знали, изучал много закрытых документов, и понял для себя, что Иосиф Виссарионович вовсе не был таким демоном, каким его принято изображать.

Он был очень умным человеком. Модно писать о том, что он не предусмотрел начало войны с Гитлером. А я уверен, что он прекрасно знал о том, что война будет. Просто не мог допустить провокации. Для этого и не стягивал войска к границе. Да и что бы это дало? Сталин же отдавал себе отчет, что в военном отношении немцам на тот момент не было равных.

Сталин этого допустить не мог. Я играл его в фильме, который как раз рассказывал о жизни СССР до июня 1941 года. (Речь идет о фильме Евгения Матвеева «Победа», вышедшем на экраны в 1985 году, - прим. И. О.) Советского посла в Германии играл покойный Владислав Стрижельчик. Он говорил Сталину, что война с немцем неизбежна, об этом свидетельствуют и донесения Зорге, и действия самих немцев возле границы. Но Сталин не соглашался. А потом вдруг произносил: «Вы думаете один такой умный? В это просто нельзя верить СЕЙЧАС». Этот кадр из фильма вырезали. А я запомнил.

Зато потом, когда немцев подпустили к Москве, Сталин вызвал сибиряков. И когда вдарили морозы и немцы погибали от холода, наши солдаты у них на глазах обтирались снегом и сводили их с ума.

А знаете, почему он подписал приказ сажать в лагеря тех, кто сдался в плен? Да потому что очень часто в плен сдавались те, кто не хотел жить при Советской власти. И эти люди с

удовольствием сотрудничали с немцами.

Разумеется, расстреливать всех подряд было недопустимо. Но что Сталин мог сделать? Он же не знал о тех диких перегибах, которые допускались. Зато когда ему об этом становилось известно, он жестоко карал.

У наркома НКВД Ежова, как оказалось, существовала специальная разнарядка - сколько должно было быть репрессировано в каждом регионе СССР. То есть казнили не потому, что человек действительно был виноват, а для того, чтобы просто выполнить план. Так Сталин, когда узнал об этом, приказал Ежова расстрелять.

Мой отец работал в тбилисской консерватории. Когда директора арестовали, отец исполнял его обязанности. После того, как начальника освободили, папа начал сочувствовать ему. А директор ответил: «Нет, они все правильно сделали, это я дураком оказался».

Его посади за то, что он в компании рассказал политический анекдот. Да, это страшно, когда сажают за анекдоты. Но ведь таковы были реалии тогдашней жизни и он об этом знал. Но все равно рассказывал такие анекдоты.

Поэтому и винил только себя, а не Сталина.

Зато Сталин сумел заставить Англию и Америку присоединиться к антигитлеровской коалиции. Заметьте, они сами его об этом попросили. Я прочел об этом в мемуарах Черчилля.

И кому мне прикажете верить? Черчиллю и какому-нибудь Суворову или другому автору, чьих родственников репрессировали и их пером движет обида на Сталина?

Я лично предпочитаю верить Черчиллю. И людям, которые близко знали Сталина.

Наш фильм снимали на подмосковной даче Сталина. Любопытно, что в то же время там снимались фильмы, в которых представали Дзержинский, Горький, Молотов. Во время перерыва мы все шли в буфет что-то покушать. В очереди стояли все эти артисты.

Как только появлялся я, раздавался крик буфетчицы: «Пропустите товарища Сталина!» И меня обслуживали вне очереди. Мне неудобно было, я постою, говорю. «Ничего-ничего, товарищ Сталин. Что вы хотите? Гречиху? Гречиху товарищу Сталину!»

А как-то ехали на машине, я уже был в гриме. В Кунцево нас остановил милиционер. Увидев меня, он закричал и чуть с ума не сошел, так испугался.

Вообще была комедия! Ко мне подходили бывшие военные,

которые снимались в массовых сценах. Они строевым шагом приближались и делали доклад: «Мы, товарищ Сталин, врагов били и ваши приказания исполняли!» Мне даже неудобно было.

Почитание Сталина, как я заметил, есть у русских. И оно до сих пор не то, что прошло, а наоборот, лишь растет.

Да и не был Сталин врагом. Вот я не могу понять логику: у меня дома работают 8 человек. И если они хорошо работают, помогают мне по-настоящему, зачем я буду их арестовывать? Я, что, враг самому себе, что ли?

Матвеев, кстати, в своем фильме не снялся. Он должен был играть генерала, который докладывал Сталину о том, что его сын Яков убит. И не смог отсняться! Начинал плакать. Подойдет ко мне, начинает говорить, а у самого слезы. «Стоп!» - сам себе командует. Так и выбросили эту сцену из сценария.

Много чего могу рассказать. Сталин ведь был очень хорошим поэтом. Его юношеские стихи хвалил Илья Чавчавадзе, наш великий грузинский поэт и просветитель. Несколько сталинских стихотворений даже было напечатано.

Он на самом деле прекрасно писал о красоте. Знаете, какое волшебное стихотворение посвятил розе? Его сейчас в школах учат.

Существует легенда, будто в 1939 году, накануне 60-летнего юбилея вождя, было принято решение издать сборник его стихотворений на русском языке. Редактором перевода был выбран Борис Пастернак. Поэту, якобы, отправили на дом машинописный вариант книги. А предварительно ему позвонил сам Сталин и сказал, что просит посмотреть стихи своего друга.

Через пару дней Сталин вновь позвонил Пастернаку. И услышал примерно следующее: «Если у вашего друга есть какое-нибудь другое занятие, пусть он лучше посвящает свое время ему».

Сталин поблагодарил, повесил трубку и книга его стихов так и не увидела свет.

Маленькую брошюрку со стихами Сталина я купил в 2009 году в музее Сталина в Г ори.

Возможно, познакомиться с русским переводом стихов юного Сосело - именно эта подпись стоит под большинством сочинений - будет небезынтересно.

Раскрылся розовый бутон,
Прильнул к фиалке голубой,
И легким ветром пробужден,
Склонился ландыш над травой.
Пел жаворонок в синеве,
Взлетая выше облаков,

И сладкозвучный соловей
Пел детям песню из кустов:
«Цвети, о Грузия моя!
Пусть мир царит в родном краю,
А вы учебою, друзья,
Прославьте родину свою!
И. Дж-швыли
(газ. «Иверия», 1895, 14 июнь)
Когда луна своим сияньем
Вдруг озаряет мир земной,
И свет ее над дальней гранью
Играет бледной синевой,
Когда над рощею в лазури
Рокочут трели соловья,
И нежный голос саламури
Звучит свободно, не таясь,
Когда, утихнув на мгновенье,
Вновь зазвенят в горах ключи,
И ветра нежным дуновеньем
Разбужен темный лес в ночи,
Когда беглец, врагом гонимый,
Вновь попадет в свой скорбный край,
Когда, кромешной тьмой томимый,
Увидит солнце невзначай, —
Тогда гнетущей душу тучи
Развеян сумрачный покров,
Надежда голосом могучим
Мне сердце пробуждает вновь,
Стремится ввысь душа поэта,
И сердце бьется неспроста:
Я знаю, что надежда эта
Благословенна и чиста!
Сосело
(газ. «Иверия». 1895, 22 сентября)

Луне

Плыви, как прежде, неустанно
Над скрытой тучами землей,
Своим серебряным сияньем
Развей тумана мрак густой.
К земле, раскинувшейся сонно,
С улыбкой нежною склонись,

Пой колыбельную Казбеку,
Чьи льды к тебе стремятся ввысь.
Но твердо знай: кто был однажды
Повергнут в прах и угнетен,
Еще сравняется с Мтацминдой,
Своей надеждой окрылен.
Сияй на темном небосводе,
Лучами бледными играй,
И, как бывало, ровным светом
Ты озари мне отчий край.
Я грудь свою тебе раскрою
Навстречу руки протяну
И снова с трепетом душевным
Увижу светлую луну.
Сосело
(газ. «Иверия». 1895, 22 сентября)

Р. Эристави

Когда крестьянской горькой долей,
Певец, ты тронут был до слез,
С тех пор немало жгучей боли
Тебе изведать довелось.
Когда ты ликовал, взволнован
Величием своей страны,
Твои звучали песни, словно
Лились с небесной вышины.
Когда, отчизной вдохновленный,
Заветных струн касался ты,
То, словно юноша влюбленный,
Ей посвящал свои мечты.
С тех пор с народом воедино
Ты связан узами любви,
И в сердце каждого грузина
Ты памятник себе воздвиг.
Певца отчизны труд упорный
Награда увенчать должна:
Уже пустило семя корни,
Теперь ты жатву пожинай.
Не зря народ тебя прославил,
Перешагнешь ты грань веков,
И пусть подобных Эристави

Страна моя растит сынов.
Сосело
(газ. «Иверия». 1895, 22 сентября)
Ходил он от дома к дому,
Стучась у чужих дверей
Со старым дубовым пандури,
С нехитрой песней своей.
А в песне его, а в песне —
Как солнечный блеск чиста,
Звучала великая правда,
Возвышенная мечта.
Сердца, превращенные в камень,
Заставить биться сумел,
У многих будил он разум,
Дремавший в глубокой тьме.
Но вместо величья и славы
Люди его земли
Отверженному отраву
В чаше преподнесли.
Сказали ему: «Проклятый,
Пей, осуши до дна.
И песня твоя чужда нам,
И правда твоя не нужна!»
Сосело
(газ. «Иверия». 1895, 22 сентября)

Старик Ниника

Постарел наш друг Ниника,
Сломлен злою сединой.
Плечи мощные поникли,
Стал беспомощным герой.
Вот беда! Когда, бывало,
Он с неистовым серпом
Проходил по полу шквалом.
Сноп валился за снопом.
По жнивью шагал он прямо,
Отирая пот с лица,
И тогда веселое пламя
Озаряло молодца.
А теперь не ходят ноги —
Злая старость не щадит.

Все лежит старик убогий,
Внукам сказки говорит.
А когда услышит с нивы
Песню вольного труда —
Сердце, крепкое на диво,
Встрепенется, как всегда.
На костыль свой опираясь,
Приподнимется старик,
И ребятам улыбаясь,
Загорается на миг.
Сосело
(газ. «Иверия». 1895, 22 сентября)

Рамаз Чхиквадзе читал эти стихи по-грузински. И звучали они действительно красиво.

Когда книжечка стихотворений была отложена, актер продолжил свой рассказ:

- Однажды Сталину принесли вариант перевода на русский язык поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Через пару дней он пригласил к себе переводчика и предложил посмотреть его собственный вариант перевода одной из глав. Работа была выполнена безупречно! Увидев реакцию переводчика, Сталин предложил включить переведенную им главу в поэму, только просил не указывать его имени. (все в той же книжечке, купленной мною в сувенирной лавке музея Сталина в Гори, была и эта, переведенная Сталиным 1416-ая строфа из «Витязя в тигровой шкуре»:

Вдруг коней вперед рвануло,
Засвистели плети мигом,
Кони врезались, весь город
Огласился воем, визгом —
С трех сторон втроем ворвались,
Понеслися буйно, с гиком,
Гром атаки, бой литавров вмиг
Сменились воплем, криком.)

Удивительное дело, но Сталин лично следил за тем, что происходит в кино. Когда ему принесли список картин, которые собираются снимать в Грузии, он лично вписал «Кето и Котэ», популярную тогда оперу. Фильм сняли, только получилась не опера, а музыкальная комедия.

В результате этот фильм Сталину показывать испугались - вдруг бы он спросил, почему сняли не оперу. Хотя фильм хороший получился, ему бы наверняка понравился.

Я близко дружил с Михаилом Чиаурели и тот рассказывал мне, как Сталин смотрел его фильм «Великое зарево».

В этой картине роль Сталина играл Михаил Геловани.

В просмотровом зале на даче Сталина собралось все Политбюро, сам Миша сидел на последнем ряду. Наконец, фильм закончился, все ждут, что скажет Сталин. А надо сказать, что в этом фильме Геловани изобразил вождя как безупречно положительного человека, просто ангела.

Включили свет, Сталин поднялся со своего места и молча пошел к выходу. Все Политбюро молчит и на всякий случай строго смотрит в сторону Чиаурели. Наконец, Сталин произнес: «Нормальное кино, нужное». И все тут же бросились поздравлять Мишу: «Нужное, очень нужное кино». А Сталин через минуту продолжил: «Только товарищ Сталин не такой красивый. И не такой глупый».

Геловани действительно изображал Сталина этаким живым божеством. Но что вы хотите, таковы были требования времени.

Миша рассказывал, как однажды Сталин вызвал Геловани к себе да дачу. Когда за актером пришли и сказали, что его хочет видеть товарищ Сталин, Геловани не поверил. И решив, что его разыгрывают, сказал, что готов ехать к вождю немедленно. «Прямо в пижаме?» - спросили у него. «В пижаме!» - ответил Геловани, все еще не веря, что его правда повезут к Сталину.

О том, что все серьезно, он понял только тогда, когда лимузин въехал на территорию строго охраняемой дачи вождя. Но, что называется, уже было поздно.

Сталин сделал вид, что не замечает неподобающей одежды Геловани и пригласил того к столу, за которым уже сидели другие актеры. Геловани сел рядом с Чиаурели и, выпив несколько бокалов вина, почувствовал, наконец, себя настолько свободно, что захотел сказать тост за Сталина. Но сколько бы раз он не поднимался, Чиаурели усаживал его на место, а Сталин делал вид, что ничего не замечает.

В конце концов, Геловани не выдержал и прямо обратился к Сталину: «Товарищ Сталин, я хочу выпить за вас, а Чиаурели не дает мне слова сказать!» Сталин посмотрел на Геловани и произнес: «Значит, товарищу Чиаурели виднее!»

Был такой актер - Алексей Дикий, очень хороший. И однажды ему тоже предложили сыграть роль Сталина. Понятно, что от таких предложений не отказываются. Вот только внешне Дикий был абсолютно не похож на Сталина. И каких бы усов ему не приклеивали, сходства все равно не появлялось. Но фильм все-таки сняли и он вышел на экраны.

Через несколько дней после премьеры на квартиру Дикого явился генерал и сказал, что актера приглашает товарищ Сталин: «У вас есть полчаса, чтобы собраться».

Дикий страшно испугался, что Сталин начнет ругать его за то, как он сыграл. И еще неизвестно, куда его потом повезут из Кремля. Чтобы как-то справиться со страхом, Дикий решил немного выпить, он вообще любил это дело. Открыл бутылку коньяка, налил себе рюмочку, выпил и сел возле дверей.

Наконец, появляется тот же генерал и говорит, что товарищ Сталин занят и встреча переносится на более позднее время. Дикий увидел в этом дурной знак и, ожидая встречи со Сталиным, ту самую бутылку коньяку прикончил. Чего, мол, терять время, когда эта бутылка может оказаться последней в его жизни.

В результате в Кремль он приехал изрядно выпившим. Секретарь Сталина Поскребышев попытался было привести его в чувство, но не успел - Сталин просил пригласить Дикого.

Когда тот вошел в кабинет Сталина, вождь сидел за столом и работал. Увидев актера, поднялся ему на встречу и, пригласив к столу заседаний, предложил сесть и сам сел напротив него. Все это происходило в полном молчании.

Через полчаса Сталин вызвал Поскребышева, что-то сказал ему и опять замолчал. Еще через полчаса секретарь вошел в кабинет, поставил на стол бутылку коньяка, лимон и два стакана.

Дикий начал успокаиваться - если коньяком собираются угостить, значит, ругать не будут. А Сталин тем временем взял бутылку, налил себе, выпил и закусил лимончиком. Дикий сидит и не знает, что делать. Неужели ему самому надо наливать себе? И это при грузине?

А Сталин наливает себе вторую рюмку, выпивает, закусывает и опять молча продолжает смотреть на Дикого. Только после того, как Сталин выпил четыре рюмки, молчание было нарушено. «Вот теперь мы можем и поговорить», - сказал Сталин Дикому.

Из Кремля Дикий вернулся домой и очень счастливым. Оказалось, что Сталину его исполнение очень понравилось. А пил он один из-за того, что Дикий уже был заметно подшофе. «Как бы мы стали разговаривать - вы пьяны, а я трезв?» - объяснил в конце встречи свое поведение Сталин.

О съемках фильма, в котором Алексей Дикий сыграл Сталина, есть еще одна история. Она осталась в архиве писателя Юлиана Семенова, включившего ее в раздел «Ненаписанные романы»:

«... во время съемок очередной картины о Сталине, заехавший на «Мосфильм» Роман Кармен увидал поразительную картину: народный артист Советского Союза Геловани, утвержденный решением Политбюро для исполнения роли генералиссимуса, шел перед камерой, а за ним, на корточках, семенили Зубов,

игравший Молотова, и Толубеев, исполнявший роль Ворошилова. Изумленный Кармен спросил Чиаурели: «Миша, в чем дело?!» Тот ответил шепотом: «Никто не имеет права быть выше Сталина». Видимо, об этом стало известно генералиссимусу, потому что он вызвал министра кинематографии Большакова и сказал: «Сталин - русский человек, и играть его надлежит русскому. Мне нравится Алексей Дикий. Товарищ Каганович находит, что мы похожи, пусть он играет Сталина в новых картинах».

Превозмогая дерзостный страх, Большаков ответил: «Но ведь Дикий в свое время был репрессирован, товарищ Сталин! - «В свое время я тоже был репрессирован охранкой, - усмехнулся Сталин. - А ведь - ничего, народ простил.»

После появления на экране в образе Сталина, Алексей Дикий не стал актером одной роли. Он остался в восприятии зрителя и коллег прежде всего великим театральным актером. Об этом мне рассказывала народная артистка России Римма Маркова, для которой именно одобрение ее театральной работы со стороны Дикого было самой важной оценкой.

- А вообще для актера сыграть роль Сталина означало стать заложником одной роли, - продолжал народный артист СССР Рамаз Чхиквадзе. - Или же ему позволяли играть только положительных персонажей.

Мне в этом отношении повезло. Мало того, случались и курьезные случаи. Как-то наш театр имени Руставели приехал на гастроли в Москву со спектаклем про Великую Отечественную, в котором я играл роль Гитлера. А как раз в это время на экраны вышел фильм «Победа», в котором я играл Сталина. Причем так получилось, что мы гастролировали на сцене Малого театра, а в соседнем кинотеатре шла лента «Победа».

А я каждый раз, когда приезжал в Москву, звонил Филиппу Ермашу (председателю Государственного комитета СССР по кинематографии, - прим. И. О.), он очень ко мне хорошо относился. Вот и в тот раз я набрал его номер.

- Филипп Тимофеевич, приходите на наш спектакль, я Гитлера играю.

Он чуть дар речи не потерял.

- Ты что творишь, - закричал в телефонную трубку. - Как ты смеешь?! Ты же только что Сталина сыграл! А теперь люди будут думать, что он такой же отрицательный герой, как и Гитлер, раз его один и тот же актер играет. Я тебе запрещаю играть Гитлера.

Но я, разумеется, все-таки вышел на сцену. Что мог мне сделать Ермаш? Я ему объяснил, что являюсь артистом и даже лягушку могу сыграть.

Во МХАТе мне играть не предлагали. Я даже и не думал об

этом. Там один грузин уже был, Геловани, который играл Сталина. Ему же запретили играть другие роли. Только в «Кремлевских курантах» и выходил на сцену.

При том, что был неплохой артист. В грузинском кино даже вредителя успел сыграть. Но после того, как сыграл Сталина, все остальное играть запретили.

Я же вам говорю, такое время было. Такие глупости делали, что Сталин, узнав о них, посмеялся бы. Мне повезло -время изменилось.

На родине Сталина не очень почитали, потому что для Грузии он ничего особенного не сделал. Он был умный человек и никого не выделял. Следил, чтобы все было поровну.

Рассказывали, что когда Алексей Толстой писал «Петра Первого», то пришел к Сталину, который попросил документацию, о чем тот собирается писать. Толстой пришел и решил обрадовать вождя: мол, есть данные, что Петр был грузин по отцу.

Сталин пришел в негодование: «Вы что, с ума сошли? Единственный умный царь и того грузином делаете? Достаточно одного грузина. А то может вы еще Ивана Грозного грузином сделаете!»

При Хрущеве в Грузии запретили изучать родную речь и всех перевели на русский язык (На самом деле запрет на грузинский язык был введен еще в конце 19 века, когда все занятия в учебных заведениях должны были вестись строго на русском. Грузинский язык почитался как «собачий» и преследовался. Студенты восприняли подобное решение правительства, какунижение. Слушатель Духовной семинарии Тифлиса Иосиф Лагиашвилив 1886 году даже совершил убийство ректора Чудецкого. Подобный способ решения проблем вызвал у молодого семинариста Джугашвили восхищение, - прим. И. О.)

У Хрущева ума не было совсем, он расколол общество. В Грузии прошло выступление в защиту Сталина. Не против СССР, а именно за Сталина и Ленина. Эти демонстрации были огромны, в них даже стреляли. В подземных переходах лежали трупы студентов - девушки и юноши прижимали к себе портреты советских вождей, которые были проткнуты солдатскими штыками. Стрельба началась на проспекте Руставели - рядом с нашим театром находится здание радиокомитета, куда, видимо, ребята хотели проникнуть. Мы услышали стрельбу и побежали туда из театра. Много погибших было. Было очень страшно. Тогда и случилось, наверное, одно из первых серьезных разочарований в советском строе.

В сталинские времена бывали, конечно, перегибы. Однажды

человек не смог осушить литровый рог с вином, хотя тост был провозглашен за Сталина. Отговорился тем, что у него была операция на желудке. А кто-то потом узнал, что операцию тот человек не делал. И написал на него донос: мол, тот так не хотел выпить за Сталина, что даже операцию себе придумал. В результате несчастному дали 8 лет лагерей.

Если бы Сталин узнал, из-за чего этого человека арестовали, он бы наказал всех. Он же страшно не любил подхалимаж. Его самая любимая фраза была, когда он слышал похвалы в свой адрес: «К делу!»

Можно задаться вопросом: не любил подхалимаж, а как же Сталинград, который в честь него назвали. На эту тему даже Фейхтвангер писал. Он спросил Сталина об этом и тот ему ответил: «Это не я, это люди придумали. А если им нравится, я не против». Он знал, как важно заставить людей полюбить главу государства.

И мы разве его не любили? Еще как! Что творилось, когда он умер! С какими распухшими от слез глазами шли мимо гроба. При этом никого же не заставляли идти прощаться со Сталиным.

И разве плохо, что любили? Лучше, чтобы презирали, как мы сейчас всех презираем?

В молодости Сталин был настоящим вором. С Камо они были мастера - нападали на инкассаторов и все награбленное отправляли Ленину. При этом сам Сталин ходил в драной шинели.

После революции Камо уничтожили. Тот хотел стать вторым человеком в ЦК, но на это не тянул. И его убрали. В Тифлисе случилась странная автокатастрофа - на велосипед Камо наехала едва ли не единственная в городе машине. Почти как у Шекспира, в «Ричарде Третьем». Каквсе повторяется, да?

Сталин ведь и Бухарина простил, хотя все другие соратники были арестованы. Отправил во Францию, называл «Бухарчиком». А тот уехал и стал встречаться за границей с белогвардейцами и болтать лишнее. Сталину, разумеется, обо всем тут же донесли. И когда Бухарин вернулся, его арестовали и посадили. Тут уже Сталин ничего делать не стал. Было поздно. Мне кажется, все честно.

Личная жизнь Сталина была непростая. Первая жена от болезни умерла. Несчастная женщина была. А со второй вот какая история получилась. Она очень хорошей женщиной была. Из такой семьи происходила, что если бы Сталин был неинтересным человеком, вряд ли она вышла за него.

Он был ростом маленький, ему на Мавзолее подставку ставили. А она яркая женщина была. Они хорошо жили. Но она

стала влезать в партийные дела. А он этого терпеть не мог. Предупреждал ее: «Не лезь в это дело!»

Когда она приставала к нему с расспросами, почему он это делает так, а не так, Сталин ответил: «Не могу сейчас сказать, потом поймешь». Но Аллилуева продолжала лезть в политику.

В последний вечер на ужине у Ворошилова он ее по-горийски окликнул: «Э-эй», а ее это обидело. «Я тебе не эй!», - ответила она. Когда пришли домой, стали обиженно что-то выяснять. Перед сном принесла два стакана чая, он взял себе ее стакан, а свой отдал ей: «Не верю тебе».

И это ее совсем убило - ночью Надежда Аллилуева застрелилась.

Майя Кавтарадзе

Впервые это имя я услышал осенью 1998 года в Москве, в доме актера Михаила Казакова. Говорили мы с ним о многом - театре, кино, литературе. Неожиданно Михаил Михайлович заговорил о Грузии.

Впервые в Тбилиси он оказался летом 1961 года во время гастролей театра «Современник», в котором тогда служил. Как водится, московских актеров каждый вечер приглашали в гости, угощали - развлекали. Кому было интересно, рассказывали о былом.

В один из вечеров Казаков оказался в гостях у знаменитого грузинского революционера, после советизации Грузии - председателя Совета народных комиссаров республики, Серго Кавтарадзе. Его рассказы потрясли молодого актера. И дело было не в титулах нового знакомого, а в дружбе со Сталиным. Тогда же Михаил Казаков познакомился и с дочерью Серго - Майей.

Она была совсем юной девочкой, когда решилась вступить в переписку со Сталиным. О ней, дочери революционера и бывшей фрейлины императрицы Марии Федоровны княжны Софии Вачнадзе, мне и хочется написать.

В эту книгу она войдет под именем, которым подписывала свои письма Сталину - «пионерки Майи Кавтарадзе».

Ее историю я буду рассказывать, основываясь на впечатлениях Михаила Казакова и воспоминаниях ближайшей подруги Майи Кавтарадзе Татули Гвиниашвили.

Ровесница Майи, Татули Гвиниашвили рассказывала:

- Серго был другом Сталина, они вместе учились в семинарии.

Еще до 1917 года между Сталиным и Кавтарадзе случилась

ссора. Суть конфликта заключалась в споре, кому доверить партийную кассу. Серго считал, что деньги можно оставить одному честному человеку. Сталин был другого мнения и говорил, что кассу должен хранить только большевик.

Когда видный грузинский революционер Миха Цхакая тоже высказался за то, что деньги вполне можно оставить у, пусть и не партийного, но верного человека, Сталин тут же переменил точку зрения и заявил, что сам считает также. И именно в этом безуспешно пытался убедить Кавтарадзе.

Серго был обескуражен беспринципностью Сталина и, не сдержав эмоции, ударил товарища по лицу.

Придя спустя годы к власти, почти всех своих друзей Сталин перестрелял. А Сергея оставил в живых.

Он затем и поэта Шалву Нуцубидзе освободил. Для того, чтобы тот сделал перевод Шота Руставели. Сталин показывал миру, что он появился на свет не в какой-нибудь дикой стране, а в Грузии, где уже в средние века жили и творили такие гении, как Руставели.

У нас была одна компания - Майя Кавтарадзе, я и Манана Кикодзе, тоже дочь сталинского друга юности Геронтия Кикодзе.

В 1937 году Серго Кавтарадзе арестовали. Как говорили, от гибели его спасла закорючка, которую Сталин поставил напротив его имени в расстрельном списке. Берия не смог понять, что имел в виду Сталин, а расспросить не решился.

Несколько лет Серго Кавтарадзе провел в сталинских лагерях. Сидела и его жена. А Майю определили в дом для беспризорных, ей 11 лет было. Все годы, пока не было отца, она писала письма Сталину. И подписывала их: «Пионерка Майя Кавтарадзе».

И однажды случилось чудо. Как иначе назвать то, что Серго Кавтарадзе был освобожден.

Михаил Казаков, слышавший эту историю из первых уст, вспоминал:

- Бывшего сталинского друга назначили работать в книжное издательство. В ближайших планах был выпуск поэмы «Витязь в тигровой шкуре» в переводе Шалвы Нуцубидзе.

В тот вечер Кавтарадзе уже ложился спать, когда его неожиданно вызвали в Кремль. Войдя в кабинет Сталина, он приветствовал вождя, как водится, по имени-отчеству и с приставкой «товарищ». Сталин поднял голову из-за стола и возмутился: «Ты с ума сошел? Какой я тебе «товарищ Сталин?! Я для тебя - Коба, а ты для меня - Того».

Надо заметить, что еще во времена подпольной работы Сталин предложил Серго взять себе кличку в честь одного японского адмирала.

Хозяин кабинета пригласил Кавтарадзе к столу и принялся расспрашивать о том, как обстоят дела у него на работе.

Татули Гвиниашвили историю встречи двух революционеров слышала от дочери Серго:

- Сталин спросил у Кавтарадзе: «Где ты был все это время?» Тот ответил: «Сидел». - «Нашел время сидеть», -будто бы недовольно произнес Сталин.

После этого разговор пошел так, будто ничего не случилось.

Однако, по грузинским обычаям примирение только тогда считается состоявшимся, когда обиженный приглашает обидчика в свой дом. Сталин, конечно же, помнил об этом, и спросил, отчего Серго не приглашает его в гости.

Кавтарадзе с женой и дочерью жили в коммуналке и принимать там столь высокого гостя было неудобно. Он попытался отсрочить приглашение, но, заметив обиду Сталина, сказал, что будет рад видеть Кобу в любое удобное для него время.

«Едем сейчас», - тут же ответил Сталин. И уже через несколько минут - Кавтарадзе жили на улице Горького, рядом с Кремлем - лимузины доставили друзей на место.

В изложении Казакова сцена появления Сталина в коммуналке вполне могла стать основой для фильма.

- Когда Серго позвонил в дверь, ему открыла заспанная соседка. Увидев на лестничной площадке Сталина, она в ужасе скрылась в своей комнате. А наутро рассказывала во дворе, что ее грузинский сосед так напился минувшей ночью, что заявился домой с портретом Сталина.

А Кавтарадзе, перешагнув порог своей комнаты, разбудил жену и сказал, что у них гость - Сталин. Женщина тоже не сразу поверила в происходящее. Сталин же, подойдя к ней, обнял и произнес: «Сколько ты вытерпела!» Потом было застолье, на которое доставили продукты из расположенного неподалеку ресторана «Арагви».

Майя Кавтарадзе, конечно же, запомнила ту ночь. И рассказывала о ней своей подруге. Слово Татули Гвиниашвили:

- Сталин спросил у Серго, где находится его дочь. Когда мать вывела Майю, Сталин потрепал ее по щеке и сказал: «А вот и пионерка Майя Кавтарадзе. Помню-помню».

Когда в Тбилиси в восьмидесятых годах приезжала Светлана Аллилуева, в качестве сопровождающих дочь Сталина была назначена Майя Кавтарадзе. Через несколько лет одна из газет написала, что к дочери Сталина была приставлена «полковник КГБ Кавтарадзе». Майя обиделась: «Почему полковник, если я давно генерал?» Как еще было реагировать на такую глупость?

Майя преподавала французский язык в Пушкинском институте в Тбилиси. Очень была приятная женщина, интеллигентная.

А ее двоих родных братьев расстреляли. И потом в Тбилиси удивлялись, как Серго мог простить Сталину гибель двоих сыновей? Кстати, в квартире Майи снимали фильм Тенгиза Абуладзе «Покаяние».

Великий фильм грузинского режиссера вышел на экраны в 1987 году, хотя был снят тремя годами раньше. Впервые в Советском Союзе с экрана звучала история о реалиях сталинских лет. Татули Гвиниашвили говорила, что во время демонстрации фильма в Москве возле кинотеатров стояли кареты «Скорой помощи», которые почти никогда не пустовали.

В основу фильма Тенгиз Абуладзе взял несколько реальных историй. Одна из них рассказывала о выдающемся грузинском дирижере Евгении Микеладзе и его супруге, Кетеван Орахелашвили.

Кетеван была дочерью председателя правительства советской Грузии Мамии Орахелашвили, сменившего на этом посту ближайшего друга Сталина Серго Орджоникидзе.

Близость к Ленину и Сталину уберегла Мамию Орахелашвили от репрессий после выхода в 1926 году брошюры «Путь грузинского жирондиста», в которой он называл грузинских меньшевиков истинными демократами, а президента независимой Грузии Ноя Жордания - марксистом.

Однако фраза, брошенная им в 1931 году Иосифу Сталину, предложившему сделать вторым секретарем ЦК Грузии Лаврентия Берию: «Коба, я, наверное, ослышался? Мы не можем таким назначением удивить партийцев!», уже не прошла бесследно.

Берия пост получил, а Мамия Орахелашвили из руководителя республики был разжалован в научные сотрудники тбилисского Института марксизма-ленинизма. А в 1937 году арестован и расстрелян.

Мать Кетеван, Мариам Орахелашвили, после отставки мужа продолжала оставаться наркомом просвещения Грузии. В один из дней она увидела из окна, как с ее дочерью на улице разговаривает какой-то мужчина, в котором она, присмотревшись, узнала Лаврентия Берию. Выбежав из дома, Мариам увела дочь, сказав, что с такими людьми, как Берия, нельзя не только разговаривать, но даже здороваться.

В 1938 году Мариам Орахелашвили была арестована. Во время допроса, который вел сам Берия, она не выдержала и, схватив со стола следователя стеклянную пепельницу, запустила ее в главного чекиста. Берия достал пистолет и застрелил

Орахелашвили.

Судьба ее дочери Кетеван была предрешена. Хотя поначалу все складывалось более, чем счастливо. Знаменитая тбилисская красавица стала женой дирижера Евгения Микеладзе, художественного руководителя Тбилисского театра оперы и балета.

После возвращения с московских гастролей, во время которых работу артистов театра похвалил сам Сталин, Микеладзе приступил к репетициям новой оперы. Премьера прошла успешно. А вскоре Евгений Микеладзе уже сидел на первом допросе.

Кетеван Орахелашвили тоже арестовали. Спустя годы она вспоминала, как после очередного допроса ее вели в камеру и в тюремном коридоре она увидела двоих чекистов, на руках которых висело обезжизненное тело избитого арестованного. Лица его не было видно. Кетеван взглянула на волосы несчастного и вздрогнула - перед нею пронесли ее мужа. Лишь по буйной шевелюре она смогла узнать его. Больше своего Евгения она не видела.

В один из дней в тюрьму, где содержался Евгений Микеладзе, приехал Лаврентий Берия. Сталинскому любимцу вообще нравилось присутствовать на допросах. При этом свое появление палач каждый раз обставлял, словно играл в забавную игру. По воспоминаниям дочери Сталина Светланы Аллилуевой, для того, чтобы оставаться неузнанным, Берия надевал парик. В этот раз он был без грима. И тому были причины.

Описание последнего допроса великого дирижера оставил Юлиан Семенов в документальной книге «Ненапечатанные рассказы». Сын Евгения Микеладзе Вахтанг, ставший режиссером-документалистом, в своем фильме о Лаврентии Берии «Убийца моей семьи» приводит цитату из этой книги: «Ослепленного на допросах Микеладзе втащили в кабинет Берии. И тот сказал: «Дирижер, вас изобличили подельцы. У нас достаточно материалов, чтобы расстрелять вас и без официального признания. Но неужели вы не хотите облегчить совесть, выскоблить себя перед народом?» - «Товарищ Берия, - ответил великий музыкант. - Янив чем не виноват и вам об этом прекрасно известно». - «Откуда ты узнал, что я Берия? Ты же слеп!» - «У меня абсолютный слух, Лаврентий Павлович, я узнаю любого человека по голосу».

И тогда Берия сказал тем, кто привез к нему гения грузинского народа: «Так вбейте ему гвозди в уши, чтобы он не мог никого узнавать по голосу!» И это сделали с Микеладзе. И Родина потеряла одного из лучших своих сынов».

Жена дирижера Кетеван Орахелашвили была сослана в

АЛЖИР - Акмолинский лагерь жен изменников Родины. Вернувшись домой после семнадцати лет заключения, на жизнь Кетеван зарабатывала тем, что готовила торты, которые украшала замысловатыми узорами из крема. В фильме «Покаяние» режиссер Тенгиз Абуладзе почти дословно экранизировал эпизоды из жизни женщины.

Во время финального кадра, когда героиня Верико Анджапаридзе задает свой великий вопрос: «Зачем нужна дорога, если она не ведет к храму?», прототип Кетеван Орахелашвили как раз украшает праздничный торт кремовой фигуркой православного храма..

В 1956 году в Грузии начались процессы, на которых были реабилитированы незаконно осужденные жертвы. Бабушка моей жены, знаменитый грузинский врач София Буачидзе, не пропустила ни одного из этих страшных заседаний. Приходя домой, она пересказывала домашним реалии происходящего в стране всего несколько лет назад.

Ее саму тоже задела кровавая машина. Двоюродный брат Алексей, который учился в школе, случайно порвал портрет наркома НКВД Ежова. На перемене ребята рассматривали изображение главного чекиста и Алеша, попросив дать и ему взглянуть на «иконописный», как писали литераторы того времени, лик наркома, потянул фотографию к себе. И случайно оторвал уголок.

Ставшая свидетелем этого учительница тут же доложила о случившемся в органы и школьник Буачидзе был арестован. Его продержали в тюрьме до 16 лет - возраста, с которого были разрешены расстрелы. И в день рождения юноши привели приговор в исполнение.

А Татули Гвиниашвили продолжает:

- После того сталинского визита в коммуналку на улице Горького семья Кавтарадзе получила отдельную огромную квартиру. А Серго был назначен заместителем министра иностранных дел СССР.

Что он чувствовал, никто не знает. Удивлялись, как Серго мог простить смерть сыновей. Но Майя никогда об этом не говорили. Видимо, такая для нее это была больная тема.

По воспоминаниям внука Серго Малхаза Жвания, после Великой Отечественной в Кремле состоялся прием, во время которого Сталин вдруг обратился к Кавтарадзе по-грузински: «А помнишь, как ты меня ударил. Еще лампа керосиновая разбилась, ведь пожар мог начаться». И засмеялся.

Всю ночь семья Кавтарадзе ждала ареста. Но все обошлось. А Серго назначили послом СССР в Румынии. Майя рассказывала

мне, как навещала отца. Как-то ее представили королю и тот пригласил дочь советского посла на бал во дворец. Но Майя в тот же вечер должна была улетать в Москву. Расстроившись, она топнула ножкой: «Вы не могли мне об этом сказать хотя бы вчера?»

Серго Кавтарадзе так растерялся, что смог только и сказать дочери по-грузински: «Майя, перед тобой же король!»

Родной брат Серго, Петре Кавтарадзе, был составителем грузинского словаря. Его женой была красавица Анико, первая женщина-врач Грузии. Католикос-Патриарх Всея Грузии Калистрат сказал мне как-то: «В ложе стояла Анико, на ней был ободок и она была очень красива!» Меня так удивили эти слова, услышанные от Католикоса.

Серго и Анико вместе учились в институте в Петербурге. Как-то в перерыве между занятиями они заглянули в кафе. В это же время туда зашли муж с женой, страшно убитые горем, заказали кушания, но так и не дотронулись до них.

Серго и Анико говорили друг с другом по-грузински. И та пара не могла от них отвести глаз. Когда они уже позавтракали и встали, муж с женой решились к ним обратиться: «На каком языке вы говорите? У нас страшное горе: нам сказали, что жизнь нашего единственного сына висит на волоске. Ваша красота на несколько минут позволила нам забыть о своем горе и мы вас благодарим за это».

Петре Кавтарадзе потом расстреляли, а Анико выслали.

Михаил Казаков оказался связан с красавицей Анико родственными узами - он женился на ее внучке. А потому не раз виделся с Серго Кавтарадзе и после первой памятной встречи в 1961 году.

Вновь и вновь Кавтарадзе рассказывал ему о встречах со Сталиным. И каждый раз, как отмечал Михаил Михайлович, воспоминания были полны уважением к вождю.

Так получилось, что именно Грузия явила миру Сталина. И парадокс - именно в этой стране, кажется, не осталось ни одной семьи, в которой не было бы пострадавших от репрессий, творимых всесильным земляком. Но еще большая загадка для меня заключается в отношении грузин к палачу их родных и близких.

Дочь художника Кирилла Зданевича, первооткрывателя и биографа Пиросмани, поведала мне удивительные истории о своей семье. Ее родной дядя Илья эмигрировал из Грузии и, оказавшись в Париже, стал директором фабрики Коко Шанель. А отец, художник-футурист Кирилл Зданевич, был репрессирован. За то, что в его доме нашли бутылку из-под виски.

Органами был сделан «соответствующий» вывод - если есть виски, значит, бывают иностранцы, а раз так, значит, хозяин дома - иностранный шпион. Зданевич несколько лет провел в лагере в Воркуте.

Сомнений в его невиновности, конечно же, ни у кого не было. По политической статье в те годы сидели десятки тысяч. При этом когда Мирель Кирилловна рассказывала мне о злоключениях отца, она неизменно добавляла: «Но Сталина я осуждать не буду. Что хотите со мной делайте, но у меня к нему неизменно хорошее отношение. Можете меня за это даже арестовать».

Впрочем, конечно же, говорить о том, что все грузины боготворят своего земляка будет большой неправдой.

Тамара Гвиниашвили, дочь четырежды (!!!) репрессированной княжны Бабо Дадиани и расстрелянного Александра Масхарашвили, рассказывала:

- К Сталину, как ни странно, многие относятся хорошо. Такое случается даже в семьях репрессированных.

Говорят о том, каким Сталин был великим и как умело правил огромной страной.

Да он потому и правил, что сумел насадить жуткий страх, который парализовал волю миллионов.

Я лично слышала историю, которую рассказал близкий друг Сталина. Они, тогда ученики семинарии, пришли на Куру. Вода еще была холодной, несмотря на май, и ребята стали просто во что-то играть на берегу.

На другой стороне реки на только что взошедшей зеленой траве паслись коровы. Вокруг одной бегал теленочек маленький - отбежит, пощиплет траву, возвращается к матери, и так по кругу. Сталин смотрел-смотрел на это, а потом разделся, переплыл реку, схватил теленка и все ноги ему перебил.

Это ли не варварство? Вот вам и великий Сталин.

Рассуждать о «величии» Сталина с грузинами мне приходилось не раз. Помню, я оказался за столом в компании увенчанных званиями и народной любовью грузинских ученых и писателей. И задал вопрос, кого они считают самым великим грузином в мире - за всю историю своей страны.

Ответы были различны - Шота Руставели, царица Тамара, Илья Чавчавадзе, Нико Пиросмани. Имя Сталина не назвал никто. Оно прозвучало из моих уст: «Если бы самым великим грузином был Руставели, мы жили бы в другом мире. Разве не Сталин самый великий и известный в мире грузин?»

На меня ополчился весь стол. Однако в завершении трапезы едва ли не половина из присутствующих на ней подошла ко мне и

тихо призналась: «Пожалуй, вы правы. Только не говорите об этом моей жене/ соседу/ другу/ знакомому».

Что же такое с нами происходит, если мы, зная обо всем, что случилось в роковые для миллионов 30-40-50-е, все равно считаем Сталина самым великим грузином?

Под «нами» имею в виду все национальности - не только главного героя этой книги и ее автора. Мне рассказывали, как несколько лет назад в Грузию приехали представители Дома Романовых, не стану уточнять, кто именно, ибо история была передана практически из первых уст.

Тамадой был назначен известный грузинский политик, которого то и дело подзуживали произнести тост за Сталина. Мужчина, надо отдать ему должное, отказался. Однако когда он предоставил слово для завершающего тоста гостям, великая княгиня - к удовольствию большинства присутствующих - вдруг предложила выпить за Сталина. Потому что даже в восприятии членов Царского Дома, он является императором, ибо значительно увеличил земли бывшей российской империи.

И в заключении еще одна история, которую мне поведали на родине Сталина. Это готовый сюжет для художественного рассказ, но только все, что в нем будет изложено - правда.

Нина Н. родилась и всю жизнь прожила в Батуми. В школу пошла в 1952 году. Всем первоклашкам учителя говорили, что если они станут хорошо учиться, их отправят в Москву. А там, в Кремле, дедушка Сталин самых лучших возьмет на руки.

Нина сразу представила, как убеленный сединой вождь (у ее дедушки были точно такие же усы, как у Сталина) именно на нее обратит свое внимание, она увидит - близко-близко - его родное лицо, а еще сможет дотронуться до пуговиц на его кителе: блестящих, в которых наверняка отражается солнце, голубое небо и белые облака, плывущие над Кремлем.

5 марта 1953 года занятия в школе отменили. По радио объявили, что «скончался Сталин». Нина тогда не знала, что означает это слово, а потому не понимала, отчего так грустят и даже плачут взрослые. Потом, уже на улице, она услышала слова соседки о том, что вождь и учитель «умер».

Это слово Нина знала - на прошлой неделе у нее как раз умерла морская свинка. И мама объяснила, что больше Нина свою любимицу не увидит.

Получается, и Сталина больше нет. А значит, никто не возьмет ее на руки и она уже никогда не увидит отражение голубого неба в золотых пуговицах на мундире генералиссимуса.

Но грустно Нине не было. Потому что теперь она могла громко сказать о том, что на самом деле больше всех на свете

любит не товарища Сталина, как ее учили в школе.

А своего дедушку, у которого были такие же усы, даже лучше, и который поднимал ее на руках каждый день вне зависимости от того, какие оценки она принесла из школы.

Глава 7. Большой треугольник

Сталин все грузинское из себя старался вытравить. Говорил только на русском, правда, даже в конце жизни почему-то с сильным акцентом. И обращал внимание только на русских красавиц - все последние увлечения вождя своей внешностью походили на персонажей русских народных сказаний.

Вера Давыдова

Ее называли одной из лучших исполнительниц партии Любаши в «Царской невесте» Римского-Корсакова, Кармен и Аиды в одноименных оперных шлягерах Бизе и Верди.

Больше двадцати лет - и каких: с 1932 по 1956 - Вера Давыдова была самой яркой звездой Большого театра.

Именно в те годы на сцене Большого блистали Галина Уланова, Ольга Лепешинская, Мария Максакова, Иван Козловский, Сергей Лемешев. Бывший Императорский театр находился под личной опекой «красного императора» Иосифа Сталина, несколько раз в неделю приезжавшего в театр послушать любимых артистов.

Он вообще был меломаном и любил петь сам. Это началось еще с семинарии, вспоминал его друг С. Гогличидзе:

«В Горийском духовном училище разрешили ввести часы светского пения, и это надо приписать инициативе Сосо. Помню, как-то раз, по окончании спевки, Сосо обратился ко мне с вопросом, почему рядом с нами, в городском училище, наряду с церковными, поют и светские песни, а нам не разрешают.

После некоторого раздумья я ответил, что наша школа - духовное училище, поэтому мы должны хорошо знать церковное пение, для городского же училища это необязательно.

- Я думаю, - возразил Сосо, - что и мы ничего не потеряем, если хоть иногда будем исполнять народные песни. Попросим, может быть, разрешат.

Спустя некоторое время из Тбилиси для производства ревизии в училище приехал преподаватель духовной семинарии. Результатами ревизии он остался доволен.

Очень понравился ему наш хор, в особенности сольное исполнение Сосо. Последний воспользовался этим и шепнул мне, чтобы я поговорил с ревизором о введении в училище светского пения. Я передал ревизору о нашем общем желании, причем и Сосо принял участие в этой беседе.

Ревизор предложил нам подать соответствующее заявление в правление училища и обещал, что поддержит наше ходатайство перед экзархом. Мы так и сделали. Через некоторое время от экзарха было получено разрешение исполнять светские песни и выделить особые часы для занятий учеников гимнастикой. После этого в стенах училища часто можно было слышать грузинские народные песни, исполняемые хором под руководством Сосо: «Чаухтет да чаухтет Бараташвилса», «Курдгели чамоцанцалда», «Вай шен чемо тетро бато», и другие».

Избранные солисты Большого удостаивались всевозможных благ и регалий. Вера Давыдова была в их числе -трижды лауреат Сталинской премии, депутат Верховного Совета, народная артистка России.

О том, что в те годы представляло собой искусство в Советском Союзе, в своей книге «Возвращение в СССР» писал Андре Жид:

«Понимаете ли, - объяснял мне Х., - это совсем не то, чего хотела публика; совсем не то, что нам сегодня нужно. Недавно он создал балет, очень яркий, и его хорошо приняли. («Он» - это Шостакович, о котором некоторые говорили мне с таким восхищением, с каким обычно говорят о гениях.) Но как вы хотите, чтобы народ отнесся к опере, из которой он не может напеть ни одной арии, выходя из театра? (Куда хватил! И вместе с тем Х., сам художник, высокообразованный человек, говорил до сих пор со мной вполне разумно.) Нам нужны нынче произведения, которые могут быть понятны каждому. Если сам Шостакович этого не понимает, то ему это дадут почувствовать, перестанут слушать его музыку».

Я запротестовал, говоря, что нередко самые прекрасные произведения, даже те, что становятся позже народными, доступны вначале малому кругу людей; что сам Бетховен. и протянул ему книжку, которая была у меня с собой: смотрите вот здесь: «Я тоже несколько лет назад (это говорит Бетховен) давал концерт в Берлине. Я выложился без остатка и надеялся, что чего-то достиг и, следовательно, будет настоящий успех. И смотрите, что получилось: когда я создал лучшее из того, на что способен, - ни малейшего знака одобрения».

Х. согласился со мной, что в СССР Бетховену было бы трудно оправиться от подобного поражения».

О происходящем в тридцатые годы в Большом вспоминала и Галина Вишневская:

«Это было золотое время для подлецов и карьеристов. Все они хорошо изучили вкусы Сталина, подыгрывали ему в его невежестве. Ведь Сталин вообще не понимал симфонической,

инструментальной музыки, а музыку современную просто терпеть не мог. Максимум, что было доступно его восприятию, - это народные песни и некоторые оперы. Об этом не стоило бы говорить, если б его примитивные, обывательские вкусы, узаконенные безграничной диктаторской властью, не стали определяющей политикой в искусстве, постулатом для любого гражданина этой страны и самым действенным и бьющим без промаха оружием в руках выслуживающихся прихлебателей, вовсю старающихся доказать свою преданность системе лжи».

Вера Давыдова была настоящей легендой. А сегодня о ней чаще всего вспоминают, лишь когда разговор заходит о Сталине, чьей последней любовью принято считать народную артистку.

Подобным титулом ее «одарил» писатель-эмигрант Леонард Гендлин, написавший книгу «Исповедь любовницы Сталина», которая представляет из себя будто бы монологи Давыдовой. Книга была опубликована уже после того, как певица прекратила свою оперную карьеру и находилась на пенсии.

Неудивительно, что история ее взимоотношений с самым сильным мира сего, оказалась более интересной для публики, нежели записи ее выступлений. Которые, кстати говоря, почти и не сохранились.

«Исповедь любовницы Сталина» мгновенно стала мировым бестеллером. Ведь на страницах книги якобы воспоминаний оперной дивы представал не только Сталин, но и его окружение. Выходила этакая летопись жизни одной шестой суши.

Вот так, например, Леонард Гендлин описывает встречу Давыдовой (будто с ее же слов) и сталинского соратника и ближайшего друга Сергея Кирова.

«Экономка сочинской дачи Полина Сергеевна встретила меня как родную (позже я убедилась, что она великолепная актриса и прекрасно разбирается в людях): «Моя добрая, дорогая Верочка, я рада видеть вас живой и здоровой!»

Море было спокойно. Я позагорала, потом легла на горячий песок и уснула. Сквозь сон я почувствовала чей-то взгляд, открыла глаза и увидела улыбающегося Кирова, сидящего в плетёном кресле в белоснежном костюме:

- Вы - соня, Вера Александровна!

- Как вы здесь очутились? - спросила я, забыв поздороваться.

- Я приехал ночью, - ответил Киров, - Сталин мне сказал, что завтра будет здесь.

Голод заставил нас поспешить к дому. Полина Сергеевна отругала нас за опоздание.

Через два дня приехал Сталин. Он очень осунулся. За ужином спросил:

- Как отдыхаете, не скучаете?

- Иосиф Виссарионович, вы делаете всё для того, чтобы я вас забыла.

Подозрительно посмотрев на меня, ответил:

- Когда любовь настоящая - не забывают.

Ночью влетел ко мне, как метеор. С бешенством, страстью и ненасытностью набросился на меня.

- Ты всегда будешь моей! - кричал он своим гортанным голосом. - Я тебе уже говорил, ты - самая лучшая женщина, понимаешь меня во всём. Барсова - полная противоположность.

- Слышала, Иосиф Виссарионович, что вы собираетесь жениться на ней?

От неожиданности Сталин задёргал усами:

- Зачем задавать дурацкие вопросы? У вас нет других тем для разговора?

Мне было нечего терять, и я решила всё ему рассказать:

- Валерия Владимировна Барсова пригласила меня к себе на новоселье и по секрету рассказала, что вы на коленях умоляли её стать вашей женой.

- Спасибо за информацию! Придётся её проучить за слишком длинный язык.

На следующий день понаехали гости. Однажды я увидела несущуюся к дому Полину Сергеевну: «Верочка! Снова было покушение на товарища Сталина! Взорваны две машины, Маленков ранен в плечо.»

Какое счастье, что меня там не было!

Вечером за мной приехали из Наркомата внутренних дел. Два часа я провела в кабинете Вышинского. Он спрашивал у меня, не подозреваю ли я кого-нибудь. Угостил чаем с вареньем и французским ликёром.

Когда я выходила, бросил мне вслед: «Как прикажете понимать, Вера Александровна, что все покушения на жизнь товарища Сталина происходят во время вашего совместного отдыха? Странное стечение обстоятельств, не правда ли?»

Безусловно, достоверность изложенной в книге информации по сей день вызывает много вопросов. Вера Давыдова категорически отрицала свою близость с вождем. Да и о самом существовании книги она узнала почти случайно.

Хотя совпадений, действительно, немало.

Сталин любил Большой, бывал на всех спектаклях Давыдовой. Да и в Москву ее перевели из Ленинграда аккурат после того, как не стало Надежды Аллилуевой.

Когда возникла идея восстановить оперу «Жизнь за царя» (теперь она должна была называться «Иван Сусанин»), главному

дирижеру Большого Самуилу Самосуду позвонили из Кремля: «Вас правильно поймут, если вы порекомендуете на главную роль заслуженную артистку Веру Давыдову».

Вера Давыдова родилась в 1906 году в Нижнем Новгороде. Ее дебют на сцене состоялся благодаря атаманше Нине Киашко - та командовала штабом анархистов в Николаевске-на-Амуре в 1917 году.

Одиннадцатилетняя Вера Давыдова работала тогда в пекарне. И получила задание от хозяина принять участие в любительском концерте, который устраивала новоявленная правительница их города Нина Киашко. Причем тому, кто провалится, угрожала чуть ли не казнью. А вот тому, кто выступит хорошо, атаманша обещала сажень дров.

Давыдова исполнила модный романс «У камина» и две песни. Ее выступление понравилось. Но не только голос привлек внимание атаманши - той приглянулись и японские ботинки, которые Вере подарила мать. В итоге на другой день Давыдова получила дрова и лишилась обуви, которая была реквизирована по распоряжению Киашко.

В Николаеве было неспокойно. Анархисты отступали и, не желая оставлять японцам город, сжигали все дотла, а население расстреливали.

Вера и ее отчим, как и многие простые жители, ушли из города. Матери девочки на тот момент не было в Николаеве, а потому она даже не знала об уходе семьи. Когда Давыдова с мужем матери находились в полной безопасности и об ужасах, творимых анархистами, можно было забыть, Вера приняла решение вернуться. Она не могла оставить мать.

До дома Вера добралась спокойно, но прямо возле него ее окружили хунхузы - китайские разбойники, которых в те годы было немало на Дальнем Востоке. Бежать было бесполезно. Девушка приготовилась к самому страшному, когда на улице появился человек, в котором Вера увидела. Иисуса Христа. Хунхузы исчезли, а Вера вошла в дом, где ее ждала. мать.

Историю своего спасения Давыдова потом под большим секретом рассказывала внучке.

Семья перебралась в Благовещенск, где Вера стала петь в хоре кафедрального собора. Но из-за набиравшей обороты антирелигиозной пропаганды, денег в соборе становилось все меньше и Вера стала петь в городском саду. Так решилась ее судьба. Успех у публики помог начинающей певице получить рекомендацию на учебу в Ленинград. Через 14 дней пути Вера оказалась в городе на Неве и поступила в консерваторию.

На тот момент в ленинградской консерватории училось

много грузин. Шутники даже предлагали ректору консерватории, знаменитому композитору Александру Глазунову поменять имя и фамилию и стать, на грузинский манер, Сандро Тваладзе. («твали» - по-грузински означает «глаз»).

Вместе с Давыдовой учились композиторы Андрей Баланчивадзе, брат великого хореографа Жоржа Баланчина, и Евгений Микеладзе.

Дирижер Микеладзе - один из героев нашей предыдущей истории, муж Кетеван Орахелашвили, с семьей которой Вера потом будет дружна. А пока ее другом был сам Микеладзе. Они вместе ходили в вегетарианскую столовую и обсуждали за обедом картины импрессионистов.

Там же, в консерватории, состоялась и встреча Вера Дывыдовой с будущим мужем, оперным певцом Дмитрием Мчедлидзе. Первый раз они увиделись в профкоме, где Вера печатала на машинке статью для стенгазеты.

Мчедлидзе тогда только приехал из Грузии и пришел на прием к ректору.

Первой серьезной работой студентки Веры Давыдовой на сцене стала партия Кармен. Для того, чтобы Вера смогла правильно исполнить несколько испанских танцев, с ней занимались земляки ее будущего мужа - Вахтанг Чабукиани и Ляля Чикваидзе.

Дмитрий Мчедлидзе был восхищен талантом Давыдовой и подарил ей гвоздику.

По окончании консерватории Давыдову приняли в труппу Мариинского театра, который теперь назывался Ленинградский большой оперный театр.

Черед Давыдовой оценить мастерство Дмитрия Мчедлидзе наступил чуть позже. Грузинский певец блестяще исполнил партию Мельника в «Русалке». В свое время в этой опере блистал сам Федор Шаляпин.

В этот раз уже Вера Давыдова подарила гвоздику Мчедлидзе. Дмитрий был счастлив:

- Вчера я изображал сумасшедшего! Но сегодня кажется действительно сойду с ума!

Вскоре он перевез Веру к себе на квартиру и началась их совместная семейная жизнь. Из-за этого Давыдова даже отказалась на несколько лет поехать в Берлин, где ей предлагали контракт. В дальнейшем это спасло ей жизнь.

О Вере Давыдовой начинают говорить по всей стране. Постепенно слух о ней дошел и до Москвы. В те времена было принято всех лучших артистов забирать в Большой.

Давыдова пела «Дочь фараона», когда в театр пришла

комиссия из Москвы. Невиданный случай - контракт с молодой певицей был подписан еще до окончания спектакля.

В 1932 году Вера Давыдова уже находилась в столице. Во время концерта, посвященного 15-летию революции, она исполнила партию в драматической симфонии Шебалина «Ленин».

Она была не только выдающейся певицей, но и хорошей актрисой. Недаром после оперы «Царская невеста» сама Ольга Книппер-Чехова уговаривала Давыдову поступить в труппу МХАТ.

В Художественный театр Вера Давыдова, конечно же, не поступила. Да никто и не позволил бы ей покинуть Большой. Тем более, что на тот момент на нее уже обратили внимание и в Кремле.

1-го января Давыдовой позвонила Мариам Орахелашвили (мать Кетеван Орахелашвили и теща Евгения Микеладзе). Женщина тогда занимала пост наркома просвещения Грузии. Орахелашвили пригласила Давыдову на дачу к Авелю Енукидзе, одному из ближайших соратников Сталина.

Отказываться Давыдова и не думала. В назначенный час к гостинице «Националь», где жила певица, подали черный линкольн и вместе с Орахелашвили они отправились к Енукидзе в поселок Мещерино.

На даче собралась небольшая компания. Вера, будучи женой Дмитрия Мчедлидзе (тот, кстати, оставался с их маленьким сыном в Ленинграде), уже знала несколько грузинских слов и песен, а потому исполнила перед гостями знаменитый «Мравалжамиер», песню-тост.

Енукидзе был польщен. В ответ он попросил Давыдову спеть вместе с ним. После того, как импровизированный дуэт сорвал аплодисменты присутствующих, Енукидзе сообщил Давыдовой, что ее Кармен и Аидой восхищается один человек.

- Кто же он?

- Иосиф Виссарионович.

Вскоре Давыдова отправилась на гастроли во Владивосток, где выступила перед маршалом Блюхером. Дома у внучки певицы по сей день хранится грамота, подписанная легендарным военачальником. Хотя после того, как Блюхер был объявлен врагом народа, держать подобные документы было небезопасно.

Видимо, у Давыдовой поводов для страха не было. В конце концов, она действительно была любимой певицей Сталина. И это - очевидный, в том числе и внучке мой героини, факт.

В 1935 году на сцене Большого состоялась премьера оперы Ивана Дзержинского «Тихий Дон». Партию Аксиньи исполняла Вера Давыдова. Первым зрителем спектакля был Сталин,

оставшийся довольным постановкой. В 1937 году Вере Давыдовой было присвоено звание заслуженной артистки Республики и вручен орден «Знак почета».

Во время войны Вера Давыдова с мужем несколько месяцев провели в Тбилиси, откуда их направили на гастроли в Тегеран. В столице Ирана Давыдова выступала лично перед шахом.

В 1944 году Давыдова уже вновь блистает на сцене Большого театра. На концерте в честь Дня Победы вместе с ведущими артистами она выступала в Георгиевском зале Кремля перед Сталиным и маршалами.

Лидия Русланова по просьбе Жукова исполнила «Валенки», а Вера Давыдова - по просьбе Микояна «для понимающих» - песню на грузинском языке. Она спела «Цицинателу». Во всех газетных статьях того времени отмечено, что во время исполнения этой знаменитой грузинской колыбельной, Сталин встал со своего места и слушал Давыдову стоя.

О близости Давыдовой к Сталину говорили уже тогда. И не только в Советском Союзе. Во время больших гастролей по Скандинавии Давыдову в газетах называли «певицей из Кремля».

Впрочем, полные залы на выступлениях русской певицы были вовсе не из-за этого сомнительного титула. В Швеции Грета Гарбо не пропускала ни одного концерта Давыдовой и восхищалась ее талантом. В Копенгагене за кулисы пришла русская эмигрантка и подарила самое ценное, что ей удалось вывезти из России: фото Шаляпина с его автографом.

Но на саму Веру Александровну большое впечатление произвел случай, который приключился с ней в Дании. Ей срочно понадобилось платье для выступления и самый популярный портной страны бесплатно согласился сшить ей концертное платье. На утро во всех газетах Дании была опубликована реклама: «Великая певица мадам Давыдова шьет свои туалеты только у дамского портного Вячеслава».

Два раза - в 1947 и 1951 году - Вера Давыдова становилась депутатом Верховного Совета СССР. За два года до смерти Сталина ей было присвоено звание народной артистки РСФСР.

После смерти вождя Давыдова приняла решение уйти из Большого. По официальной версии, сделала это по собственной инициативе. Спросив у работницы сцены, сколько раз давали занавес, произнесла: «Тринадцать раз довольно. Больше не выйду. И вообще на сцену больше не выйду».

После ухода Сталина закончилась карьера и другой оперной дивы, Марии Максаковой. О симпатии к которой со стороны вождя тоже судачила вся Москва.

Для Сталина все русское было синонимом самого лучшего.

Русская жена - в том числе. Когда верный секретарь вождя Александр Поскребышев обнаружил в очередном списке подлежащих аресту имя своей жены, то на коленях заполз в кабинет Сталина, мечтая вымолить для супруги прощение.

Сталин, конечно же, понял, в чем дело. Но ответил тихим голосом: «Не плачь, мы тебе русскую жену найдем. Русские - вернее. Она тебя слушаться будет. Она - тебя, а не ты ее».

Мне об истории Веры Давыдовой и ее взаимоотношениях со Сталиным рассказала внучка певицы, которая сегодня живет в Тбилиси.

Познакомились мы совершенно случайно - я читал лекцию в одном из институтов Грузии, после которой состоялось неформальное общение с его сотрудниками.

Ольга Мчедлидзе во время импровизированного застолья сидела в стороне и была, казалось, погружена в какие-то свои мысли. Мне даже стало казаться, что ей настолько не понравилось мое выступление, что она осталась после лекции лишь из вежливости.

В этот момент нас и представили друг другу. Конечно же, я слышал о том, какой выдающейся певицей был Вера Давыдова. Но почему-то первым делом на память пришли разговоры о том, что она была любимой певицей - и, как поговаривали, не только - Сталина.

Уже на следующий день я стоял возле старого дома в самом центре Тбилиси, неподалеку от Оперного театра, где последние годы своей жизни работали Вера Давыдова и ее муж Дмитрий Мчедлидзе.

Собственно, из-за мужа-грузина Давыдова и оказалась в столице Грузии. В 1952 году директора оперной труппы Большого театра Дмитрия Мчедлидзе направили руководить Оперным театром в Тбилиси. А вскоре вслед за ним туда переехала и Давыдова.

При этом, правда, год отъезда Мчедлидзе в Тбилиси совпал с «последней любовной атакой» Сталина на Давыдову, а ее собственый отъезд - с докладом Хрущева о культе личности.

Но гадать в данном случае - дело неблагодарное.

А потому я просто перескажу то, что услышал от внучки знаменитой певицы.

Мы сидели в полупустой гостиной некогда роскошно обставленной квартиры главной оперной дивы Советского Союза.

Ольга рассказывала об истории своей семьи, принося из соседней комнаты пухлые фотоальбомы, обложку которых украшали рисунки с идущим на лыжах Ворошиловым или пионерами-героями.

- Меня фактически вырастила бабушка, мама с папой все время работали. А бабушка уже была на пенсии и могла заниматься внуками. Почти все свое детство я провела в этой квартире.

При мне к бабушке пришли ее китайские студенты, которых она во время своей поездки в Китай учила оперному мастерству. Когда эти китайцы приехали в Грузию, то, конечно же, пришли в гости к Вере Давыдовой. И попросили ее подписать им книгу. Незадолго до этого один из грузинских писателей написал биографическую книгу о бабушке - оее детстве, о том, как она начала петь, о работе в Ленинграде и Москве.

Бабушка тоже помогала писать эту книгу и, конечно же, обрадовалась, что работа переведена даже на китайский. Правда, она была не совсем довольна изданием, а потому сказала иностранным гостям, что вообще-то собирается немного переделать книгу и дополнить рассказ о ее работе в Большом театре.

«Каком Большом театре?» - удивились китайцы. И рассказали, что речь в книге идет вовсе не о творчестве Веры Давыдовой, аоее любовных отношениях со Сталиным.

Когда бабушка в подробностях узнала содержание книги, то ей стало плохо.

Оказалось, что сочинение Гендлина, которое он выдал за якобы надиктованные ему воспоминания Давыдовой, в семидесятых годах вышло в Европе, почти мгновенно стало бестелером во всем мире и было переведено на несколько языков. Мало того, в Голливуде по этой книге собирались снимать фильм.

Первым делом бабушка потребовала перевести для нее книгу на русский язык. Первыми текст прочли мы и решили бабушке его не показывать. Но не таким она была человеком, чтобы не добиться своего.

Можно представить себе ее чувства, когда она читала о себе и Кирове. Или о том, как ревновала Сталина к другой оперной диве, Валерии Барсовой.

Из книги Леонарда Гендлина.

«После банкета Валерия Барсова на своих коротеньких ножках направилась к сцене, петь. Несмотря на свои сорок лет, она прекрасно выглядела. Иосиф Виссарионович не сводил глаз с её декольте. Мы несколько раз встретились с ним взглядом. Потом конферансье торжественно объявил: «А сейчас выступит наша изумительная Кармен - Вера Давыдова!»

Ворошилов и Тухачевский преподнесли мне цветы.

В полночь гости разошлись. И Ворошилов, и Тухачевский предложили мне место в машине. В их спор со смехом вмешался

Сталин:

- Что это: два волка спорят из-за добычи? Учтите, на вашей дуэли секундантов не будет!

Впервые Сталину был безразличен мой отъезд. Была уверена, что на ночь он пригласил матрону Барсову или одну молоденькую балерину. Страшилась будущего и одновременно чувствовала себя птицей, выпущенной из клетки.

- Клим, поехали, - зевая, сказала Екатерина Ворошилова.

- Хорошо-хорошо, едем, - ворчливо бросил он.

Таким образом, я оказалась в машине Тухачевского. Сталин даже не взглянул на меня.

Опустевшими улицами мы неслись через город в лес. Свежий ветер овевал наши лица. Мы были свободны и счастливы как птицы.

- Верочка, когда ты согласишься стать моей женой? - грустно спросил Михаил Николаевич. Я ответила ему долгим-долгим поцелуем.

- Поедем на несколько дней в Переяславль, - предложил Михаил. - У меня там - друг, половим рыбу.

- А что я скажу в театре?

- Постараюсь устроить бюллетень из военного госпиталя, у меня там друзья.

Барсова сильно изменилась. Стала настоящей мегерой. Её малейшее желание мгновенно исполнялось. Она получила прекрасную новую квартиру и пригласила меня на новоселье: новая фаворитка хотела унизить брошенную любовницу.

Я специально пришла с Норцовым. Танцевали, пели, было чудесно. Раздался телефонный звонок, звонили из Кремля. Барсова поспешно кинулась к аппарату. Её попросили передать мне об участии в концерте, который должен был состояться в Кремле! От злости Барсова искусала до крови губы.

- Дорогая, - прошипела она сквозь стиснутые золотые зубы, - я знаю все ваши похождения и не советую прошибать головой стену. Вы проиграли. По секрету, между нами, могу сказать: он на коленях умолял меня стать его женой.

Я больше не могла сдерживаться и расхохоталась. Мой смех был настолько заразителен, что рассмеялись и гости, не зная причины этой весёлости и не слыша ни слова из нашей «дружеской» беседы.

Мы прекрасно провели время с Михаилом Тухачевским в Переяславле: ходили по монастырям, ловили рыбу, отдыхали, но, к сожалению, его скоро отозвали на службу.

Вскоре после моего возвращения мне передали конверт с билетом до Сочи и большой суммой денег. Тут же позвонил

Поскрёбышев:

- Передаю трубку товарищу Сталину.

- Товарищ Давыдова, вы совсем перестали бывать у нас. Это плохо - забывать старых друзей!

- Я болела, горло лечила.

- Тогда мы квиты. Я тоже болел. У меня очень болели зубы. Скоро увидимся. До свидания!»

Ольга Мчедлидзе продолжает:

- Бабушка прочитала книгу. В результате с ней случился сердечный приступ. И думаю, ее уход из жизни стал следствием этой книги. Она ведь ничем не болела.

Автор якобы воспоминаний певицы очень хитро подстраховался. В предисловии он написал, что однажды его пригласила к себе Вера Давыдова и спросив, смелый ли он человек, рассказала историю своих отношений со Сталиным. А в конце будто бы предупредила, что когда книга выйдет, она ото всего будет отказываться.

При том, что книга написана от первого лица. Там, среди прочего, есть такие фразы: «Я нежилась в весенних солнечных лучах и, лежа на тахте, читала Мопассана». Полная чушь.

Бабушка на самом деле знала Гендлина. Он работал в оркестре Большого театра. Но был, скажем так, не самым приятным человеком и не самым хорошим музыкантом. Дело кончилось тем, что мой дед, руководивший в те годы оперой Большого, уволил этого Гендлина. И тот, уехав за границу, таким образом отомстил деду. Ведь получалось, что бабушка была ему неверна.

Мало того, деду Гендлин тоже посвятил несколько строк в книге. Так, согласно его версии, именно благодаря всемогущим поклонникам Давыдовой сложилась и судьба самого Мчедлидзе.

Сергей Киров, ухаживая за певицей, сообщает ей о переводе супруга в Большой театр.

А ведь дед действительно был очень интересным человеком. Кончил школу в Кутаиси. Первое образование получил в Тифлисе, работал юристом. А потом его пение услышали, случайно, за столом. И сказали, что с таким басом он должен учиться в консерватории.

Сперва он поступил в консерваторию в Тифлисе. А потом уже его послали в Ленинград. У Дмитрия Мчедлидзе была успешная карьера. При том, что он был, как принято говорить, из неблагонадежной семьи. Его отца, священника, расстреляли за то, что он освятил храм.

Страшная была история. Их - нескольких священников - расстреляли не до конца, скорее ранили. И закопали живыми,

земля над их могилой ходуном ходила. Жена Симона, моя прабабка, ходила к той могиле, но ее туда не пускали.

Потом, уже в наше время, прадеда причислили к лику святых.

В Большом Дмитрий Мчедлидзе был директором оперы в самую золотую эпоху театра, в 30-е годы. А в Тбилиси уехал, потому что его сюда позвали.

Просьба исходила от тогдашнего Первого секретаря ЦК Грузии Мжаванадзе. Он лично попросил деда и тот приехал поднимать театр. А потом вдруг отказался быть директором Оперы в Тбилиси. Был такой период, когда он пять лет не был директором. Потом Эдуард Шеварднадзе, тогда уже он являлся Первым секретарем ЦК Грузии, его вызвал к себе, потому что в Опере полный был упадок. Сами работники театра требовали вернуть деда, потому что помнили, как при нем было хорошо. И его вновь назначили.

Перед самой своей смертью дед закончил книгу о трех поколениях грузинских певцов. Интересная получилась книга. Но существует только в рукописи, так и не увидев свет.

Дедушкаумер в 1983 году, ему было восемьдесят лет.

Книга тогда находилась в самом процессе подготовки и бабушка все время старалась ее выпустить. Не счесть, сколько раз. У меня сохранилась ее старая телефонная книжка. Я не знаю, кого там только нет, кого она не беспокоила, чтобы как-нибудь эту книгу выпустить.

Дед никого не обидел, всех вспомнил. Писал он именно об опере. Считал, что он больше директор оперы, чем балета, потому что балетом в Тбилиси тогда Вахтанг Чабукиани заведовал и у них был очень хороший тандем.

Они вместе учились в Ленинграде. Вахтанг учился в хореографическом училище, а дед - в консерватории. Но они дружили. Помню, он рассказывал, как Чабукиани приходил к ним домой и они вместе перевязывали ему шнурками ботинки. Потому что отпадали подметки. Они перевязывали их, чтобы Чабукиани хотя бы до дому дошел.

Потом они уже жили, конечно, обеспеченно. У бабушки была большая коллекция чайных чашек. У меня сегодня сохранилось несколько из китайского набора.

Она вообще любила покупать чашки, имела такую привычку. Перед новым годом в Большом был всегда спектакль, и когда он кончался, то она пешком - а они жили на Садово-Сухаревской, это близко от театра, обязательно заходила в ГУМ и покупала 12 чашек, непременно все разные.

Сколько их было! Потом то и дело приходили гости, чашки ставили на стол. И они бились, естественно. За год какое-то

невероятное количество билось, а на следующий год снова 12 новых появлялось.

А еще от бабушки сохранились некоторые ее костюмы. Многое вышито ее руками. Обычно, когда она ездила на гастроли, в город не выходила вообще, боясь простудиться. Сидела в гостинице и вышивала.

Сейчас все костюмы хранятся у меня в Тбилиси. А так хочется передать все это в музей. Я не потому отдаю, что девать некуда. У меня вообще задумка знаете какая была? Думала, одну из комнат бабушкиной квартиры переделать в музей. Стеллажи установить, костюмы на стендах или на манекенах повесить. Но на все это у министерства культуры не нашлось денег. Мне сказали: делай сама. А на что? Так, в общем, эта идея на корню засохла.

Бабушка многое мне рассказывала. Жалею, что не записывала за ней. Как она о своем детстве на Дальнем Востоке вспоминала. Например, говорила: 30 человек бандитов надо мной стояло, я держала в руках приготовленный яд и только ждала момент, чтобы его проглотить. И тут кто-то свистнул, мол, не время сейчас девкой заниматься, айда. Они все уехали, а она осталась совершенно растерянная и опустошенная.

Или этот долгий путь по тайге, который проделали ее односельчане, чтобы спастись от наступления белых банд. Бабушке, как единственному ребенку, которого везли на телеге, вручили маленькую бутылочку с сахарином, чтобы когда вся группа сядет пить чай у костра, этот сахар взять. И когда у нее по неосторожности эта бутылочка разбилась, ее чуть не убили эти люди.

Потом бабушка стала примадонной Большого театра. И все, конечно, изменилось.

У них с дедом была роскошная дача в подмосковных Снегирях. Прекрасный дом, совершенно потрясающий, говорят. Дед сам занимался строительством, русскую печку сложил, сделал большой зал, в который выходило несколько дверей. Причем каждая была изготовлена из особого дерева. А в кухню вела дверь, и вовсе сделанная из 14 разных видов дерева, и все они были представлены в виде фруктов. Красное яблоко было из красного дерева, груша желтая была тоже из какого-то дерева. Очень красиво.

Все было из какого-то дворца русских князей. Его не то что грабили, он просто шел под слом. В таких случаях звонили людям, которые имели отношение к искусству и могли бы оценить подобные вещи. И им продавали.

Так позвонили и бабушке с дедушкой. И они поехали выбирать дверь для своей дачи, выбрали семь штук, все разные.

Та, которая в кухню, вообще представляла из себя произведение искусства. Тут же был и камин, выложенный синими петухами - кафель был такой особый, тоже из дворца.

Все это сгорело во время войны. Причем говорили, что подожгли не немцы, а односельчане, которые страшно злились на хозяев дома за то, что построили дачу на их пастбищах. Люди настолько были озлоблены, что воспользовались тем, что все спишется на войну.

Так и случилось. Когда началась война, бабушка с дедом уехали в Тбилиси. А все, что было ценного в московской квартире, отправили на дачу. И там все погибло, совершенно все.

После войны они туда даже не ездили. Им потом рассказывали, как увозили на салазках слитки серебра, много серебра было у них. Самовары какие-то.

Они обеспеченными людьми были. Восемь тысяч рублей бабушка получала за спектакль. А это в то время немаленькие деньги были.

Машина у них тоже была, но ее забрали сразу, как война началась. В связи с оборонными нуждами. Потом, после войны, вернули какую-то машину трофейную, «Эмочку». Не знаю, что за машина, но они ее так называли.

Во время войны они находились в Тбилиси. Причем сюда приехали в обход Большого театра, потому что вся родня деда была здесь. Два года они жили в Грузии. Бабушка пела в местном театре, тбилисцы вспоминают об этом по сей день с восторгом. Она здесь, например, сделала «Самсона и Далилу».

В первые годы войны в Тбилиси был и Художественный театр. Ольга Книппер-Чехова, Владимир Немирович-Данченко, Сергей Прокофьев. Дед и бабушка с Прокофьевым, по-моему, были в очень близких отношениях.

И с Шостаковичем тоже. У них ведь была еще связь по школе. Имею в виду, конечно, не общеобразовательную.

Дело в том, что они все должны были учиться в партийной школе. Без того, чтобы сдавать какие-то партийные экзамены, просто нельзя было тогда стать депутатом. Недавно мне как раз конспект попался, в котором рукой бабушки лекции по истории партии или социалистического материализма записаны.

Все это она не выбрасывала. Она вообще хранила все. У нее был какой-то пунктик на эту тему. То и дело говорила мне: «Не выбрасывай, не выбрасывай! Не знаешь же, вдруг понадобится. Зачем все выбрасывать!» Поэтому писем у меня хранится вы не представляете, какое количество. И не знаю, что с ними делать.

Наверное, я просто плохая внучка. Надо бы сесть и ничего больше не делать, а только этот архив изучать. Но как тогда жить,

на что?

Через два года из Тбилиси бабушка с дедом вернулись в Москву. Их вызвали, буквально под угрозой того, что иначе выгонят из театра. К тому времени Большой уже вернулся, все было в порядке и можно было приступать к работе.

В те годы бабушку узнавали на улице. За ней же после спектакля толпы ходили. Очень она была популярна, ее имя гремело, не знаю как. Но как-то спокойно все было.

Дедушка уехал в Грузию в 1952 году. А она - два года спустя.

Почему она ушла из Большого, знает только бабушка. Что-то там случилось, видимо. Она спела последний свой спектакль в 48 лет. И это было триумфом. Сама решила для себя, что выйдет на поклоны 13 раз. Для меня, говорила она, 13 - число счастливое. Потому что 13-го сын родился и у нее 13 вечно было как талисман.

Последним ее спектаклем стала «Аида». Она с «Аидой» приехала в Москву и с «Аидой» ушла со сцены. Эту оперу она спела первый раз спонтанно, совсем не готовилась. Ее вызвали из Мариинского, она прилетела в Москву и спела в Большом. Рассказывала мне, что даже не готовилась, просто знала эту партию и спокойно вышла на сцену.

Думаю, она ушла по собственной инициативе. Просто так решила. Но все-таки были, видимо, предпосылки. Потому что какие-то записочки я нахожу такого ультимативного характера с ее стороны: «Если вы вот этого не сделаете, то я уйду из театра», «Если мои условия не будут учтены, то я распрощаюсь». Значит, что-то не было сделано. Потом какие-то извинительные опять же идут записки уже со стороны руководства Большого.

Бабушка так и не стала народной артисткой Советского Союза. Это вообще была для нее больная тема, она переживала из-за этого.

Накануне ее очередного юбилея всегда начиналось одно и то же: «Ой, вы такая великая, такая гениальная». Но звания так и не присвоили. Из-за этого она была не в ладах с министром культуры Фурцевой.

В первый раз, когда ей не дали звание Народной СССР, то вместе с ней не получила звание и балерина Марина Семенова. Было сказано: раз Давыдовой не дали, то никому не дадут.

Тогда говорили, что все дело в Михаиле Суслове. (Секретаре ЦК КПСС по идеологии, - прим. И. О.) Почему так случилось на самом деле, я не знаю. Возможно потому, что она уехала в Грузию, оставила Большой. Но ведь она уехала не потому, что это был ее каприз. Какие-то были, видимо, для этого объективные причины.

Почему-то никто не думает, что все объяснялось элементарно тем, что она просто не захотела быть без мужа, бросила все и уехала к нему.

Если почитать письма, которые они друг другу писали на протяжении всей жизни, это такие излияния чувств. Там кроме «Гугу» и «Солнышко» нет никаких других обращений.

Гугу - это дедушка. А Солнышко - это Вера.

Вообще, когда они справляли золотую свадьбу. Они в 1929 поженились, значит это отмечалось в 1979. Большое застолье было и очень серьезные гости приехали, справлялось все в Тбилиси. Главной темой того праздника был пример великой обоюдной любви, который своей жизнью явили бабушка и дед.

Что касается разговоров про Сталина, то они были всегда.

Даже про моего папу говорили, что он - сын Сталина. Но так сплетничали не только про него. Про дочь Марии Максаковой, тоже солистки Большого, так говорили.

Я к обсуждению этой темы никогда не стремилась. Наоборот, это столько нервов нашей семьей попортило.

Совсем недавно, кстати, купила российскую газету. В Москве ведь очень любят говорить о Сталине. Так вот журналист пишет, что Сталин, мол, был против того, чтобы театральные дивы одевались броско, современно, вызывающе. Например, говорится в статье, на одном из приемов присутствовала Давыдова Вера Александровна, очень знаменитая в то время певица, которая нравилась Сталину, как певица, (а в скобках указано, что она была и его последней любовью). И якобы Сталин к ней подошел, а на ней было платье с каким-то ультрамодным ремешком, показал на этот ремешок и сказал: «Вы, Вера Александровна, поете-то хорошо. Последний спектакль я слушал и голос у вас звучал. Но пояс такой надевать вам не к лицу».

Абсолютная глупость, по-моему. Потому что насчет пояса я знаю, как все обстояло на самом деле, мне бабушка сама рассказывала. Из Скандинавии она привезла пряжку, которая была усыпана искусственными бриллиантиками. Такое было чешское стекло, которое очень похоже на бриллиантики. Большая была пряжка. На бабушке было очень строгое бархатное платье, воротник под подбородок. И оно было стянуто этой самой пряжкой.

Бабушка рассказывала, что к ней подошел Сталин, трубкой коснулся пряжки и спросил: «Это настоящее?» Она ответила: «Ну что вы, Иосиф Виссарионович, откуда.» А он продолжил: «А должно было быть настоящее».

Жаль, что та брошь не сохранилась. Ибо воспоминаний о ней осталось, на удивление, много.

О туалете Веры Давыдовой вспоминал даже бывший охранник Сталина Алексей Рыбин в своей книге «Миф о любовницах Сталина»:

«Вождь был оперным меломаном. Он часто бывал в Большом театре, иногда приглашал артистов в Кремль или на дачу. Артисток (как и артистов) действительно привозили по ночам. Но привозили с совсем иной целью. Сталин, принимая в Кремле или на даче иностранные делегации, любил завершать деловые переговоры концертом.

В октябре 1943 года Сталин принимал у себя английскую и американскую делегации. Примерно в час ночи Власик по его указанию привез артистов. Многих подняли с постели. Это были Давыдова, Шпиллер, Лемешев, Барсова, Златогорова, Райкин и др.

После отъезда гостей Сталин подошел к артистам и строго сказал: «Товарищ Давыдова, вы вызвали у иностранцев усмешку вашей ультрамодной одеждой (на ней был какой-то поясок с букетом ниже пупка). Шпиллер тоже интересная женщина, но она одета так, как и полагается советской женщине».

Ольга Мчедлидзе продолжает:

- Да и вообще в том, что Сталин проявлял внимание по отношению к актрисам, ничего предосудительного нет. Он же был живым человеком. Почему не мог быть увлечен кем-то? Бабушка и сама не отрицала того, что ему нравилась.

Рассказывала, что когда пела сцену судилища в «Аиде», то обратила внимание на ложу Сталина. «Я, - говорила она, - видела, как колыхался занавес. Сталин приходил, слушал «судилище» и уходил».

Видимо, нравилось ему это «судилище».

Леонард Гендлин вкладывает в уста Давыдовой свое объяснение приходов Сталина в Большой:

«Все знали, что Сталин ни одного моего спектакля не пропускал. Однажды выхожу, около служебного входа стоит машина. Приглашают садиться. Молча сажусь. Приезжаем на дачу. По лестнице поднимаюсь наверх и вижу. там стоит сам Сталин. Я так разволновалась: «Что такое? Почему меня вдруг к Сталину привезли?» А он говорит: «Вера Александровна! А Вас не удивляет, что каждый раз, когда Вы поете Кармен, Аиду или Амнерис, я всегда прихожу в театр и сижу на одном и том же стуле?» «А почему я должна удивляться?» А он: «Так вот, я должен Вам сказать, что сижу и, как мальчишка, ревную. Вас обнимает один Хозе, другой Хозе. Мне прямо на сцену выскочить хочется и дать им хорошенько!»

Так было ли что-то между вождем и певицей?

Вера Давыдова действительно часто встречалась со Сталиным. Но каждый раз это происходило во время правительственных приемов, на которые ее приглашали, как ведущую солистку Большого театра.

Рассказывает Ольга Мчедлидзе:

- Бабушка уже была замужем за Мчедлидзе, а потому немного знала грузинский и могла ответить Сталину на его родном языке, что тому, конечно же, очень нравилось.

Сталин часто приходил на ее спектакли в Большой театр. Но, насколько я знаю, частная встреча бабушки и вождя состоялась лишь однажды.

Давыдову увезли на Ближнюю дачу Сталина прямо после спектакля. Дома у нас, конечно же, в эту ночь никто не спал. Ждали, с чем вернется - и вернется ли вообще - домой бабушка. Она приехала под утро и рассказала следующее.

Ее привезли на дачу и тут же проводили в кабинет Сталина. Он стоял, отвернувшись лицом к окну. Без кителя, просто в рубашке. Когда бабушка переступила порог, Сталин обратился к ней со словами: «Мне уже немало лет. И вы - единственый человек, с кем мне хотелось бы провести свои последние годы. Вы не против?»

На что бабушка ответила, что ради Сталина готова на все, даже броситься под танк. Но она замужем.

После этого Сталин спросил, чем может помочь Давыдовой. А та ответила, что просит присвоить звание народной артистки ее педагогу Девос-Соболевой.

Сталин подошел к столу, записал в календаре просьбу бабушки. И распорядился отвезти ее домой.

На этом, по ее словам, все и закончилось. Хотя в народе все равно ходили упорные разговоры о том, что бабушка -любовница Сталина.

В книге Гендлина этот же эпизод описан совсем по-другому:

«После крепкого горячего кофе, вкуснейшего грога стало совсем хорошо. Боязнь и растерянность улетучились. Я пошла за ним. Оказалось, что И. В. ростом ниже меня. Мы вошли в комнату, где стояла большая низкая кушетка. Сталин попросил разрешения снять френч. На плечи он накинул восточный халат, сел рядом, спросил: «Можно потушить свет? В темноте легче разговаривать».

Не дождавшись ответа, он погасил свет. И. В. меня обнял, умело расстегнул кофточку. Сердце мое затрепетало. «Товарищ Сталин! Иосиф Виссарионович, родненький, не надо, я боюсь! Пустите меня домой!..»

На мой жалкий лепет он не обратил никакого внимания,

только в темноте загорелись ярким пламенем его звериные глаза. Я еще раз попыталась вырваться. но все было напрасно».

Ольга Мчедлидзе с версией писателя-эмигранта категорически не согласна:

- Давыдова любила любила только Мчедлидзе. Видите, оставила ради него Большой театр, Москву и приехала в Тбилиси.

Было ли у нее в конце жизни какое-то сожаление из-за того, как все в итоге сложилось? В 1993 году оказалось, что уже никому ничего не надо.

Тут ей было сложно потому, что она всегда привыкла находиться во главе угла. Всех кормила, всем давала деньги, всех с плеча одевала. Образно говоря, была начальником всей своей родни.

Она получала хорошую пенсию. Не знаю, нужно ли сейчас говорить, но Хрущев назначил ведущим артистам Большого театра тройную пенсию. Всего шесть человек ее получали. То есть, у них было не 120 рублей, что в Советском Союзе считалось достойными деньгами, а 360.

И вдруг страны отделились, никаких рублей уже не было, в Грузии купоны появились. Это вообще смехотворное дело было - миллионы давали, но на них ничего нельзя было купить.

А по документам Давыдовой полагалось получать пенсию из Большого театра. Потому что эти шесть человек считались неприкосновенными. Не знаю, по какому закону или приказу, но они должны были получать свои 360 рублей до конца жизни.

Сколько могла, я сохраняла для бабушки видимость того, что ничто не меняется. Сама давала ей деньги, старалась поддерживать: мол, вот, пришла пенсия, давай, распишись. Хотя ей уже ничего достойного из Москвы не приходило. После деноминации пенсия составляла 36 рублей.

Когда я в первый раз взяла эту сумму, то даже не знала, что с ней делать. Бабушка находилась в полном рассудке и, кстати, в полном рассудке и ушла из жизни. Я решила сказать ей о том, сколько ей теперь полагается из Москвы получать денег. Думала, может, она позвонит кому-то или скажет, как на это надо реагировать. Но ничего изменить уже было нельзя.

А уж когда в Тбилиси ей стали выдавать купоны, то она и вовсе не понимала, что с ними делать.

Непростая у нее была жизнь в конце. Как она переживала все это? Она же в своей тбилисской квартире пересидела всю гражданскую войну. Никуда не хотела уходить, хотя один раз даже шальная пуля залетела.

О Сталине и культе личности мы не говорили.

Бабушка с дедушкой принадлежали к сталинскому обществу,

вся их жизнь была с связана с именем этого человека. И ее слова о том, что она под танк готова броситься ради Сталина, по моему, были сказаны искренне.

Верила ли она Сталину также и в конце жизни? Нет, не думаю. Но, во всяком случае, она никогда не допускала, что он был таким тираном.

Люди ее поколения никогда так не думали. Тем более, что нашей семьи трагедии сталинских репрессий не коснулись, слава Богу. А есть семьи, которые были стерты в 37-м году с лица земли.

Была Вера Давыдова последней любовницей Сталина или нет - одна из многочисленных загадок, сокрытых за Кремлевской стеной. Кстати, именно под таким названием сочинение Гендлина в девяностых годах увидело свет на русском языке.

Вера Давыдова пыталась защитить свое честное имя. Но находились и такие, увенчанные званиями, коллеги певицы, которые замечали, что попробовала бы Давыдова не ответить на предложение вождя согласием.

Ведь единственной репрессией, последовавшей за отказом Сталину, было то, что Давыдовой так и не присвоили звание народной артистки СССР.

Что, мол, по тем временам было необъяснимой мягкостью.

Когда я во время одного из разговоров с легендарной оперной дивой Большого театра Галиной Вишневской упомянул имя Веры Давыдовой, Галина Павловна тоже вспомнила о печально знаменитой книге:

«Какая мерзость! За такую ложь этого писателя надо расстрелять! И ведь оболганная женщина ничего не смогла поделать - книга продавалась по всему миру!»

Именно так, с восклицательными знаками в конце каждого предложения, говорила Вишневская.

В книге своих мемуаров «Галина» она тоже коснулась этой темы:

«Любимицами Сталина были сопрано Наталия Шпиллер и меццо-сопрано Вера Давыдова - обе красивые, статные; они часто пели на банкетах. Сталину приятно было покровительствовать таким горделивым, полным достоинства русским женщинам. Бывать в их обществе, произносить тосты, поучать или отечески журить их - как государь. Но все его симпатии не избавляли никого от его самодурства. Однажды на банкете в Кремле, где пели обе соперничавшие между собой красавицы, Сталин после концерта во всеуслышание сказал Давыдовой, указывая пальцем на Шпиллер:

- Вот у кого вам надо учиться петь. У вас нет школы.

Думаю, что этим не слишком «изящным» замечанием он отнял у Давыдовой несколько лет жизни. Но ведь батюшка-барин. С крепостной девкой разговаривает».

Вишневская несколько лет проработала вместе с Давыдовой. Кстати, Вера Александровна была членом комиссии, от решения которой зависел вопрос принятия молодой артистки Вишневской в труппу Большого театра.

На одну сцену две певицы выходили недолго - в 1954 году Вера Давыдова ушла на пенсию и уехала в Грузию.

А вот разговоры о ее отношениях со Сталиным продолжались еще долго. Галина Вишневская тоже не раз слышала их.

«Все это чушь, - сказала она мне. - А болтали об этом просто потому, что надо же чем-то заниматься в театре?

Три спектакля в месяц спели и что делать? Вот и начинаются сплетни».

И все же даже в воспоминания великой Вишневской, при всем ее добром отношении к памяти своей знаменитой коллеги, закралась неточность. О том, что Наталья Шпиллер и Вера Давыдова, две примадонны Большого, были соперницами.

Дочь Наталии Дмитриевны, актриса Мария Кнушевицкая, рассказывала мне, что Давыдова, наоборот, была ближайшей подругой ее матери.

- Тетя Вера была такая красавица! Когда она выходила на сцену в «Хованщине» в костюмах Федоровского, зал замирал!

Она была на три года старше мамы. У меня такая же разница с ее сыном Рамазом.

Когда вышла эта мерзкая книга о Вере Александровне, письмо в поддержку тети Веры подписала моя мама, Ольга Лепешинская и кто-то еще.

Мы очень дружили. Наши семьи сначала жили над дирекцией Большого театра - одни места общего пользования были, маленькая передняя и две комнаты.

В нормальный дом мы переехали после того, как Большому театру дали несколько квартир в доме для работников ведомства Берии. На каком-то приеме к нему чуть ли не директор Большого театра подошел и сказал, что для артистов дома не строят. И Берия дал два десятка квартир. Этот дом находится на Садово-Сухаревской.

Наша квартира была под номером 125 и располагалась на восьмом этаже, а на шестом этаже квартиру получила тетя Вера. Они с Рамазом и бабушкой-дедушкой в нее въехали.

У нее был чудесный муж. Дмитрий Семенович был очень красивый, с замечательным голосом, невероятным тембром. Он пел в «Иоланте» и это такой теплоты и глубины голос, что я

помню его и сегодня.

В Большом театре было три подруги - тетя Вера, моя мама и замечательный врач, Валентина Александровна Фельдман. И росли дети: у Валентины Александровны - Марина, у мамы - я, у Веры - Рамаз.

Когда началась война, было страшно: стали бомбить Москву, напротив нашего дома были воронки, помню знаменитую бомбежку, во время которой бомба попала в Большой и упала люстра, чудом не вся разбилась. Другая бомба попала в очередь у магазина «Диета» на улице Горького, а еще одна - в здание горкома компартии.

И тогда тетя Вера предложила маме и Валентине Александровне Фельдман забрать девочек - меня и дочь Валентины Александровны - в Тбилиси. «Уж я их не обижу», - говорила она. Но тетя Валя Фельдман осталась в Москве, а мы уехали в Саратов, где жила папина родня.

Ту бомбежку никогда не забуду. Нас всех отвели в подвал, мы сидели, обернувшись одним одеялом с Рамазом, прижавшись друг к другу. Он был очень ласковым. И тетя Вера такой же была.

Даже во время войны за певицами присылали из театра машину. У певца такой режим - ни запахов, ни посторонних влияний быть не должно. Хотя ни мама, ни тетя Вера не кутались особо. У них никогда не было шерстяных шарфов, они только шелковые носили. Шелк больше предохраняет горло, и нет перегрева, как от шерсти. У Ивана Семеновича Козловского был знаменитый шерстяной шарф, изнутри обшитый шелком, чтобы именно эта ткань соприкасалась с горлом.

У мамы и тети Веры было много сдвоенных спектаклей. Например, в «Садко» Вера Александровна пела Любаву, мама - Волхову. И Сталинские премии за «Садко» они получили вместе. Обе были хороши, что и говорить.

Помимо теплых житейских отношений между нашими семьями были и очень творческие отношения. Было такое трио - папа (виолончелист Святослав Кнушевицкий, - прим. И. О.), Оборин (пианист Лев Оборин, - прим. И. О.) и Давид Ойстрах (скрипач, - прим. И. О.). И с ними был Дмитрий Семенович, муж тети Веры Давыдовой. Это была общность высочайшей музыкальной культуры.

Не знаю, видели вы документальный фильм грузинский о Вере Александровне? Снимали его здесь, у нас в квартире. Позвонили сразу после выхода книги некоего Гендлина, тогда только началась перестройка.

У мамы была одна особенность. Она всегда говорила понятно, доходчиво, но если о чем-то не хотела вспоминать, то

могла говорить все, что угодно, и вы даже не понимали, что на самом деле не получили ответа на свой вопрос. Мама была большим дипломатом.

Помню, в тот день я пришла с репетиции, а по всей квартире расставлены камеры. И слышу вопрос, обращенный к маме: «Какие были отношения Веры Давыдовой и Сталина».

Она ведь действительно была олицетворением красоты. Русской красоты, ей невероятно шли все русские костюмы - она выходила в них в «Хованщине», «Садко». Давыдова была и невероятная Марина Мнишек. Есть ее фото в диадеме и со шлейфом, на нем она смотрит так, через плечо. Когда Вера Александровна выходила на сцену, зал действительно выдыхал.

Грузинские телевизионщики пытались выкрутиться: «Ну вот Сталин приезжал в Большой театр?» Мама отвечала: «Приезжал, это всем известно» - «На какие спектакли?» - «Он любил русскую оперу, на «Садко» и на «Иван Сусанин ».

Оперы - «Царская невеста» и «Садко» - у Веры Давыдовой были сдвоены с мамой, поэтому они уезжали в театр и возвращались вместе. Мы слышали шум подъезжающей машины, их хохот, звук работающего лифта, который сначала останавливался на 6-м этаже, а потом поднимался на наш. В том доме на Садово-Сухаревской мы с Давыдовой прожили вместе семь лет.

Ну так вот, телевизионщики расспрашивают маму, а я хожу по квартире и прислушиваюсь. И понимаю, что маму эти расспросы начинают раздражать.

- А в Кремле вы пели? - задают ей вопрос.

- Да, перед папанинцами выступали, еще были даты какие-то. В Георгиевском зале пели, и в доме приемов МИДа пели.

- Вера Александровна нравилась мужчинам?

- Вы видели ее фото? Как такая красота могла не нравиться?

Тут я решила вмешаться. Попросила остановить камеру, чего они, кстати, не сделали. И сказала: «Я с детства помню эти разговоры. А потом уже повзрослела и все понимала. Моя мама живой свидетель тому, что я скажу. У Веры Александровны, этой красавицы, был один для современности невероятный недостаток. Она любила в своей жизни одного мужчину. И этим мужчиной был ее собственный муж, Дмитрий Семенович Мчедели, или Мчедлидзе, как звучала его настоящая фамилия». Телевизионщикам после этих слов стало скучно.

К Сталину у нас дома было весьма определенное отношение. Я не могла быть никоим образом его поклонницей и почитательницей, потому что мы все понимали, что творится в стране. Я даже не уверена, что тетя Вера была членом партии.

Кроме книги Гендлина, есть еще сочинение некоего Елагина, который в свое время эмигрировал в Америку. Он был еще тем музыкантом, хотя говорит о себе, как о гении. Он писал о Большом театре, о том, как маму возили на какие-то правительственные дачи. Это потом перепечатал журнал «Огонек».

Судя по всему, Мария Кнушевицкая имеет в виду подобный отрывок из книги Юрия Елагина «Укрощение искусств»:

«Так, в начале 1941-го в кругах людей искусства Москвы большое впечатление произвел разговор Сталина с меццо-сопрано Большого театра - Давыдовой, имевший место на новогоднем банкете в Кремле.

Уже было позже 12 часов, и вечер был в полном разгаре, когда Сталин не спеша, своей немножко развалистой походкой подошел к Давыдовой - высокой, эффектной женщине, в сильно открытом серебряном платье, с драгоценностями на шее и на руках, с дорогим палантином из чернобурых лисиц, наброшенным на плечи. Великий вождь, одетый в свой неизменный скромный френч защитного цвета, некоторое время молча смотрел на молодую женщину, покуривая свою трубочку. Потом он вынул трубку изо рта.

- Зачем вы так пышно одеваетесь? К чему все это? - спросил он, указывая трубкой на жемчужное ожерелье и на браслеты Давыдовой. - Неужели вам не кажется безвкусным ваше платье? Вам надо быть скромнее. Надо меньше думать о платье и больше работать над собой, над вашим голосом. Берите пример вот с нее. - он показал на проходившую мимо свою любимицу - сопрано Большого театра Наталью Шпиллер.

Шпиллер была настоящей красавицей - идеальным воплощением образа Анны Карениной - высокая, статная, с правильными чертами лица, исполненными своеобразного очарования, свойственного красивым русским женщинам. При всем аристократизме ее манер, одевалась она с нарочитой скромностью, носила всегда закрытые платья темных цветов, не надевала драгоценностей, почти не пользовалась косметикой.

- Вот она не думает о своих туалетах так много, как вы. Она думает о своем искусстве. продолжал Сталин. - И какие она сделала большие успехи. Как хорошо стала петь.

Обе дамы стояли молча и слушали вождя. Что они могли сказать в ответ? Рассказывали, что Давыдова едва сдерживалась, чтобы не разрыдаться. И было от чего!»

Мария Святославовна Кнушевицкая, одна из самых ярких актрис московского театра имени Моссовета, имеет славу дамы прямолинейной, не желающей идти на компромиссы с совестью и

неизменно говорящей всю правду в лицо.

А потому, переступив порог ее дома и попросив поделиться воспоминаниями о Вере Давыдовой, яине думал затрагивать тему Сталина и его отношений с солистками Большого театра. Знал, что услышу не только категорический отказ, но и указание в сторону выхода. Неожиданно Мария Святославовна заговорила на эту тему сама:

- После того, как эта статья появилась в «Огоньке», я хотела ехать к тогдашнему главному редактору Коротичу и бить ему морду.

О каких дачах могла идти речь? Мы были только на даче маршала Бориса Михайловича Шапошникова, который был женат на артистке Большого театра и с которой мама дружила. Шапошников умер в апреле 45-го.

И еще бывали на даче у очаровательного человека, адмирала Кузнецова. Я туда ездила с родителями. Это были открытые семейные вечера. Правда, если мы отправлялись куда-то на лыжах, то к нам приставляли матросов, чтобы мы, деточки, как нас воспринимали, не дай бог, носы себе не разбили. Но это было совсем другое. А не та гнусная грязь, которую им пытаются всем приписать.

Мама видела этот журнал. Я стала думать, что же делать. Она пожала плечами: «Если нравится, пусть пишут. Ты что, хочешь чтобы я оправдывалась или как-то реагировала? Да Господь с тобой! Я в эту помойку лезть не собираюсь».

Выступали артисты перед Сталиным, и что? В Георгиевском зале Кремля здравицы пел Максим Дормидонтович Михайлов. Своим красивым удивительным голосом. Пели мама, тетя Вера, Валерия Барсова, Иван Козловский и Сергей Лемешев. Они теперь что, враги?

А какая ложь, когда рассказывают, как при Сталине любили и берегли актеров! Да плевать на них хотели на самом деле. Могли ночью поднять из кровати! Мама об этом рассказывала.

С ней так однажды и поступили: ночью после спектакля буквально вынули из кровати. Это случилось в 1939 году, в день рождения Сталина.

В этот вечер в театре был спектакль, кажется, «Иван Сусанин». Знаменитое 21 декабря, день рождения Сталина. Мама приехала домой, мы тогда жили над дирекцией Большого театра. Папа еще спросил, не поедет ли кто-то из Большого на дачу к Сталину. Но сказали, что на дворе - война с Финляндией и никто не поедет. Только Стучевского, аккомпаниатора театра, увезли в Кремль. Говорили, что только для узкого круга что-то будет.

Мама спокойно легла в кровать. И около часу ночи раздался

стук в дверь. Бабушка открыла: на пороге - человек из лубянского ведомства. А вместе с ним - работник репертуарной части Большого.

«Быстро-быстро, мы пока едем за Лемешевым. А вы одевайтесь - в Кремль».

Но вы представьте себе: перед вами певица, уставшая после спектакля. В тот день стоял дикий, страшенный мороз, те самые легендарные финские морозы. Но мама, что делать, тут же взяла ноты, туфли. Бабушка еще предложила туфли надеть дома. «Нет-нет», - отказалась мама и спрятала их под шубу, чтобы они оставались теплыми.

И когда минут через 15 за ней поднялись, она спустилась в машину. Впереди сидел закутанный Сергей Яковлевич Лемешев, а рядом с ним черноглазый, небольшого роста, с перепуганными глазами, молодой человек. Это был Аркадий Исаакович Райкин, который только-только на каком-то конкурсе получил первую премию. И их повезли в Кремль.

Принято говорить о строгой системе пропусков. А их прямо так, безо всякой проверки, провезли в Кремль. Какой паспорт, какой пропуск! Через Спасские ворота, напрямую пронеслись.

Спустя годы, когда уже были открыты кремлевские дворцы, и мы ходили туда на елки, я по этой лестнице бегала в Георгиевский зал и каждый раз думала - что же в ту ночь чувствовала мама.

Как она вбежала по ней, а ведь надо же сохранить дыхание. Наверху стоял Храпченко, заведующий отделом искусств. (Речь идет о Михаиле Храпченко, председателе Комитета по делам искусств в 1939-1948 годах, - прим. И. О.) Он стоял и только говорил: «Скорей, скорей». Мама отвечала: «Я не могу!» И тогда два каких-то курсанта подхватили ее под руки и в одно мгновение, вспоминала она, мама оказалась наверху.

Когда она вбежала, с нее сняли шубу, два человека моментально надели на нее туфли. Мама произнесла: «Я не могу сейчас петь». - «Вас уже объявили». - «Но у меня все в горле пересохло».

А там стоял накрытый стол и на нем было шампанское. Сергей Яковлевич Лемешев протянул маме полный бокал шампанского. Она ужаснулась: «Ты с ума сошел?!» Ведь шампанское вокалистам категорически противопоказано, даже накануне выступления. Но бледный Лемешев ответил: «Все равно, пей!»

Мама выпила этот бокал. И, как рассказывала потом, ни до, ни после так голос у нее не звучал. Потом кто-то предложил ей еще раз попробовать выпить шампанского. Но тут уже мама

отказалась: «Нет уж, спасибо!»

Что в итоге оказалось? В первом отделении того ужина в честь дня рождения Сталина, на котором собралось все Политбюро, кто-то перед ним выступил, играл Стучевский. И Сам, как называли Сталина, спросил Храпченко: «И это все?»

Тот ответил: «Нет-нет, Иосиф Виссарионович, это только антракт». И за время этого импровизированного антракта подняли артистов с постели и доставили в Кремль.

Когда мама возникла возле рояля, у Стучевского чуть очки не упали. Кстати, во время того концерта она впервые увидела Аркадия Исааковича. И стала его большой поклонницей.

Вот такими были истинные взаимоотношения Сталина и артистов Большого. Только правда вряд ли кому интересна.

В истории семьи Веры Давыдовой имя Сталина еще появится не раз. Ее сын Рамаз, тот самый, которого называли сыном вождя, и о котором вспоминает Мария Кнушевицкая, женился на актрисе Марине Ковалевой.

А самой известной киноработой Марины был фильм «Падение Берлина», в котором ее героиня осмеливается на немыслимое - поцеловать Сталина.

О ней в свое время даже документальное кино сняли под названием «Девушка, которая поцеловала Сталина».

- Отец умер лет семь назад, - рассказывает внучка Веры Давыдовой Ольга Мчедлидзе. - Это случилось в Польше.

Дело в том, что одно время мой отец работал в посольстве СССР в Польше. Познакомился с полькой, влюбился.

Из-за того, что у него была связь с иностранкой, его из посольства уволили. И он приехал обратно в СССР. Провел здесь несколько вставок Международной книги.

Помню, я поступила в университет в 1971 году. И на первом же курсе поехала к отцу в гости в Варшаву. Тогда у него была русская жена.

Папа мой, извините, был такой человек. Увлекающийся. Ну никак на своих родителей в этом отношении не был похож. У него сначала была женой грузинская актриса, Лиана Элиава. Но это только так называлось, что была женой, потому что у них сразу же как-то не сложилось. Потом он довольно длительное время был женат на моей маме. Но так получилось, что они разошлись. Папа жил в Казахстане, где был третьим секретарем горкома партии.

И так получилось, что к нему приехала грузинская журналистка, которая была в него влюблена.

У папы всего четверо детей. У меня есть брат и две сестры, так что я очень богата.

Вообще папа окончил Литературный институт имени Горького, был журналистом. А в итоге оказался на дипломатической работе в Польше. Там он и встретился с Еленой, которую приставили следить за ним. Она шпионкой была.

Папа принадлежал к «золотой молодежи», все-таки был сын таких родителей. Отучился в литературном институте, писал пьесы даже какие-то на колхозную тему, потом научно-фантастические, которые обещали поставить, но так и не случилось.

Когда папа переехал в Польшу, бабушка к этому относилась довольно тяжело.

Мы с отцом тоже расстались как-то странным образом. Перед его смертью я не видела папу лет семь. Он уехал в Польшу с обидой на то, что я не дала продать бабушкину квартиру. Мне было жалко. Дело тут совсем не в деньгах. Хотелось сохранить хоть какую-то память.

На этом доме висит мемориальная доска в честь бабушки и дедушки. Раньше в гостиной висел большой бабушкин портрет кисти Аристовой, который выкупил мой дед. Он находился у художницы, она все думала, что работу купит музей Большого театра. А тот все откладывал. Тогда дед решил сам заплатить деньги. Сегодня полотно находится в Польше. А еще есть очень хороший портрет бабушки кисти Константина Юона, он хранится в запасниках Третьяковки, в Москве.

Бабушка поддерживала с сыном самые тесные отношения. Это была большая любовь, папа к ней очень тепло относился. В конце жизни бабушка даже хотела к нему перебраться. Увы, не сложилось.

Так Грузия и стала ее судьбой. Первое время Веру Давыдову здесь очень ценили, всюду приглашали, обещали в консерваторию устроить консультантом. Потом звали в Большой театр. Говорили, что она нужна России.

Но бабушка никуда из Тбилиси уезжать уже не хотела, стойко стояла на том, что никуда от могилы своего Митюши не уедет. Бабушка рядом с его могилой и похоронена.

Мамы моей не стало пять лет назад. Последние годы она жила в Доме ветеранов сцены на шоссе Энтузиастов. Я ездила к ней в гости, уговаривала переехать в Тбилиси. Но все мои уговоры прошли зря, сюда она не поехала. Не хочу, говорила мама, быть обузой.

Так все как-то и кончилось.

Никогда не думал, что буду писать книгу о Сталине и его женщинах. Но словно готовясь к этому, записывал воспоминания легендарных красавиц той эпохи. Со многими из которых, как

поговаривали, вождя связывали не только приятельские отношения.

Одной из возлюбленных Сталина называли балерину Ольгу Лепешинскую. За несколько лет до ухода Лепешинской из жизни мне довелось оказаться в ее доме в центре Москвы и расспросить о былом.

Легендарная балерина, народная артистка СССР, Ольга Лепешинская принимала меня в своей московской квартире. Поначалу долго отказывалась от интервью. А потом вдруг согласилась: «Я так долго держала свой рот на замочке, что, пожалуй, можно его и снять. Вы знаете в Москве улицу Тверскую? Записывайте адрес».

И вот я переступаю порог дома великой балерины. Вопросов задавать практически и не приходилось, хозяйка, кажется, словно ждала возможности вспомнить свою жизнь.

- Я никогда не думала, что стану балериной. Мне хотелось строить мосты, как папа. Он тоже хотел этого. Но мама пошла к Ленину и тот заставил папу передумать. Мои родственники жили в Кремле дверь в дверь с Лениным. Как-то наша кошка даже съела курицу Владимира Ильича. Я помню его, он качал меня на ноге. Ленин и решил мою судьбу.

Знаете, у меня не было кукол, только зайцы. Родители думали, что у них родится мальчик. (На самом видном месте в доме Лепешинской сидел тряпичный заяц, - прим. И. О.)

После училища я поступила в Большой. Это было счастье! Мы крестились на него, это был не просто театр!

Моим первым мужем стал режиссер Илюша Трауберг. Познакомились мы на концерте Неждановой в консерватории. Потом два года переписывались, а затем он приехал ко мне в Москву делать предложение. Первой к нему вышла мама и Трауберг подумал, что мама - это я. Испугался даже. Потом уже из-за спины мамы появилась я.

В 1941 году я получила Сталинскую премию. Вождь сам вписал в список лауреатов мою фамилию синим карандашом. Сталин любил Большой, при нем мы жили припеваючи.

Он часто приходил в Большой один, без соратников. Садился в свою ложу, в самом дальнем уголочке. Семь раз он видел балет «Пламя Парижа», и все эти разы выступала я. Бывал он на «Иване Сусанине», «Евгении Онегине», иногда приходил на последний акт.

Никогда не забуду, как после балета «Дон Кихот», когда я танцевала в пачке, Сталин обратился ко мне: «Зачем в пачке танцуешь? Это же бумага! Человеческого тела не видно! Танцуй в платье».

И я все кремлевские концерты так и делала. Хотя для Большого это было настоящее святотатство!

Я его часто видела. В Кремле это происходило. Для нас строили эстраду, а рядом стоял стол, за которым сидели члены Политбюро. После выступления нас тоже приглашали присоединиться к застолью.

Как-то Сталин подошел ко мне: «Какживешь, Стрекоза?» Я ответила: «Благодарю, товарищ Сталин, хорошо». Рядом со мной сидел один знакомый, который, когда Сталин отошел, спросил меня: «А ваш партнер, получается, стрекозел?»

На одном из банкетов Сталин мне подарил свою рюмку, я ее храню.

На втором этаже находился кинозал. Сталин иногда приглашал меня посмотреть с ним кино. Почему-то все время смотрели «Волгу-Волгу».

Конечно же, мы боялись Сталина. Я тоже не исключение. Но если бы вы знали, как он улыбался! Очень обаятельно! Мне нравилась его улыбка.

Когда началась война, я хотела идти добровольцем на фронт. До этого ходила на стрельбища, у меня даже был значок «Ворошиловский стрелок».

Когда о моем желании узнал Сталин, то строго запретил.

Но я все равно каждый день приходила на Белорусский вокзал и провожала на фронт эшелоны. Как-то пришла на перрон, а один боец попросил: «Товарищ Лепешинская, вы бы лучше станцевали». Я растерялась - музыки же не было. Но тут же где-то нашли гармошку и в итоге я танцевала несколько часов.

Я тогда жила на улице Горького. На крыше дома стояла фигурка девушки, в балетной позе. Илья Эренбург написал, что это изображена я. И все поверили. Когда были бомбежки, народ беспокоился: «Лепешинская цела»?

То есть уцелела ли фигурка на крыше. Удивительно, но когда я ушла со сцены, у этой фигурки отвалилась рука. А потом ее и вовсе убрали.

Я не смогла уйти на фронт, хотя мы с Иваном Козловским даже давали телеграмму в Кремль с просьбой отпустить нас на войну. Но много выступала в госпиталях. Иногда потом не могла пошевелить ногами от усталости. Но надеюсь, что хоть чем-то оказалась полезна.

Моим вторым мужем был Леонид Райхман, генерал-лейтенант. Он был связан с разведкой. Но у нас дома никогда об этом не говорили.

Леонид Федорович был очень талантливым человеком. Между прочим, вся история с разведчиком Кузнецовым была его

рук дело.

В 1951 году его арестовали, прямо на улице. Я случайно узнала, что он находится в тюрьме на Лубянке. Поначалу растерялась - к кому надо обращаться.

Знаете, самое страшное в моей жизни - это шум лязга, когда открывалась железная калитка и потом закрывалась. Ничего страшнее нет. Все время была мысль: а вдруг больше не откроется?

При этом я, разумеется, знала, что мой муж осужден несправедливо. Однажды в три часа ночи в мою квартиру явился генерал и сказал одеваться. Я быстро оделась, понимая, что могу уже домой и не вернуться. Но все равно с собой ничего не взяла.

А вот чекисты взяли - фото Сталина, которую тот подарил мне, на ней он был с трубкой. И фото Молотова с Риббентропом прихватили.

Меня доставили в особняк Берия. Привели в библиотеку, посадили за большой, покрытый зеленой скатертью, стол. Вокруг были стеллажи с книгами. Наконец, появился хозяин дома.

Берия ходил сзади меня, я видела лишь его пенсе, которое отражалось в стеклах. Поначалу он завел речь о том, как я танцую, спрашивал довольна ли я, как обстоят дела в Большом. Было очень страшно, особенно почему-то его пенсе пугало.

«А вы знаете, до меня дошли слухи, что вы не довольны Советской властью», - произнес он, наконец.

И вот тут во мне проснулся тот самый мальчик, о котором мечтали мои родители. Я встала, оперлась на стол, иначе бы упала. И сказала, глядя ему в глаза: «Вы коммунист и я коммунист. Давайте разговаривать, как коммунисты. Виноват - пусть сидит, нет - отпускайте».

В итоге, меньше, чем через полгода Райхмана выпустили. Но он ко мне не вернулся. Считал, что сможет сломать мою карьеру.

Напрямую задать Ольге Васильевне вопрос о ее отношениях со Сталиным я не решился. Но имя советского правителя то и дело само появлялось в ее монологе.

- Последний раз Сталина я видела в Кремле. Был обычный концерт, на котором выступали Вера Давыдова, Барсова, я танцевала и еще кто-то. А потом Сталин пригласил нас посмотреть с ним кино. Это опять был фильм «Волга-Волга». Это был прекрасный, очень душевный вечер. Помню, Сталин произносил монологи Ильинского, а я говорила за Орлову. Было очень смешно.

Когда Сталин умер, все рыдали. Я тоже не была исключением. Хотя он, конечно, был большим преступником. И прощения ему быть не может. Но мы об этом узнали лишь годы

спустя.

Моя карьера в Большом закончилась во время балета «Красный мак», я сломала ногу. Было три перелома. Меня положили в больницу, где я решила расстаться с жизнью. А для чего жить, когда больше не смогу выйти на сцену.

Меня спас писатель Михаил Пришвин, он лежал в соседней палате. Я потом прочитала в его дневнике: «Привезли какую-то балерину. Посмотрел - ничего особенного». А через пару страниц уже такие строки: «Влюблен, как гимназист!»

Пришвин просидел возле меня несколько дней. И сумел вернуть жажду жизни. При том, что сам умирал, у него был рак.

Прошло время и я познакомилась с генералом Антоновым, он был начальником Генерального штаба. Я его очень любила.

Алексей Иннокентьевич умер молодым, ему было чуть за шестьдесят. Его хоронили на Красной площади, было жарко ия в этот день потеряла зрение. Меня вылечили в итоге. Но танцевать я больше так и не смогла.

Не так давно у меня брал интервью Владимир Васильев. Он спросил, о чем я мечтаю. Я ему ответила, что дружила с Раневской. А Раневская и слово «мечтать» - несовместимы. Фаина Георгиевна говорила, что жизнь «прошмыгнула». Могу повторить.

Главное в моей жизни - Большой театр. Он был велик.

Я не мог не спросить о происходящем в Большом Марфу Пешкову, чья мать была близко связана с балетным миром, дружила со многими артистами Большого театра.

Да и сама Марфа Максимовна, являясь невесткой Лаврентия Берия, не понаслышке была осведомлена о происходящем в ближнем круге вождя.

- Конечно же, я слышала и про Давыдову, и про Шпиллер, и про Лепешинскую. Но не очень во все это верю. Потому что, может быть, если и было там что-то, то очень короткое время. Иначе об этом стало бы всем известно. Вы должны понимать актерскую среду. Они же все так любят посудачить на эту тему.

Лепешинская нравилась Сталину как актриса. Очень. Из всех танцующих - она и темпераментная была и вообще самая яркая. Сталин выделял ее.

Но все равно, самой точной информацией о том, что происходило за кулисами Большого и Кремля владеют сегодня лишь на небесах.

Глава 8. Странные женщины

В феврале 1950 года в Кремль доставили приглашение. На дорогой бумаге золотыми буквами было набрано: премьер-министр Китая приглашает на прием в гостиницу «Метрополь» генералиссимуса Сталина «с супругой».

В посольство Китая в ответ было послано уведомление о том, что господин Сталин не женат, он вдовец.

Через два года, в сентябре 1952 года, в Кремль доставили новое приглашение. На прием от имени премьер-министра Китая и вновь на имя «генералиссимуса Сталина с супругой».

Китайцы отказывались верить, что у повелителя одной шестой суши нет женщины. И правильно делали.

Генералиссимус Сталин один никогда и не был.

Роза Каганович

Согласно официальной биографии принято считать, что самой большой любовью Сталина были две его официальные жены. При этом поговаривали, что причиной самоубийства Надежды Аллилуевой стало увлечение Сталина другой женщиной - родственницей его соратника Лазаря Кагановича Розой.

Сын Лаврентия Берия Серго прямо пишет об этом в своих мемуарах:

«Сестра или племянница Кагановича Роза. не была женой Иосифа Виссарионовича, но ребенок от Сталина у нее был. Сама же она была очень красивой и очень умной женщиной и, насколько я знаю, нравилась Сталину. Их близость и стала непосредственной причиной самоубийства Надежды Аллилуевой, жены Иосифа Виссарионовича. Ребенка, росшего в семье Кагановича, я хорошо знал. Звали мальчика Юрой. Мальчишка очень походил на грузина. Мать его куда-то уехала, а он остался жить в семье Каганович.»

Верить или нет сыну сталинского наркома?

Марфа Пешкова, бывшая жена Серго Берия, признает, что Серго любил иногда присочинить, а потому принимать все, изложенное в его книге за стопроцентную правду, нельзя.

Но что касается отношений Сталина с Розой Каганович, в их существование Марфа Максимовна как раз верила. Правда, замечала, что, скорее, подобные отношения ограничивались всего

лишь физической связью.

Наталья Львова

Была в окружении Сталина и еще женщина, которая оказалась приближена к нему, как никто другой. При этом никаких плотских отношений между ними не существовало.

О Наталье Львовой мне поведала одна тбилисская старушка, попросившая не называть ее имя. Занятие моей знакомой довольно оригинально: она колдунья. Хотя в Грузии этим никого не удивишь.

Недаром даже в пьесе Михаила Булгакова «Батум», посвященной молодости Сталина, есть эпизод, когда прорицательница-цыганка предсказывает юному Сосо блестящее будущее. Почему-то у меня нет никаких сомнений в том, что такая сцена вполне могла иметь место и в реальной биографии вождя.

Наталья Львова была дочерью знаменитой петербургской прорицательницы Елены Львовой, в свое время предсказавшей гибель Российской империи в случае, если трон достанется слабовольному сыну Александра Третьего. В 1917 году пророчество сбылось.

Дальняя родственница князя Львова, председателя Временного правительства, Наталья жила в Петрограде, во время первой мировой служила сестрой милосердия. Когда власть изменилась, она осталась в России и продолжала принимать клиентов в своей питерской квартире.

Среди ее знакомых была поэтесса Анна Ахматова, которая не раз становилась свидетельницей сеансов Львовой. Ахматова писала в своем дневнике: “Наталья Львова при мне выгрызла зубами грыжу у четырехмесячного ребенка. Это была настоящая операция плюс множество заклинаний и какой-то сложный обряд. Ребенок выздоровел”.

Другим знакомым Львовой был первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии Сергей Киров, ближайший друг Сталина. Именно Сергей Миронович и доставил весной 1930 года Львову в Москву.

Хозяин Кремля верил в существование оккультных наук и мистику. Он был не единственным в руководстве партии, кто всерьез рассматривал экстрасенсов и прочих магов и колдунов как возможных помощников в партийной борьбе. В свое время сам Феликс Дзержинский, главный чекист Страны Советов,

поручил своему заместителю Глебу Бокия заниматься созданием специальной парапсихологической лаборатории. Говорили, что идеей Бокия, одного из создателей ГУЛАГа, было обнаружение Шамбалы, мистической страны в Тибете, и использование ее тайн для окончательной победы коммунизма во всем мире.

Возможно, не случайно, что подобная миссия была возложена на уроженца Тифлиса. Начальник спецотдела НКВД Глеб Бокия был в курсе учений Георгия Гурджиева, знал о Елене Блаватской - биографии этих знаменитых мистиков XX столетия тоже были связаны со столицей Грузии.

Но это уже совсем другая история.

Вернемся к Наталье Львовой. Оказавшись в Москве, она не раз бывала в кремлевском кабинете Сталина и на его дачах, где проводила «чистку» помещений от дурного глаза. Говорили, что колдунья также пыталась оказать влияние на политических противников Сталина. Судя по тому, что победа в борьбе за власть и влияние осталась именно за вождем Кремля, колдунья не зря занимала огромную квартиру в центре Москвы и пользовалась всевозможными благами, которые полагались лишь первым лицам страны.

Среди прочего Львова посоветовала Сталину не указывать точную дату своего рождения, чтобы противники не могли составить его гороскоп. Не исключено, что именно после рекомендаций Львовой в биографиях вождя стали фигурировать сразу несколько дат его появления на свет.

Выросший в Грузии, где и сегодня многие верят всевозможным магам и ведуньям, Сталин отдавал должное Наталье Львовой. С ее именем связывают некоторые парадоксальные, в том числе и кадровые, решения вождя, которые почти всегда оказывались верными.

Подробности биографии самой Натальи Львовой (известно лишь, что ее не стало в 1939 году) по-прежнему овеяны тайной.

В Тбилиси мне удалось разузнать лишь несколько фактов, которые я и привел выше. Но без упоминания имени Натальи Львовой разговор о женщинах в жизни Сталина был бы неполный.

На эту тему рассуждал и великий грузинский актер Рамаз Чхиквадзе:

- Говорили, что после смерти второй жены у Сталина было много женщин. Неправда. Я видел людей, которые с ним работали. Они рассказывали, что только какое-то время, где-то полгода, к нему приходила женщина, невзрачная такая, с портфелем. «Но она настолько неинтересной была, что вряд ли между ними был роман», - говорил мне комендант сталинской дачи.

Но потом у него появилась хорошая русская баба, проверенная, про которую все знали. Она ему белье стелила, ничего не понимала в политике, не задавала никаких вопросов, а палец покажешь - заливалась смехом. А ему и была нужна простая хохотушка. Вот с ней у него и был роман.

Сталин же был мужчиной. Когда ему доложили, что у одного из советских генералов много баб и спросили, как с ним следует поступить, Сталин ответил: «А ему надо позавидовать!»

Валентина Истомина

Той самой женщиной-хохотушкой, о которой идет речь, была Валентина Истомина. Свою «карьеру» в ближнем круге вождя она начала в 1935 году. Ее первым местом работы стала дача в Зубалово, где Сталин бывал лишь наездами. А посему можно предположить, что выполнять особые обязанности Валентина начала лишь в последние годы жизни Сталина, когда ее перевели на Ближнюю дачу, в Кунцево.

Настоящая русская красавица, порою Истомина покидала спальню вождя в пять утра. Об этом Рамазу Чхиквадзе тоже рассказывал комендант.

Потрясающие слова об Истоминой произнес в интервью Феликсу Чуеву Вячеслав Молотов, возглавлявший министерство иностранных дел СССР в 1939-1949 и в 1953-1956 годах:

«Валентина Истомина? Да, была такая на даче. Приносила посуду. А если и была женой, кому какое дело? Я вот читаю, как Энгельс к этому просто относился. У него не было формально жены. Он жил со своей хозяйкой-ирландкой. А жениться ему было некогда. Так почему Сталину нельзя?»

Официально должность Истоминой звучала, как «сестра-хозяйка». Добрыми словами о ней вспоминала и Светлана Аллилуева:

«Молоденькая курносая Валечка, рот которой целый день не закрывался от веселого, звонкого смеха”.

Светлана отмечала, что именно Истомина была тем человеком, который горше всех оплакивал смерть диктатора.

“Пришла проститься Валентина Васильевна Истомина, Валечка, как ее все звали, - экономка, работавшая у отца на этой даче лет восемнадцать. Она грохнулась на колени возле дивана, упала головой на грудь покойнику и заплакала в голос, как в деревне. Долго она не могла остановиться, и никто не мешал ей.

Все эти люди, служившие у отца, любили его. Он не был

капризен в быту, - наоборот, он был непритязателен, прост и приветлив с прислугой, а если и распекал, то только «начальников» - генералов из охраны, генералов-комендантов. Прислуга же не могла пожаловаться ни на самодурство, ни на жестокость, - наоборот, часто просили у него помочь в чем-либо, и никогда не получали отказа. А Валечка - как и все они - за последние годы знала о нем куда больше и видела больше, чем я, жившая далеко и отчужденно. И за этим большим столом, где она всегда прислуживала при больших застольях, повидала она людей со всего света.

Очень много видела она интересного, конечно, в рамках своего кругозора, - но рассказывает мне теперь, когда мы видимся, очень живо, ярко, с юмором. И как вся прислуга, до последних дней своих, она будет убеждена, что не было на свете человека лучше, чем мой отец. И не переубедить их всех никогда и ничем".

Светлана права - людей, взращенных «на» и «при» Сталине, переубедить часто действительно невозможно. Для большинства из поколения тех, кому сегодня за семьдесят, Иосиф Виссарионович по-прежнему Царь и Бог.

Тот же Рамаз Чхиквадзе, говоря о Сталине, рассказывал мне эпизоды, создающие святочный образ вождя всех времен и народов. При том, что сам актер в качестве предисловия открестился от звания «сталиниста», которым его могли бы наградить.

- Во время работы над фильмом «Победа» я познакомился с комендантом сталинской дачи, проработавшим много лет с самим Сталиным.

25 лет этот человек находился рядом со Сталиным, был к нему очень приближен, читал почту, еду накладывал, и так далее.

Он нам очень интересные вещи рассказывал. Называл только «отец» и каждый раз со слезами на глазах. Не дай бог что-то плохое о Сталине сказать. «Как вы можете, если не видели его в глаза? Он был самый добрый человек, думал только о том, как сделать лучше».

По его словам, Сталин был удивительно скромным человеком. Самыми любимыми его блюдами были щи и чай. Иногда просил принести ему свежую баранину, которую сам надевал на шампура и жарил в камине. Когда узнавал, что баранину ему привозили из Грузии, страшно возмущался: неужели, мол, под Москвой невозможно найти 200 грамм мяса и надо посылать за ним самолет.

На его даче было несколько комнат, в которых он попеременно спал. Брал с собой плед и мутаку - маленькую

грузинскую подушку, и ложился. Причем спал очень мало, часа по четыре ночью и потом еще днем мог лечь вздремнуть на час.

Ел он тоже очень мало. Мог весь день пить чай с бутербродами, ну и один раз пообедать. И постоянно контролировал расходы на себя. Вызывал к себе коменданта и если узнавал, что вместо положенных, к слову скажем, 20 рублей, на него истратили 23, приходил в негодование. Какэто, мол, возможно тратить такие деньги?!

Комендант рассказывал мне, как однажды прачка забрала носки Сталина, так как на одном из носков появилась маленькая дырочка. Взамен ему положили новую пару. Когда Сталин это обнаружил, то вызвал коменданта и потребовал вернуть ему старую пару.

«Неужели нельзя заштопать маленькую дырочку?» - возмущался он.

К счастью, носки не успели выбросить - их забрала себе прачка. Срочно поехали к ней домой, привезли носки и принесли их Сталину. Он был очень доволен и потом часто говорил коменданту, что до сих пор носит те носки и они исправно ему служат. Так что в быту он был чрезвычайно скромен.

Зато когда приглашал гостей, то любил, чтобы стол был накрыт богато. Однажды у него были писатели. Сидевший рядом со Сталиным Михаил Шолохов заметил, что всем остальным наливают водку из бутылки, а Сталину - из особого графинчика. И вот, когда Сталин вышел в соседнюю комнату поговорить по телефону, Шолохов не удержался и налил себе водки из сталинского графинчика. Правда, выпить не успел, так как вернулся хозяин.

Подняли очередной тост и Шолохов с удивлением почувствовал, что у него в рюмке налита обыкновенная вода. А Сталин, которому, конечно же, доложили о том, что писатель налил себе из его графинчика, повернулся к Шолохову и усмехнулся: «Ну что, крепкая?»

В последние годы жизни Сталин приезжал отдыхать на курорт, расположенный неподалеку от Боржоми. Однажды решил собрать там всех своих старых друзей, которых знал еще по жизни в Грузии.

Один из пришедших стариков принялся восхвалять Сталина: «Ты, Иосиф, бессмертный!» Сталин перебил его: «Бессмертный - это ты. Потому что когда тебя не станет, тебя по-доброму будут вспоминать сначала твои дети, потом внуки, а затем правнуки. А когда я умру, меня начнут проклинать. И поймут, может быть, только через полвека после смерти».

От своего другого старого друга Петре Сталин узнал, что тот

строит в своей деревне дом и ему не хватает на то, чтобы перекрыть крышу. Сталин отдал ему все деньги, которые у него были при себе. А остальное, сказал он, я пришлю тебе со следующей зарплаты.

Он и соратников своих заставлял так жить. Мне рассказывали историю, как Сталин узнал о том, что летчик-герой Папанин выстроил себе под Москвой огромную дачу. «Почему же на новоселье не приглашаешь?» - спросил он Папанина. Тот, разумеется, немедленно пригласил, мол, это такая честь.

Сталин в тот же день взял с собой членов Политбюро и поехал на эту дачу. Посмотрел огромный особняк, похвалил, а потом во время застолья поднял тост: «Давайте поблагодарим товарища Папанина за этот прекрасный детский дом!»

Что было Папанину делать? Конечно же, он отдал дачу детскому дому. А потом услышал от Сталина: «Как ты посмел себе такие хоромы построить? Ты же видел, как рядом простые крестьяне живут! Что они о тебе потом говорить будут, не подумал? А надо думать!»

У писателя Юлиана Семенова была другая информация о взаимоотношении Сталина с деньгами и его заботе о крестьянах.

Однажды во время войны Верховный главнокомандующий отправился на линию фронта. Для ночлега ему подыскали единственный уцелевший дом в пятидесяти километрах от передовой. Когда на утро следующего дня Сталин собирался в Москву, то неожиданно обратился с вопросом к своему помощнику, отблагодарили ли хозяев за то, что они предоставили свой дом ему, а сами провели ночь у соседей в землянке.

Услышав отрицательный ответ, вождь пожурил генерала:

- Очень плохо. Человек, лишенный чувства благодарности, бездуховен. Конечно, особенно баловать крестьян не следует, но отмечать доброе дело - должно. Дайте им в подарок от генерала Иванова денег.

- Слушаю, товарищ Сталин. Сколько?

- Сто рублей, пожалуй, слишком много, - задумчиво ответил Сталин. - А вот тридцать передайте им от меня - в хозяйстве пригодится.

Чтобы понять масштаб щедрости Сталина, Семенов пояснял, что в то время буханка хлеба стоила на рынке пятьсот рублей.

Так что экономный и скромный в быту товарищ Сталин бывал и таким.

Впрочем, к самым близким людям он относился точно так же. Как-то, в первые недели войны Сталин и начальник Генерального штаба Василевский были заняты планированием наступательных операций Советской Армии. В дверях кремлевского кабинета

вождя появился его верный секретарь Поскребышев.

- Товарищ Сталин, вам письмо от сына.

- Какого сына? У меня трое сыновей на фронте.

- От Василия, товарищ Сталин.

- Скажи коротко, что он пишет.

- Пишет, что чувствует себя хорошо, точно выполняет приказы командиров, беспощадно истребляет врага в воздухе. И что есть маленькая просьба.

- Какая просьба?

- Пусть отец пришлет немного денег. В части открылся буфет, к тому же хочет сшить новую офицерскую форму.

Василевский тут же поддержал: «Абсолютно законная просьба, товарищ Сталин! Василий заслуживает этого».

Сталин ответил: «Конечно, заслуживает». И обратился к Поскребышеву: «Пишите».

Секретарь открыл блокнот и записал: «Первое. Как известно, строевой паек офицера в военно-воздушных частях Красной Армии совершенно достаточен! Второе. Особенная форма для сына товарища Сталина не предусмотрена! Подпись - Верховный Главнокомандующий».

Приемный сын вождя Артем Сергеев (вместе с которым, по подсчетам Сталина, и выходило трое детей) замечал, что единственная привилегия, которую они ощутили на себе во время войны, заключалась в том, что Сталин позвонил в комиссариат и потребовал, чтобы его сыновей первыми призвали на фронт.

И вновь воспоминания Рамаза Чхиквадзе:

- Женщины Сталина - длинный разговор, ведя который мы можем сделать немало ошибок. О чем точно могу говорить, так это о последнем дне Сталина. Об этом мне известно от того самого коменданта. Мне удалось вывести его на разговор о том, что стало причиной смерти Сталина.

Первое время комендант отвечал: «Сейчас я об этом не имею права говорить. Все знает Юрий Андропов. Он напишет и всем все станет известно». И если рассказывал что-то, то исключительно подобные вещи: «Я охранял покойника, здесь вот он лежал, тот-то и тот-то приходили».

Андропов, кстати, был большим сталинистом. От него к режиссеру фильма Евгению Матвееву приходил человек и интересовался, как дела со съемками, следил, чтобы в фильме ничего не было против Сталина. Но не успели мы закончить картину, как Андропов умер. И так он ничего и не открыл про смерть Сталина. Хотя комендант говорил: «Андропов все знает. Он со мной ходил по каждой комнате и все записывал - кто был, с кем встречался и так далее».

Сам этот комендант уже был на пенсии. Говорил: «Если бы не убрали Берию, он бы меня уничтожил». Его самого после смерти Сталина выслали из Москвы и он каждый день ждал ареста.

Много интересного нам поведал. Спал Сталин всегда в разных комнатах, боялся. Видимо, все люди, облаченные большой властью, становятся параноиками. Боятся убийства и своих старших сыновей.

Когда приходили гости, Сталин сам ставил тарелки, проверял - вкусно или нет. А гости бывали самые разные - от научных работников до педагогов и писателей.

Никогда не начинал деловых разговоров, пока гости 3-4 бокала не выпивали и не становились более свободными. Тогда уже начинался разговор по делу.

Как-Сталин пригласил гостей и поблагодарил каждого. Только одному молодому наркому заметил: «А у вас плохие показатели». И расписал, в чем причина такой плохой работы.

После этого предложил: «А сейчас давайте отдохнем, пока хозяйки нам накроют чай. Кто из вас в бильярд играет?»

Оказалось, что только этот молодой человек. А Сталин, как оказалось, играл неплохо. И они вдвоем стали играть -разумеется, выигрывает Сталин. Кладет шары и говорит: «Вот, вы такой же нарком, как бильярдист». 8-3 счет был.

А вторую партию этот парень выиграл. Сталин положил кий и сказал: «Вот и видно, что вы в министерстве больше ничем, кроме бильярда, не занимаетесь».

И все-таки комендант нам одну историю рассказал. Только говорить об этом нельзя. Нельзя писать, потому что слышали эту историю четыре человека - оператор фильма, Евгений Матвеев, ияс моей женой Наташей. Или рассказать? Ну, слушайте.

«Я, - вспоминал комендант, - проверял помещения второго этажа. Вдруг слышу - крик Сталина. Я ничего не понял! Он даже во время войны не кричал, говорил строго, но не громко. У меня чуть инфаркт не случился, еле дотащил ноги до каминной комнаты. Там сидел Берия и стоял Сталин, кулаком затыкавший ему рот: «Убирайся отсюда, я тебя в порошок сотру». Через неделю Сталин умер».

Мы стали интересоваться, как это произошло. Тем более, что комендант говорил, что Сталин хорошо выглядел, когда в последний раз у него Хрущев и другие члены Политбюро были.

Мужчина ответил: «Книга у него была и одеяло. Вошел он в комнату, мы поставили караул у дверей. Обычно он мало спал, иногда просил что-то принести. А тут молчит. Мы заглянули и увидели, что он на полу лежит. Тогда мы и начали трубить».

А потом добавил: «Все подробности я рассказал только

Андропову, а меня об этом не спрашивайте».

Единственное, что сказал: «В последнюю ночь он взял с собой книгу. Он же в день по 400 страниц читал. А страницы переворачивал, смачивая палец во рту».

Больше комендант ничего не сказал. Но мы подумали - может, книга была отравлена? Раз Берия с Хрущевым уже дрожали, что Сталин их может раздраконить.

P. S.

Такие истории .

Мой рассказ о героинях, которые волею своей красоты, таланта или просто обстоятельств оказались вовлечены в ближний круг властелина одной шестой суши, завершен.

Любая документальная книга может быть оспорена. И эта - не исключение.

Но она не может быть переписана: прямая речь ее героев и строки архивных документов неизменны.

И если оценка главных действующих лиц может разниться, то их поступки, из которых, собственно, и рождался характер, не перепишешь.

Ибо в истории сослагательного наклонения не бывает.

Москва-Тбилиси-Москва, 2008-2013 гг.

Приложение № 1

В домашнем архиве Ольги Мчедлидзе, внучки народной артистки России Веры Давыдовой, хранится старый блокнот, первая запись в котором датирована июнем 1946 года.

Это своеобразный дневник, который ее бабушка, вела во время гастрольной поездки по Скандинавии - той самой поездки, во время которой местная пресса называла ее «певицей из Кремля».

Познакомиться с настоящими записями интересно уже потому, что они позволяют проследить не только за деталями «закулисной» жизни примадонны Большого, но и сравнить ее повествования - сделанные собственноручно и, с теми что были, якобы, продиктованны Леонарду Гендлину.

Авторская орфография сохранена.

1946 г. 25 июня в 8 часов утра с Внуковского аэродрома я вылетела в Норвегию. Самолет подали к самому выходу и Митюша все видел и помогал мне садиться в самолет. Я из иллюминатора видела его до самого момента отлета.

Через 2 часа с половиной мы опустились в Риге, предварительно сильно почувствовав пляску машины над водным пространством - заливами, протоками, которые окружают Ригу. В Риге был сильный ветер, кругом много песку, и это было довольно неприятно для глаз. На аэровокзале мы выпили немного пива и вскоре поднялись снова и полетели уже над морем. В самолете хорошо позавтракали, Леонид Соболев был «коком» и все время шутил с нами. Сначала летели над морем (слева была видна линия Земли). Летели 2 часа и вдруг показался Стокгольм, красоты необычайной огромный город весь в зелени и с массой воды. Наш самолет сделал круг над городом и полетел дальше. Около 3-4 часов мы опустились в г. Осло, где нас наше посольство не ждало так рано, думая, что мы опустимся сначала в Стокгольме. Но наши летчики почему-то не захотели опускаться там и мы поэтому оказались раньше в г. Осло.

Первый, кто нас встретил, был Рагнар Кьерульф. Мне он преподнес цветы и заговорил со мной по-русски, мне было очень приятно. Это очень симпатичный, весьма расположенный к нам человек. Он жил раньше во Владивостоке, видимо, имел концессию - «рыбачил», и там женился на прекрасной русской девушке Раисе Осиповне, которая нас встретила в отеле как родных.

На аэродроме сначала были только норвежцы (корреспонденты, фотографы, представители композиторов и

писателей). Минут через 15-20 приехал посол с женой и члены посольства. Я с ними уехала в город, в посольство, а остальные приехали чуть позже. (Соболев говорил на пленку).

Устали мы все порядочно, после маленького отдыха и вкусного чая, мы все поехали в отель «Астория». Наше посольство помещается в здании бывшего немецкого посольства.

Осло очень красивый город, весь в парках, утопает в зелени, очень уютный. Особенно украшают город фиорды с множеством яхт и пароходов. Меня поразили деревья в парках, достигающие необыкновенных размеров в высоту и в ширину - везде чистенькие лужайки - ковры совершенно изумрудного цвета. Против нашего совет. посольства через фиорд на другой стороне виден дворец Короля - вроде наших дворцов на юге - белое красивое здание на фоне чудесной зелени.

Народ в Осло очень спокойный и одеты все очень хорошо. У всех почти голубые глаза. 26-го утром все мы собрались внизу в столовой отеля завтракать. Меня поразил хлеб - вместо хлеба подали тонкие пластинки из муки, как будто из пластмассы - но очень вкусные.

Потом мы пошли погулять и посмотреть, что можно необходимое приобрести в магазинах. В то время в Норвегии было все по талонам и карточкам - ив магазинах почти ничего не было. Я привезла с собой черный шелковый файдешин, чтобы сшить визитное платье. Мне с трудом удалось заказать сшить его, потому что все портнихи фирм идут с 15-го июля в отпуск и не берут уже заказов.

27 и 28 я с Ал. Пав. Ерохиным занималась в посольстве, повторяла программы концертов.

29-го был первый концерт. 29-го июня была пятница, а 30-го и 1-го (суббота и воскр.) здесь все замирает, все отдыхают и все закрыто.

1-го мы ездили за город, в загородном ресторане на берегу фиорда нас принимал министр образования; стояли на столе наши совет. и норвежские флажки и говорили речи. Оркестр играл поппури из русских песен (цыганские тоже). Первый раз мы увидели очень интересного человека - полярника - он спросил меня, знаю ли английский. Потом мы не раз встречались с этим седым высоким человеком - как говорили о нем, он живет и знает все Заполярье. Кто он? Не удалось выяснить.

На обратной дороге в Осло мы остановились на дороге высоко в горах, место называли «Байдары» и любовались замечательным видом. 29-го был у нас общий концерт, его устраивало общество дружбы. С нами все время неотлучно был Кьерульф. Успех концерта был огромный. Концерт проходил в

зале кино «Эльдорадо» т. к. Национальный театр закрылся на ремонт. Мы в нем смотрели 27-го числа «Пер-Гюнт».

2-го июля нас принимал министр иностранных дел Лангэ (брат посла в Москве) в отеле «Бристоль». Газеты полны отзывами о концерте 29-го числа. 2-го июля я получила из мастерской фирмы мое визитное длинное черное платье.

3-го числа мой сольный концерт в «Новом театре» - успех огромный - все орали, стучали, масса цветов. Когда ехали на концерт, чуть не перебежала черная кошка дорогу, но шофер наш Сережа так громко загудел, что она остановилась и не пошла вперед, а убежала обратно.

Утром перед концертом мы с Ерохиным поехали посмотреть т-р, сцену, рояль, акустику. Конечно все было не «по мне». Свет не годился, вместо декораций павильона висели какие-то жуткие тряпки - я все это убрала - все привела в порядок так как я люблю - служащие на сцене все послушно исполнили и вечером все было «как я люблю».

4-го июля. Газеты полны рецензий. Особенно хорошая статья председателя Союза композит. Клауса Эгге - это настоящий гимн хвалебный. Зал то в общем не концертный, а т-р драмы студийного типа. После концерта за кулисы заходило ко мне много народа, благодарили. Особенно приятно было мне, что пришла старая драмат. актриса, благодарила меня и передала привет Ольге Леон. Книппер-Чеховой. С ней были дети И. Добровейна. После концерта я отдыхала 30 минут и когда я вышла из т-ра, публика меня ждала - хотя им сказали, что я уехала другим ходом, все кричали, аплодировали.

Я ночью почти не спала.

А после концерта днем мы поехали за город в стеклянный дом какого-то миллионера-мецената. Немцы у него все разорили и он их ненавидит. Дом у него прекрасный, почти весь стеклянный, в саду, на горе. У него мы обедали. Стол длинный, полированный, без скатерти. Около каждого стула на столе лежит небольшая салфетка с прибором -на столе ничего нет. Появившиеся горничные в форме, разлили в бокалы немного вина и принесли отварную лососину (лаке), отварную картошку и растопленное сливоч. масло. Хлеба не было. Мы съели и нам предложили опять повторить рыбу - больше к обеду ничего не подали. Рядом в гостиной был кофе с пти-фурами и осмотр футуристических картин. В общем, конечно, очень интересно.

Там мне Леонид Соболев сказал, что мой концерт прошел потрясающе. Получила вчера телеграмму от Митюши (Дмитрий Мчедлидзе, - муж Веры Давыдовой, прим. И. О.). Как приятно в день концерта!!

Сегодня примеряла черные кружева (что достали мне). Завтра должно быть готово к концерту.

5-го числа портниха у меня в номере, весь день эти кружева на руках.

Вечером был второй мой концерт тоже в Новом театре. Новая программа - успех был еще больше, чем на первом сольном.

Публика орала, топала ногами и чуть не разорвала меня у выхода к машине. У автомобиля вдруг показался какой-то человек из Грузии и заговорил в окно по-грузински. Потом лег на капот машины и кричал «Я из Тбилиси». Машина шла по коридору из людей - полисмены волновались. А за кулисами опять было много народу. Опять пришли дети дирижера из Стокгольма Исая Добровейна.

6-го июля с 12 ч. дня до 3-х часов я в доме радио записывалась на стекло за 300 крон.

Потом Кьерульф и Ал. Пав. и директор т-ра и я обедали в городе в подвале в старинном ресторане художников -ели омары, лососину, салат и пили старое вино из бутылки в плетеной корзинке.

Потом заехали за Соболевым и поехали на могилу Ибсена и возложили венок - там нас встретил композитор Клаус Эгге с женой Эльгой. Потом в этот же день поехали на окраину г. Осло (почти дача) в чудесный дом Кьерульфов. Жена Рагнера Кьерульфа Раиса Осиповна просила нас звать мужа Иваном Ивановичем - что мы с удовольствием и делали.

Так вот в этом чудесном доме мы опять встретили полярника и узнали, что его фамилия Инстак и он написал много книг о Заполярье. С ним была его чудесная молодая жена и прелестная малютка дочь.

От Кьерульфа говорили с гор. Бергеном по телефону насчет моего спектакля «Кармен».

Хотела говорить я с Москвой, но не получилось. На завтра назначен выезд из Осло - дальше по стране.

7-го воскресенье в 10 ч. утра выехали из Осло на поезде в г. Ставангер. На перрон приехал посол и провожала нас жена Кьерульфа. Ехали очень хорошо. Из окна вагона я видела чудесную природу Норвегии - поражает масса воды - сплошные озера - ив густой зелени домики с красными крышами, аккуратные, чистенькие, как будто бы из детских книжек рисунки. Немножко я устала - от поезда.

Сейчас 7 часов вечера, мы приехали в маленький городок Христиансанд - он стоит на пути к г. Ставангеру и мы должны здесь петь. На перроне погрузили все чемоданы на тележку, аяи Ал. Пав. не видели, как вся наша компания быстро скрылась

вместе с тележкой. Я стояла у книжного киоска и рассматривала журналы и картинки и не заметила, как скрылась наша компания в вокзале.

И вот мы потерялись в чужом городе - куда идти? Сейчас же подошел к нам человек и предложил свои услуги, позвонить, найти начальника станции и т. д. Но конечно это продолжалось несколько минут, т. к Кьерульф и Хилд прибежали как сумасшедшие, бледные, и забрали нас с собой. Гостиница в Христиансанде на берегу фиорда и говорят, что на рейде стоит наш совет. пароход - когда мы услышали об этом, сразу стало так тепло на душе - ведь рядом родные, советские люди. Гостиница чудесная с огромными номерами. Сейчас идем обедать вниз.

После поехали на катере. Капитан катера «Виграа» Г. Ховденак. Вернулись с изумительной поездки по фиордам и морю. Перед тем, как зайти в гостиницу, мы на маленькой площади, около гостии., смотрели огромную круглую мину-памятник и что-то вроде кружки для пожертвования, с замочком - куда бросают монеты.

Сейчас приму душ и спать, завтра выезд в 9 ч. утра на автомобилях в г. Ставангер.

8 июля весь день ехали в Ставангер. Совершенно сказочная страна, бесконечные озера в горах и дорога вьется все время как серпантин по горам, совершенно как козьи тропы, а внизу озера, за каждым поворотом все новые и новые, с белесыми кувшинками у берегов. Но в общем-то суровая и дикая природа. Очень мало населения, кругом больше камень гладкий и серый, иногда только кусочки почвы, конечно, обработанные с большим усердием. Недалеко от Ставангера увидели море, тут плодоносящей почвы больше и как-то веселее для глаза. В пути у нас испортился амперметр в машине и мы приехали на два часа позже других машин.

Сразу по приезде в Ставангер я узнала, что на мое имя есть телеграмма от Митюши и что говорили с мамой, что мои золотые уезжают на юг. Так тоскливо мне стало - чуть не заплакала при всех от тоски.

Сегодня 9-го июля был общий концерт - вечер в Ставангере, ну это не то, что в Осло - город маленький, нет трамвая и последние автобусы кончаются в 12 ночи. Т. ч. публика всегда торопится поспеть на автобус.

Наш вечер, конечно, затянулся и отсюда результат.

Принимали меня очень горячо. Два раза пела песню Леля. Дали нам ужасного ведущего. Местный органист - все путал, с плохой дикцией, и все докладывал в ужасном тоне.

11 июля. Сегодня была ужасная ночь. Я пила все время

сульфазол и жена Соболева дала мне гомеопатию. Всю ночь я была в поту, под этой ужасной периной, но не знаю, помогло ли это мне? По-моему, нет. Кончились у меня таблетки эвкалиптовые, а достать не смогла больше. Ну, вот достали мне всяких лекарств и лепешки и все-все. Ела весь день гоголь-моголь с коньяком. Принес мне все испугавшийся Суворов Григор. Иванович (советн. посольства).

Ура! Прошел блестяще. Рука устала подписывать автографы на программках. Получила в подарок книгу с картинами норвежских художников с трогательной надписью. У автомобиля ждал народ, устроили целую демонстрацию. В номер гост. ворвалась девушка - молодая артистка театра - бросила к ногам моим букет цветов и сувениры (маленькая лошадка и пуговицы - на счастье). Цветы она сорвала в чужом саду ночью - такая экспансивная девушка, целовала меня и плакала от восторга.

12 июля утром перед отлетом из Ставангера я, Ерохин и Кьерульф заехали в собор, органист играл на органе и звонил в честь мою во все колокола русскую песню на весь город. У меня были белые пионы в руках и я положила один пион на решетку около алтаря. Так мы распрощались с нашим органистом и со Ставангером. Приехали на аэродром в 2 часа дня - оказывается, полетим на гидро-самолете. Для меня это в первый раз в жизни. Какая роскошь! Как красиво! Самолет очень долго идет на старт по изумрудным водам фиорда - машина как белая чайка.

Летчики предложили одеть пояса - пробку, но я отказалась. Когда поднялись - я вылезла из кабины на свет - над головой стеклянная крыша, а внизу в окна видно море со всех сторон и иногда острова.

Через час увидели г. Берген - очень красивый город на горах - похож на Тбилиси и фуникулер и ресторан наверху - совсем как Тбилиси. Вечером мы с Кьерульфом пошли слушать оперу «Кармен».

Постановка такая, как приблизительно в столовой «Поленово» (дом отдыха Большого театра, - прим. И. О.) оперного отрывка из «Царской невесты» - самодельная, что ли, и очень «ненастоящая». Я подумала - «все надо сразу же переделать».

13 июля. Весь день был в хлопотах! Устала я адски! Ведь у меня не было костюмов, а то, что я примерила и нашла в т-ре - убого и не годилось. Правда - куда бы я не ехала на гастроли или просто на концерты я всегда брала на дно чемодана - грим «свой», парик - серьги, кастаньеты, рваную в крови белую кофту для 1-го акта «Кармен», акации в голову, т. е. в волосы - те мелочи, без которых я не могла - ну, еще гребень, мантилью, обувь и, конечно, клавир, мой «родной» клавир с пометками.

Костюм, т. е. юбки, кофты могут быть и другие, пригнанные, но вот без этого я не могла войти в образ - это всегда мое и необходимое. А «мазилка» приготовленная мной самой по моему «секрету» всегда мне доставляла беспокойство в дороге - я боялась, что разобьется флакон и все в чемодане будет запачкано коричневой краской. Потому что бывало ведь и так!

Так вот сначала с утра поехали мы с Раисой Осиповной в магазин. По талонам отобрала я материю для юбок 1-го и 2-го акта (красную и синюю), потом приехали в т-р. В портняжной целый переполох, но какой!!! Сразу же начали кроить, мерить, шить и т. д. для 3-го и 4-го акта я подобрала что-то для себя - комбинируя из их запасов. Потом была у меня в классе репетиция под рояль с партнерами, вечером в 7 часов была репетиция на сцене с выгородками и с оркестром уже. Темпы у маэстро страшно медленные - все засыпают «на ходу».

Хозе очень приятный молодой парень. 36 лет - зовут его Арне, я его назвала сразу Андрюшка. Голос хороший и темперамент настоящий и в глаза умеет смотреть. Прелестная Микаэла - Кари Фризель. Свет на сцене ужасный -его вообще нет. Как будто бы все происходит вечером. Актеров надо искать на сцене. Хор стоит и не двигается, пришлось мне их «оживлять». Режиссера нет в городе - уехал куда-то. Ну, я взяла «бразды правления в руки» и начала орудовать сама. Хор почему-то на появление Кармен и дальше на Хабанере стоял спиной к публике. Я сразу выбежала к рампе и хору пришлось повернуться и спеть все в публику. Все были бесконечно рады этому. И так я «командовала» на протяжении всего спектакля. А юбки мои сшили за одну ночь и очень хорошие получились.

Моя Кармен была для них новостью - в смысле образа. И темпы у дирижера сразу ожили, оркестр был доволен. И свет я зажгла весь что имелся. В общем, все завертелось. Ерохин очень помогал т. к. был переводчиком - он владеет немецким языком, а большинство норвежцев знает немецкий язык.

14 июля. Сегодня день Кармен. Билетов давно нет. Весь день буду отдыхать, а в пять поеду в театр. Боже, как я скучаю о доме. Лучше не думать, а то сердце лопнет.

Успех какой! Громадный! Все переполнено! Встретили громом - бесконечные аплодисменты. Хозе очень приятный партнер, ноис голосом не все в порядке (надо учиться еще), хотя ему под 40 лет.

Темперамент огромный - он, оказывается, боксер, техники нет: наставил мне везде синяков. Он поет и в оперетте и играет в драме. Смех, да и только! Спектакль шел весь «на ура»! И в конце без конца вызывали, масса цветов. Директор т-ра говорил на

сцене речь - держал красные розы для меня. Потом все обнимали, целовали. На последний акт я «выкопала» у них в т-ре широкую с воланами белую юбку, завернулась в «цвета крови» красный платок с бахромой и получился прекрасный костюм - идею эту надо после использовать. На белой юбке кроваво-красная от шали бахрома (как кровь).

15 июля отдыхали. Вечером наш атташе сделал у нас в отеле прием. Я устала очень. 16-го гуляла в городе, смотрела очень скромный памятник Григу в саду, почему-то он позеленел.

17-го июля были в домике Грига. Вез нас на «Паккарде» миллионер Вальтер, меценат 76 лет. Положили венок на грот - могилу Грига. У Грига в доме все сохранилось как при жизни композитора. На рояле Грига играл В. Мержанов. Романсы Грига пел норвежский тенор Арне Гендриксон. Были и на берегу фиорда у дома Грига в маленькой избушке - хютте. Одна комнатка в одно окно. У окна маленький столик, ручка с пером и из пушинок перочистка с пуговкой. Пианино у стены, печурка в углу и маленький диванчик, вот и все - здесь Григ писал все замечательные произведения.

После все поехали куда-то обедать. По дороге заехали на кладбище, где могилы наших бойцов, положили венок. Познакомились с Марией Острем (русской мамой - звали ее наши воины), она нашим воинам помогала во всем.

Я вернулась к себе в отель раньше других, меня и Викт. Мер. привез на своей машине Вальтер (миллионер).

18. VII. Сегодня чудесный день. Опять поехали в домик Грига и провели там до 1 часу дня. Пели, играли, гуляли по лесу. А потом приехали в домик англичане и шотландцы в юбочках - вид у них очень смешной. Покрутились и уехали, а мы пошли к фиорду к домику хютте на берег, там на большом камне позавтракали тем, что взяли с собой. Потом мы все поехали на фуникулер - там мэр города давал в нашу честь обед.

И после долго в номере Ал. Павловича (Ерохин) говорили о Хозе, насчет поведения на сцене, репертуаре и т. д.

Позвонили из Осло, что говорили с мамой, что у них на юге все в порядке. Завтра концерт - ложусь спать. 11 часов уже.

19. VII. 10 часов утра. Сегодня день концерта в Бергене - билетов нет уже давно - будут передавать по радио -потому что просили люди, которые не могли попасть на концерт. Как хочу я, чтобы сегодня прошел концерт лучше всех раз!

Вот и кончился концерт мой. Народ в Бергене тоже меня принял замечательно. Встречали у авто и аплодировали горячо. Но было так жарко в зале, что с сердцем было плохо - дома, в номере выпила валерьянки и сейчас легче. Со мной были Ал.

Пав., Arne - а сейчас 10 часов вечера и надо ехать к композитору куда-то опять.

Концерт здесь начинается в 6.30 вечера в кино.

Какой чудесный дом у этого композитора! На камине фото Шапорина. Дом как сказка - везде камины и свечи зажжены. Он купил себе целый маленький полуостров и живет здесь с женой и детьми. Жена миллионерша, родилась в Америке. Я сидела в кожаном кресле у камина, а на камине - свечи. Было так уютно и тепло (на дворе хлестал дождь), что я даже отдохнула немного после концерта. Виктор (Мержанов) играл Прокофьева, потом играл сам композитор. Показывали нам старинную скрипку 8-ми струнную - похожую на кавказскую музыку.

Домой приехали в 3 часа ночи, но от впечатлений я не могла долго заснуть.

20. VII. Суббота. Я весь день в номере. Завтракали вместе. У меня Ерохин и «Андрюша». Мой Хозе получил известие о болезни сыновей и попрощался после обеда - уехал к семье на дачу.

Он прекрасный артист и такой же человек. Завтра в 2.30 мы отъезжаем в Осло, потом в Лилиегамер - Тронгейм и обратно в Осло и домой.

Боже, как я хочу домой!!!

Сегодня опять полны газеты о вчерашнем концерте.

За обедом ничего не кушала и сейчас хочу есть, как зверь.. а сердце все болит почему-то. Хочу домой, хочу к своим.

21. VII. Воскресенье. 10 ч. утра. очень хорошая погода. Звон к обедне - вот так же воскресенье неделю спустя я проснулась (после того, как вечером в субботу увидела здешнюю «Кармен») под колокольный звон. В воскресенье репетировала, а в понедельник пела этот памятный спектакль. Такой партнер у меня был первый раз в жизни, но какой смешной!

И вообще они все как дети. Их Кармен поднимает юбки выше пупка и в этом весь образ.

Ну вот, сегодня в 2 часа с минутами мы покидаем Берген - замечательный «грузинский» Берген. Надо складываться.

22. VII Осло - Лилиегамер 12 ч. н. Сколько впечатлений! Вчера в Бергене на вокзале было много народа. Пошел дождь и все говорили, что Берген плачет о нас.

Ехали 8 часов электричкой. Я сидела один перегон у машиниста - коммуниста, чудесный такой, приветливый. Вообще весь народ приветливый. В 12 часов ночи прибыли в Осло. (Да, еще на какой-то остановке встретила дама из Бергена, драмат. артистка, дала мне пучок березы с вершины горы и целовала меня, как сумасшедшая).

Переезжали через перевал - лежал снег везде на горах, а в

озерах - лед, а внизу - лето. В Осло поспали в гранд отеле ночь, потом была у меня портниха, потом поехали в посольство, потом обед и отъезд на авто в Лилиегамер. Дорога - 4 часа красоты необыкновенной, но я уже устала. И вот сейчас в Лилиегамере буду спать. Шумит водопад у отеля, везде горы и красота. Почему нет со мной гульки моего? Говорила из Осло по телефону с мамочкой. Ну, спать!

23. VII - Лилиегамер! Незабываемый день! Утром в 11 часов я и Раиса Осиповна поехали на гору - музей, где собраны все старые постройки Норвегии, очень старые, по несколько сот лет. Дымные избы. Я оделась в норвежский костюм и меня у домиков и пруда, на лужайке заснял фотограф. Потом мы вернулись обратно в отель, где в 3 часа все обедали. Познакомились с родителями жены Ингеста и братом жены, который был в плену с русскими и знает несколько слов русских. Он же пианист. Приехал на этот день из лагеря старший сын Керумар Вельга. Потом мы все опять пошли в этот замечательный музей. Нам открыли все домики и мы все осматривали. Обед в старинном доме. Я пела за столом «Степь. », «По долинам.», «Стеньку .».

Эмигрант Лукошко с женой в роли переводчиков. На горе показывали танцы и пенье.

Трубач. В доме кофе с костром посередине, скрипочка, гитара, актер читал, их молодой журналист говорил речь. Ночью поезд в Тронгейм.

24. VII. Ехала одна в купе, встретить из Осло приехал Артемьев. С нами ехали чешские дети в Норвегию жить. Встречал их утром на вокзале оркестр девушек-чешек. Нас встретил генерал и власти города. Отель чудный - тихо, спокойно. Рано легла спать - что-то устала с дороги. Вспоминается день в Лилиегамере. Получила вечером готовые карточки - очень хорошие. Вспоминается этот старик 86 лет - основатель музея. Сейчас он все передал племяннику Грига. Чудесный старик! Вечером был прием в отеле.

25. VII. Возмутительно! Написали в газетах Соболев большими буквами, а я, Крымова, Ерохин и Мержанов - маленькими, как антураж.

Зал не плохой, но плохая акустика и свет. Уходить назад - все неудобно как-то. Мержанов - мальчишка. Свинья! Испортил мне перед концертом распевание и я кофе пролила в сумке - в общем смурной вечер и пела неважно и все мне не нравилось что-то.

Вечером, после концерта были в гостях у генерала.

26. VII. Чудно! Чудесный день! Осматривала я собор Тронгеймский. Показывал сам Пилсе - архитектор -прекрасный человек. Какое колоссальное впечатление и что это за

сооружение. Пилсе назвал меня «моя мадонна» и сказал, чтобы я пела в этом храме. И кажется я буду петь в воскресенье на богослужении. Епископ просит и рад безумно.

Поднимались на лифте на крышу.

Вечером после концерта Мержанова опять вечер в салоне, где пела маленькая певица, играл скрипач - лопнула струна.

27. VII. суббота. День моего концерта. Уже решено, что я пою завтра под орган. Газеты пишут, с Осло говорили. Жалко, что программу ту же напечатали и мне придется то же петь на концерте. Самолет дадут на троих, т. е. в понедельник утром полетим в Осло.

12 ч. ночи. Вот и кончился мой концерт в Тронгейме. Боже, что это было! Народ встал весь, как один, и приветствовал, стоя после первого отделения.

Мэр говорил речь и сказал, что с таким народом, который послал меня к ним, будет всегда только дружба. Что страна моя послала самую пышную розу из своего сада им в подарок, что им остается только плакать, что я скоро улетаю от них.

Получила много цветов и корзину с ягодами. Вся улица была запружена народом, махали мне руками, кричали «ура», хватали за руки.

28. VII. воскресенье. Все вчера после моего концерта поехали к пианистке домой - я, конечно, осталась в номере, но спала плохо, ребенок какой-то плакал, во сне приснился какой-то «тролль». С утра была плохая погода и я валялась до 2 часов дня.

Сначала как-то было непривычно. Эта громада смутила меня. Ведь этот собор один на весь мир. Трудно представить себе его величие. Я пою в 9. Стоять буду на площадке, где орган. Меня сняли у органа и на фоне алтаря - обещали сегодня вечером карточки приготовить. Ой, как я волнуюсь - это ведь целое событие. Будут транслировать по радио по всей Норвегии.

Пела в соборе. Все прошло хорошо. Народу было масса. Епископ и настоятель благодарили меня. Народ смотрел на меня, как на чудо заморское.

29. VII. Понедельник. Все газеты пишут обо мне, что я пела в церкви, и о концерте. Помещена фотография моя в соборе. В 11 часов сели на гидро-самолет - тот же, что вез меня в Берген. Провожали генерал, архитектор, мэр и еще кто-то. Летели хорошо, над высокими горами и дождь, и солнце, сопки, где жил Пер-Гюнт. Со снегом на вершинах.

Сели на фиорд в волну - здорово тряхнуло, вода тверже земли. Я стукнулась два раза здорово. Когда летели, виден был вдали Лилиегамер.

Я сейчас я уже в 514-ом номере. Заказали разговор с

Москвой. В Осло хорошая погода. Живем все в Гранде.

30. VII. Вторник. Осло. Говорила с мамой вчера. Выясняется, что едем через Стокгольм и там пою концерт в Больш. зале филармонии 8-го. Да, лодка-самолет так ужасно села, была волна и я очень сильно стукнулась и опять я с синяками на спине и ниже. Занималась в посольстве и говорила с послом.

31. VII. Среда. Мой концерт в Осло. Чайковский, Григ, Рахманинов. Кнаус Эйге преподнес ноты и сказал речь, а спела по-норвежски «Люблю тебя».

Аншлаг был дикий - билеты в час были проданы все. Пела без конца на бис. Русских было полно - все плакали навзрыд - тоска заела. У машины опять все ждали, хотя был дождь, чуть руку не оторвали из окна машины.

В отеле у меня в номере я, Клаус, Ив. Ив., Уля, Ал. Пал. Ужинали. Получила чудные розы.

1-ое VIII. Концерт Мержанова. Уже точно, что мы едем 6-го в Швецию. Сейчас пойду заниматься в посольство. 8го мой концерт прощальный.

2-ое VIII. Утро, 10 часов. Постучали в дверь. Так рано. Рыжие не понимают сами-то что ли, что сегодня концерту меня.

Известия из Бергена. Будет король у меня на концерте. Белое платье с золотыми колосьями. Сколько волнений! Цветы надо преподносить королю.

Hendriksen приехал. Платье принесла Вера Александрова в 6 часов. Я уже устала от волнений. Как буду петь - не знаю.

Народу было ужасно много, дышать было трудно. Король сидел напротив в ложе и наводил на меня бинокль, огромный, полевой. Я после первого отделения пошла с цветами к королю, благодарила его и он пожал мне руку .

Народ встречал, орали, безумие, слезы. Король ушел после 4-го биса и оркестр ушел, а народ остался. У авто все ждали. Цветов было невероятное количество. Ужинали у меня в номере.

3 августа. Обедали в ресторане. Клаус Arne и мы. Потом поехали петь для детей в посольство. Получила уйму цветов от детей и трола от посла.

4-го были у Hendriksen после концерта в радио. А днем до радио ели малину в саду у Керульфа и я потеряла бриллиант из кольца.

У Hendriksen-а замечательная мать и брат с женой. Была Кари - оба репетировали романсы на завтра для приема. Ужинали у Arne.

5-ое понедельник. Прием у посла. Какой успех у меня среди всех. Arne и Kari пели. Arne очень хорошо пел.

6 августа - не спала всю ночь - очень устала. Отъезд в

Стокгольм, хотя еще не знаем точно. Боже, сколько слез и поцелуев. Утро посвятила интерфауст, сломя голову до 12 бегали я и Галочка Пименова.

В 12 вернулись в отель. Там уже ждали нас друзья в костюмах для прогулки за город, откуда Arne хотел показать всем вид на Осло. Но т. к. мы не знали, едем ли мы 6-го или нет, то поехать никуда не смогли - ужасно глупо себя почувствовала и пришлось расстаться с Arne и Кари до обеда и опять ясГалочкой побежали закончить. Боже, как я устала. Вернулась - номер закрыт, никого нет - я опоздала на час.

Я бухнулась в постель и все еще в 3 часа не знали поедем ли - сплошные нервы и с сердцем плохо - так я на правах больной не вставала с постели и с Клаусом и с Ингетасом и Григом прощалась как больная.

Все приходили прощаться, а яне могла встать от переутомления и злости, что мы можем еще не поехать сегодня и остаться. Затворник прибежал обратно с чемоданами. Он едет обратно. Пошли обедать к Палычу - пришла Кари!

И только в 5 часов выяснилось, что мы едем. Сразу я воскресла. Чемоданы укладывал Андрюшка, пыхтел, старался. Потом все из посольства налетели и только мешали спокойно уложить все и я забыла на окне на цветах мою люфу и потеряла карточку Нильса Гейтриксенса.

Какое было тяжелое прощание - слезы, слезы. Arne совсем скис, не знал, как себя держать и грустными глазами, полными слез, смотрел и говорил - «Только до свиданья, моя Кармен!»

7-го уже в Стокгольме. Утром приехали в миссию и я попросила сразу чаю - пили чай с лимоном и потом разместились по квартирам. Как хорошо, что не в гостинице, а у своих. У меня чудесные хозяева - я как дома. Вечером - прием - коктейль. Всякого народу было масса. Говорили с Рубиным - директор оперы, чех и болгарин и иранец. Один Ливанов все подговаривал меня сниматься везде и со всеми. Я ему показала в конце концов кулак -так надоел он!

8-четв. Чувствую себя очень неважно, а сегодня общий концерт в М. зале филармонии. Сколько нервов! Концерт прошел прекрасно. Шведы с первой вещи «Воин» уже орали. Много значит, что зал концертный.

Слава богу, ор, стон и все как полагается.

9-ое - Всю ночь лечилась. Сегодня концерт в опере. Еще напряжение колоссальное и кажется все.

Ну, все в порядке - успех колоссальный, без конца выходила кланяться - цветов море, около машины ждали, кричали «Ура» и русские говорили, что Шаляпин не имел такого успеха, что я

здесь.

10. VIII. Газеты полны. Была вчера Грета Гарбо и хлопала во всю. Весь день я отдыхаю, только днем был ленч в ратуше у мэра.

Вечером играли норвежцев - какая музыка!

11. VIII воскрес. Вчера вечером написала письмо Керульфам. Встала в 12 ч. дня. Сегодня на весь день приглашены к послу на дачу. Ливень страшный.

День прошел хорошо - были на даче у Чернышева. Гуляли, стреляли, с яблоней ели яблоки, ягоды ели. Потом поехали в Варьете - смотрели программу, а потом домой. В Варьете пела одна про Владимира, дубинушку и просила подхлопывать, но публика не очень хлопала в такт. Одна белая дама кричала и на сцене творилось черт те знает что, играли «Очи черные». Это здесь русский фольклор. И даже Шаляпин записал пластинку «Очи черные».

12. VIII понедельник. Вечером были у фархи - миллионера с «пролетарским сердцем». (шведско-болгарское общество, он болгар.) Называл меня царицей всего мира, подарил часы гуттаперчевые. Над столом были фонарики, на столе горели свечи (это было в загородном старом ресторане). Потом за окнами горели фейерверки, ели раков (неделя раков в Швеции). Потом потушили свет и вышли маркизы в пудренных париках, играла музыка и на блюдах горящих были лебеди, а в них мороженое. Жена у него немка - колоратура, но не поет уже - он ревнует и не разрешает петь. Она весь вечер восхищалась моей школой. Вот значит уже второй миллионер!

13. VIII. Вторник. Днем был ленч у югослава посла - он симпатичный министр. После поехали в миссию и домой к Кирсановым. У меня еще в Стокгольме концерт в Малом зале в пятницу. Говорила по телефону с Митюшей и Рамазом (мужем и сыном, - прим. И. О.) - как я рада, что удалось! Солнце мое, сынок ненаглядный!

Вечером повторяла концерт.

14 среда. 15 четверг - нет записи.

16. VIII. Пятница. Ленч у министра просвещения где-то в историч. крепости и вечером мой концерт в М. зале.

Прошел с большим успехом.

17. VIII. Суббота. Был концерт в клубе посольства - день авиации.

18. VIII. Воскр. Катались на катере Чернышева, после ленч у атташе, а вечером занимались программой. Голова от катера разболелась!

19. VIII. Понед. Выезд в Мальмо и надо в 5 часов петь на радио.

20. VIII вторник. В 8 часов утра прибыли в г. Мальмо, завтракали и пошли по номерам. Погода серая и через море не видать Копенгаген. В 12.30 ленч в ресторане театра, а вечером общий концерт в обществе.

21 среда - днем репетировала в театре, покупала васильки, розы, пояса резиновые. Потом Кирсанов показывал на такси город - парк со множеством птиц всяких. Музей-крепость за валом и рвом, где 40 репинских картин, оставшихся с выставки 1913 года. Потом был концерт - ио, ужас, какая страшная акустика в зале (типа Чайковского круглый). Мне было так трудно петь, чуть я не плакала - такое ответное эхо - в общем было мне очень трудно, я устала как никогда.

Вечером послала в Берген в оперу письмо с описанием этого театра. Механизм - чудесный.

Публика стоя приветствовала, кричали, махали эти холодные шведы, что накануне были как кроты в Маленьком зале ратуши на общем концерте. После концерта ужинали в моем номере я, Ерохин и Кирсанов и говорили с его женой по телефону. Она мне сказала, что говорила 20-го в семь часов вечера с Гулькой («Гули» в переводе с грузинского означает «сердце», домашнее прозвище мужа, - прим. И. О.) и что он расстроен, что я еще не скоро приеду.

Да, в 6 часов вечера говорили Добрвейном и он жаждет со мной встретиться и чтобы я пела в опере. Как это будет еще не знаю. Разрешат ли мне вернуться из Дании в Стокгольм?

22. VIII. Утром в 10 часов сели в поезд и поехали - я, Ерохин и Кари (переводит рецензии) в Гетеборг. Чудный день и хорошо, что едем одни, без сумасшедших фатеров. Спокойно! Обедали в ресторане-вагоне. Ехали берегом моря. Остановились в Рице-hotel. Сегодня общий концерт. Какая нагрузка!!

А завтра мой сольный, после которого я уезжаю в Стокгольм и как будто 25-го мой сольный концерт в опере опять.

23. VIII. Пятница. Вчера поехали вечером перед общим концертом в какое-то студенч. общежит. и распевались там долго, чувствовала себя плохо - устала. Потом в какой-то ресторан, где общество устраивало концерт-ужин, маленький зал без сцены. Я спела и сразу уехала в hotel. Газеты все сегодня пишут о нашем вечере вчера. Меня сравнивают с И Anderson, только светлее тембр у меня.

Я устала (ведь сегодня четвертый день подряд - не рассчитала) и лежу весь день в постели. Приходили ко мне Орильшевич, Виноградов с Валет. Говорили о дальнейшей работе - 25-го нет моего концерта в опере, а будет 31 в Большом Зале концертном.

Говорили с Осло - коньки уже отправились в Москву. В Осло наши спортсмены. Сегодня мой концерт в летнем театре - что-то будет??? Какое безумие петь 4 дня подряд. Даю слово, что этого больше не будет.

Устала я ужасно. Слава богу концерт прошел хорошо. Зал колоссальный - белый с живой зеленью - очень красиво, но акустика с эхом как в церкви. Сначала публика вела себя довольно холодно, не было текстов отпечатанных и все сидели буквально слепые, но после в конце начали топать и кричали.

24 суббота. Поехали обратно в Стокгольм. Газеты пишут хорошо.

25 воскресенье. Встретил на Павел Ал. Он прямо с рыбалки на вокзал приехал с Петей. Очень хорошо встретила нас дома Елена Петровна. Меня устроили в маленькую комнату - и опять мы как дома.

Сегодня звонила говорила в 1 час дня с Митюшей. Боже, как я соскучилась о нем, лучше не думать, а то так тяжело - сил нет! Он сказал про несчастье с Пазовским и про Максакову - вот не везет ей!

Наверное, меня вызовут скорее в Россию в связи с этим несчастьем. Хотя Гулька хочет, чтобы я здесь в Швеции спела оперы. А я уже устала сердцем и мне все равно стало. Скорее бы домой! Прижаться к Рамуське и к Гульке и отдохнуть.

Вчера встретилась с родителями Arne - какой чудный отец у него. Обедали после галереи в историческом ресторане. Прекрасно провели с ними 5 часов. Отец говорил, как Arne будет петь «Карие глаза» и как он учит русский язык. Мать подарила мне маленькие фото семейные и на прощание крепко расцеловала. Вечером у Кирсановых ели пельмени и подарили мне для Гули фляжку.

26. VIII. Понедельник. Был ленч у директора института, потом снимались для паспорта Дании. Потом в 5 часов звонила Arne и получила его письмо.

27 вторник - на целый день уезжаем в Эвлю, три часа машиной - концерт.

28 среда - вернулись из Эвля - концерт в театре прошел хорошо (общий).

Вечером был ужин в ресторане. Был мэр города, профессора и дирижер - он рассказывал за кофе о поездке в Союз и про чемодан маленький и про купе с дамой и бородат. Были в Стокгольме в 12 ч. дня, поехали к графине на завтрак, потом катались на катере, потом вечер у Добрвейнов.

29 четверг сплошной интерфауст - без ног абсолютно.

В промежутках чай у писательницы.

30. VIII опять интерфауст до изнеможения. Вечером опера «Турандот». Ехали домой вместе с Добровейном.

31 суббота - мой прощальный концерт - триумф победителя - хотя я была чуть простужена, но акустика выручила; цветов море, народ встречал, кричали, бежали за машиной, на улицах махали, догоняли и я бросала цветы.

1 сентября - уезжаем в Копенгаген - весь день укладывалась, говорила с Митюшей и Рамазиком, дома ремонт, все здоровы. Сейчас едем в миссию прощаться ив 9 на вокзал.

2 сентября понедельник. Приехали в Копенгаген в 10 Ц утра. Утром в Мальмо поставили наш вагон на паром -огромный пароходище и мы полтора часа пересекали пролив между Швецией и Данией.

Дождь невероятный лупит все сутки и здесь. На вокзале в Стокгольме провожали болгарский посланник с женой - преподнесли шоколад и цветы. Фархи тоже преподнес продукцию своей фабрики - плащи. Провожали очень тепло. Мама и папа не пришли, я с ними не попрощалась.

Встретили нас из миссии много товарищей с цветами, фотокорреспонденты и просто корреспонденты.

Привезли в жуткий пансион т. к. все гостиницы заняты конгрессами какими-то, но обещают нас переселить завтра что ли, в отель настоящий.

Сегодня в 1 час завтрак в миссии, «знакомство», а вечером в королевской опере концерт общий. Боже, как я хочу домой! И в Швецию даже не хочу Хованщину, никуда не хочу - только домой скорее. Видала сон в поезде: собачка сделала делишки на столе и Гулька вымазался.

3 вторник. Смотрела зал, где 7-го будет концерт, расстроилась ужасно.

Потом у Улса - профессор ленч, потом вечером встреча в миссии с работниками. Написала письмо Гульке домой. Пили чай у Плакиных и домой в отель.

4 среда в 12 ленч в ратуше. Смотрела чудесный фонтан с быками, потом отдала костюм шить «Славе». Получила от Arne письмо и вечером тоже письмо.

5 четверг. Был ленч у министра просвещения. - Потом вечером я и А.П.(Ерохин) пошли с письмом в радио-театр слушать - Малько!!

Да, это было настоящее переживание - когда я после 1-го отделения пришла к нему в артистическую, он меня сразу узнал и вспоминал мои ноги и Зибеля, и Кармен, и Отто, и косы, и все, все и всех.

Руки задрожали у него, но 4-ую симфонию Чайковского

дирижировал как бог!

6-го сентября. Отравилась чем-то, плохо мне было очень, пила сульфадил и «грустила». Весь день лежала с грелкой, а вечером поехала на прием к нам в миссию. Было много народу и были Малько - много разговаривали, не могли оторваться друг от друга весь вечер.

Странный он человек! Большой музыкант и учитель - жалко, что он не дома! Получила письмо Киерульфа.

7-го мой концерт в «Капыхаловке». Сначала накануне там драка, потом джаз, а потом «мировые знаменитости». Успех колоссальный, орали, стучали, в общем все в порядке.

Был короля брат с женой, он брат Николая двоюродный. И Ольга. Цветов была масса.

8-го воскресенье. Сидела дома, читала газеты и хорошие, и дурацкие рецензии. Клеила в альбом все рецензии и все болела.

9-ое. Примеряла костюм у Славы, потом ели пельмени у атташе. Говорила с послом о плане. Вечером атташе показывал нам город и дворцовую площадь. Потом говорили с Норвегией с друзьями и Кари. Она собирается приехать сюда в Данию. И завтра уезжаем утром за 500 км. в г. Одензе, потом в порт какой-то и обратно в Копенгаген. 12-го и 13-го здесь концерт и опять куда-то в Орхус поедем.

12 четверг - вернулись из Эсберга - вечером были на концерте Малько. Встретились с Ингушей в радио. Виктор весь светится.

13 пятница - Иду сейчас в парикмахерскую мыть голову. Сегодня мой с Виктором концерт в «Капыхаловке» для рабочих союзов. Какой успех огромный! Меня чуть не разорвали - масса цветов! Все руки были в губной помаде. И мужчины, и женщины целовали руки и орали как бешенные.

Один кричал уже после четвертого биса «Ave Maria?!» Одна «Саша» с Волги подарила мне карточки из последних Шаляпина с его письмом.

Провожали у авто. Плакали. В номере я и А.П. и звонили из Норвегии нам.

14 суббота. В 12 встала поехала к Вячеславу примерять платье к последнему концерту. В 3 часа поехали в Одензе. Ливень был страшный.

Приехали в Одензе в 8 ч. веч. номеров нет - специалури кац! (пишет по-грузински, в переводе на русский -«особый человек», - прим. И. О.)

Ночевали в доме свиданий «Лампа»!! Оказалось я забыла ключи от чемодана. Но утром в отеле Гранд - я додумалась его открыть сзади.

15 - воскресенье. У меня чудный номер с горячей водой.

Вечером в круглом зале типа цирка (форум) концерт для обществ. В 4 часа ленч у мэра города.

Концерт прошел хорошо, меня приветствовали, провожали, снимали шляпы на улицах.

16 - понедельник. Едем обратно в Копенгаген - в мою маленькую комнату в Эксальсиор. День нудный. Я сижу на палубе верхней на ферте (пароме). Солнце светит во все лопатки мне в лицо и пахнет морем, чайки!

Я должна успеть к примерке к Вячеславу сегодня и поездить по магазинам, кое что посмотреть. Все время забываю шпильки.

17. Вторник. Примеряла платье, покупала барахло. Смотрела фильм «Carmen», не понравился - сплошные убийства.

18. Среда. Мой концерт - весь день шила платок для концерта. Приняла много кофейка и было плохо с сердцем. Успех был огромный. Кари была на концерте. В 7 часов утра ехала.

19. Четверг. Всю ночь из-за кофеина не спала, а утром услыхала смех двух сумасшедших и вскоре ко мне пришли Палыч и.. - вечером были на концерте Малько.

20. Пятница. Боже! Опять торопление безумное и сегодня весь день с 1 часу до 8 ис 10 до 12 напевала пластинки -до изнеможения!! В 1 приехала домой.

А завтра на пароход нужно в 12 ехать в Хельсинки - у меня ничего не уложено - кошмарная, кошмарная ночь! Все мышцы дрожат от напряжения. Я думаю что я машина. Свалилась на постель как сноп - голова и сердце болят ужасно.

21. Суббота. Получили деньги за пластинки, но как, как их потратить? Палыч утром убежал покупать кое-что, а я собиралась в номере у себя. Грустили все, что я уезжаю уже домой.

В порт пришли все провожать и чудесный профессор Улсен и все друзья. Как тяжело было видеть грустные лица друзей моих и даже слезы. И как завязали бантик и пояс.

22. Воскресенье. Качка 4-5 баллов. День погожий. Солнце и красиво все на море. Только я так устала от всего, что какая-то опустошенная и голова и сердце и все, все. На пароходе меня узнали, просили петь.

Завтра должны быть в Хельсинки утром. Укачало меня страшно. Сидела наверху.

23. Понедельник. В 10 утра пароход подошел к пристани. Нас встретил Истомин и повез в посольство к Абрамову Ал. Ник. (моему норвежскому крестному). Он уговорил меня и Виктора дать здесь концерты и 28-го отправит в Москву.

Ради этого стоило остаться и при том в Хельсинки мой старый друг и Ваулеки и Пальгрем ждут меня! 25-го наш с Мержановым общий концерт. 26-го мой сольный, 27-го Виктора и

в путь.

(23) Сегодня вечером в посольстве был доклад о международном положении и наши все говорили с домом, - только я не говорила - телефон не отвечал - в чем же дело?

Я так расстроилась ужасно. Еще попытаюсь завтра поговорить днем.

24. Вторник. Вечером говорила с Митюшей.

25. Был общий с Мержановым концерт. Народ бесился, был президент и американок. генералы.

26 - четверг. Мой сольный концерт. Народ образовал узкий проход, коридор к авто, кричали, терзали. После концерта поехала в гости к муз. обществу к madame Melen (модистка). Чудесно провела вечер.

Сегодня 27 сентября пятница. Записывалась на фильм. Болит спина адски, устала я несказанно. Не знаю, дадут ли самолет.

В домашнем архиве Ольги Мчедлидзе хранится много бумаг ее великой бабки. Публиковать все - не задача этой книги. Приведенный выше дневник, или, скорее, путевые заметки, позволяют понять, что именно было главным в жизни «кремлевской певицы». Ну а выводы каждый волен делать сам.

Благодарность

Настоящая книга никогда бы не состоялась, если не помощь моих друзей, знакомых, помощников и собеседников, потративших не один час на рассказы о том, свидетелями чему им довелось стать.

Всем им выражаю свою сердечную признательность и благодарю:

- Католикос - Патриарха Всея Грузии Илию Второго;

- Митрополита Батумского и Лазского владыку Димитрия;

- Чабуа и Тамару Амиреджиби, Нино Аргутинскую, Александра Бурдонского, Тамару Геладзе, Марину Гуния, Манану Гедеванишвили, Татули Гвиниашвили, Киру Головко, Нино Зардалишвили, Кахи Кавсадзе, Марию Кнушевицкую, Мали Кандарели-Лиу, Георгия Канделаки, Анано Мелива, Ольгу Мчедлидзе, Марианну Мардер, Нону Матуа, Роберта Маглакелидзе, Нино Нижарадзе, Марфу Пешкову, Нино Сухишвили, Нани Чанишвили, Софико Чкония;

Вечная память тем, чья помощь в работе над этой книгой оказалась бесценной:

- Владимиру Асатиани, Галине Вишневской, Виталию Вульфу, Мирель Зданевич, Манане Кикодзе, Михаилу Казакову, Ольге Лепешинской, Акакию Мгеладзе, Вере Прохоровой, Рамазу и Наташе Чхиквадзе;

Отдельная благодарность в адрес:

- Национального музея Грузии и лично генерального директора Давида Лордкипанидзе;

- Музея Иосифа Сталина в Гори, Грузия;

- Архива МВД Грузии;

Низкий поклон гостеприимной и великой Грузии, на земле которой мне посчастливилось приоткрыть неизвестные грани истории.

Фотоматериалы